

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+



Crazyoptimistka
"Любовницы"

Crazyoptimistka

Любовницы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67291185

SelfPub; 2022

Аннотация

Любовницы... Сколько грязи в этом слове. И сколько боли. Сколько разрушенных судеб оно влечет за собой. И сколько слез таит. И не обязательно чужих, достаточно своих собственных. Потому что мы тоже люди и ничто человеческое нам не чуждо. Мы, как и все, хотим любить и быть любимыми. И не всегда за чужой счет... Сложная история трех женщин, сплетенных в один клубок. Кто они? Любовницы. Которые невольно станут свидетелями житейских перипетий друг друга. Но, не смотря на незавидный статус, им есть о чем переживать. И есть, что рассказать.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

1.Ника	5
2.Карина	11
3.Света	17
4. Ника	24
5. Карина	33
6. Света	42
7. Ника	48
8. Карина	55
9. Света	61
10. Ника	66
11. Ника	75
12. Карина	82
13. Карина	89
14. Света	95
15. Света	99
16.Ника	105
17. Ника	111
18. Карина	117
19. Карина	124
20. Света	129
21. Света	135
22. Ника	141
23. Ника	146

24. Карина	154
25. Карина	161
26. Карина	168
27. Света	175
28. Света	183
29. Ника	190
30. Ника	197
31. Карина	204
32. Карина	209
33. Год спустя	215

Crazyoptimistka

Любовницы

1. Ника

– Нукусь, ты почему еще не спишь? – слышится взволнованный голос мамы и я поднимаю голову вверх.

– А ты почему? – отвечаю вопросом на вопрос, но понимаю, что этим не отделаюсь. Поэтому просто пожимаю плечами и снова возвращаю взгляд на монитор компьютера. – Всего-то половина третьего. Не начинай.

Но легче остановить танк, чем маму. Она хмуро сводит брови к переносице и недовольно вздыхает, ставя чайник на плиту. Затем достает варенье из холодильника и снова вздыхает.

– Не бережешь ты себя, Ника, скоро совсем на тень станешь похожа, – перед носом появляется дымящаяся кружка со смешным тюленем и горбушка белого хлеба с маслом и клубничным вареньем наверху. Мое любимое лакомство с детства, которое я в жизни не променяю ни на какие пирожные. Вот только сейчас оно мне даже в горло не лезет и мама это видит. Она подвигает тарелку еще ближе и садится напротив, плотнее укутываясь в серую шаль.

– Кушай.

– Что-то не хочется.– Слабо улыбаюсь. – Я лучше Милке оставлю на утро.

– Мила голодная не останется, – с нажимом говорит мама. – Завтра у соседки займу и куплю что-нибудь вкусного к завтраку. И слышать ничего не хочу, пашешь как проклятая с утра до ночи и крошки во рту за целый день не бывает. Ешь, давай.

Все ее слова пропитаны не укором, а переживаниями. Как и взгляд карих глаз, в которых плещется боль. Блестящий академик в прошлом, а сейчас продавщица в сигаретном киоске. Могла ли она думать, что когда-то станет вот так жить? Впроголодь. Перезанимая у соседей, чтобы дотянуть до зарплаты? Вряд ли. Я до сих пор слышу, как она по ночам тихонько плачет. Особенно, когда моя младшая сестра снова находит себе проблем на голову, а разгребать приходится маме. В основном Ирка попадает на деньги, которых у нас попросту нет. Последний ее залет обошелся нам слишком дорого и пришлось продать стиральную машинку вместе с микроволновкой, чтобы откупиться от отморозков. Но разве Иру это как-то останавливало? Снова ночь, снова ее где-то носит. Вот истинная причина того, почему мама на ногах. И я готова своими руками придушить младшую сестру за это.

Хотя я тоже хороша... свалилась матери снегом на голову год назад вместе с трехлетней дочкой на руках. Без вещей, без обуви, без игрушек. С огромными от ужаса глазами и выскакивающим сердцем из груди. Я даже толком не

могу вспомнить каким образом успела захватить документы, когда муж в пьяном угаре выгнал нас из квартиры. Дорога домой тоже прошла в тумане. Вот я отдаю последние пятьсот рублей мужчине на потрепанной годами волге, а вот я передаю заснувшую Милу маме на руки, но сама не прохожу в квартиру. Прикрываю дверь с обратной стороны и долго рыдаю на лестничной клетке. Даже когда неизменная серая шаль опускается на продрогшие плечи, слезы продолжают стекать по щекам. Но так тихо, что я уже не прикусываю губы, чтобы не перебудить всех соседей своим воем.

– Тише, доченька, все утрясется. – Гладила меня мама по волосам прямо как в детстве. – Переживем и это.

Ее слова не стали бальзамом на израненное сердце. Но услышав их, я немного пришла в себя. Как ни печально это звучало, но мама знала, что говорит. На ее долю выпали суровые реалии, где от отсутствия работы отец, тоже некогда интеллигентный и уважаемый человек, на глазах спился и бросил маму с двумя детьми на руках. И женщина, которая в одиночку вытянула дочерей – погодок, лично в моих глазах была сильной личностью, к которой стоило прислушаться. Да, детство и юность трудно было назвать легкими, но... она старалась сделать их чуточку светлее, как всегда ограждая и закрывая нас своей спиной от всех проблем. Которые, словно острые стрелы вонзались в нее на каждом шагу. Странно, что из нас двоих, только я выросла и старалась отблагодарить маму за все, что она для нас сделала. Ирка же до сих пор

жила в свое удовольствие и даже не задумывалась над тем, что мама устала. И что она не вечная.

– Никусь, ты бы отдыхать пошла. – Мама поглаживает мое предплечье и заглядывает в глаза. – Вообще не спишь, вид такой уставший.

– Нужно текст закончить, – устало киваю на монитор, – заказчик ждет. А с ним счета по коммуналке, оплата садика для Милки и твои лекарства.

И это я еще тактично умалчиваю о том, что холодильник тоже нужно наполнить. Потому что вся мамина зарплата уходила на погашение долгов. А Ирка приносила копейки, которые потом же обратно изымала на свои гульки. И хотя это все остается в моих мыслях, мама прекрасно понимает меня без слов.

– Тебе пора сделать перерыв. – Она ненадолго замолкает. – Всех денег не заработать. Особенно так...

Спорить не хотелось, я и сама понимала, что на уроках репетиторства и подработке копирайтером многого не позволишь. Денег едва хватало на самое необходимое. А дальше? Мила растет, не за горами первый класс. А по нынешним ценам сборы ребенка в школу ничем не уступают подготовке к небольшой свадьбе.

– Да, наверно, ты права. Стоит найти еще работу. – Вздыхаю.

– Третью? – Изумляется мама. – Да ты и так света белого не видишь!

– Третью, четвертую, да хоть десятую, лишь бы мы не жили так! – Восклицаю и тут же зажимаю рот ладонью, чтобы не разбудить ребенка.

– Послушай, – мама теребит кончик шали, – есть другой вариант. Ко мне где-то раз в месяц приезжает солидная женщина, которая покупает дорогие сигареты для себя. И она каждую нашу встречу жалуется, что не может найти уборщицу к себе в дом. Слово еще такое модное говорит... постой, как же она называет эту вакансию... Работник домашнего клининга, вот. Может быть, я посоветую твою кандидатуру?

– Странно это как-то, – дую на горячий чай перед тем, как сделать глоток, – почему же к ней никто не идет? Что-то не так с характером или поведением?

– Да вроде бы интеллигентная, вежливая. Сына вот недавно женила, им квартиру в центре отдала, а сама в дом переехала. Видно, что немного ей одиноко и она ищет с кем бы скоротать время. Может стоять и болтать у моего киоска час, а то и более. Но разве это какой-то страшный недостаток?

– Может быть требования высокие, а оплата низкая? – Продолжаю гадать.

– Дочка, вот как раз деньгами там не обижают. Она как-то назвала мне сколько готова платить, – и мама проговаривает цифры вслух.

От названной суммы внутри все сжимается. Это же даже больше, чем мы зарабатываем все вместе взятые за два месяца. Да что говорить, мама свободно могла больше не ра-

ботать и подстраховывать меня с дочкой на случай непредвиденных больничных. И у нас бы при этом еще оставались свободные деньги. Черт, да я уже забыла, что это такое, когда денег в кошельке не впритык.

– Мам, а ты ничего не перепутала? Разве столько платят за уборку пыли и мойку полов?

– Нет, – качает она головой в ответ, – думаю, что там попросту много работы. Что скажешь? Не будет ли тебе стыдно...

– Боже мама, какой стыд? – Перебиваю ее. – Это такая же работа, как и все остальные. Подумаешь, ведра потаскать нужно и тряпкой поработать. Не вижу ничего страшного.

– Так ты согласна?

– А у меня есть выбор? – Смотрю в ее глаза.

И она молча кивает. Потому что выбора как такового нет. Хочешь жить – умей вертеться. А ради Милки я готова и на тяжелый труд, лишь бы она ни в чем не нуждалась.

2.Карина

– Кариночка, свет моей души, босс у себя?

Поднимаю глаза и вижу начальника юридического отдела. Семен Олегович как всегда уперся обеими ладонями об столешницу моего стола и навис надо мной. При этом, плотно скользя взглядом по моему лицу и спускаясь к фигуре. Вздыхаю и откладываю в сторону ежедневник, в котором как раз в это время отмечала встречу с девчонками.

– У него совещание, – прищуриваюсь, – подождете или оставите послание?

– Я бы с удовольствием задержался часок – другой в твоей компании, – сально усмехается мужик, – но лучше черкани ему записочку.

– Внимательно слушаю, – беру листочек, пропуская мимо ушей явный пошлый подтекст.

– В восемь у Марика на его машине, – Семен Олегович тычет пальцем по дорогим часам. – И пусть не опаздывает. А еще не мешало бы, если бы он захватил два последних контракта, может чего выгорит. Я б в этот список еще и тебя добавил, но у Ильи ж свои принципы.

– И как нам с этим несказанно повезло, да? – Вздыхаю.

– А я тебе уже давно говорил, красавица, время зря теряешь. Сговорчивей надо быть, Кариночка. Не там ты свое счастье ищешь.

Медленно закипаю, но стараюсь не подать вида. Вскидываю голову и улыбаюсь приторной улыбкой, от которой у самой сводит челюсть.

– А с кем надо? С вами что ли?

– Разве плохой вариант?

– Да так, не очень.

– А ты внимательней приглядишься, – он обводит себя рукой. – При деньгах, при статусе. Не женат.

– Семен Олегович, придумайте что-то новенькое.

– Он на тебя никогда так не посмотрит, как смотрю я, – шипит обиженный мужчина. – Он свою жену в жизни не оставит. Ты же девочка не глупая, Карিশ...

– Вот поэтому, уважаемый Семен Олегович, я на ваши выпады и не реагирую. – Облизываю губы. – Потому что умная. Что-то еще в записочке допишем?

– Нет, этого достаточно. – Мужчина отлипает от стола, но не спешит покидать приемную. – Красивая ты Карина, но сука.

Смотрю вслед удаляющемуся начальнику отдела, а у самой медленно сползает с губ эта треклятая улыбка.

– Урод, – шепчу себе под нос, когда откидываюсь на мягкую спинку кресла.

Но слова Семена противно впиваются в мозг и набатом звучат в ушах.

Он свою жену в жизни не оставит...

Вздыхаю и прикрываю глаза, когда за закрытой дверью

слышится властный тон. От него тут же на коже все волоски встают дыбом. А за ними и соски царапаются об тонкое кружево лифа. И внизу живота нарастает привычное напряжение. Приходится сжать колени крепче и устремить взгляд в окно. А там сыро, пасмурно и дождливо. Прямо как мое настроение с утра. Прямо как и вся моя жизнь в последнее время с того момента, как я устроилась сюда на работу.

За дверью снова слышатся возгласы и звон битой посуды. Морщусь и тянусь за ежедневником, чтобы сделать пометку о покупке нового кофейного сервиза. Пятого за две недели. Дверь с грохотом распахивается и вереница людей оказывается в приемной. Не завидую им сейчас. Кто-то точно останется без отпуска, кто-то без премии, а кто-то вообще лишится своего места...

– Карина!– слышится почти приказ.

И если все остальные, поджав голову, спешат быстрее скрыться, то я... наоборот. Спокойно встаю со своего места и, не реагируя на косые взгляды, иду в кабинет.

– Да, Илья Романович? – на автомате прикрываю дверь за собой и невозмутимо смотрю на мужчину.

Но это так чертовски сложно делать, когда перед тобой тот, кем ты восхищаешься. Панфилов Илья – был именно таким человеком для меня. Красивый, мужественный, акула в своем деле. Всегда и во всем строгий. Именно по его желанию, для женского персонала в этом холдинге существовал дресс-код: никаких юбок и платьев, тем более не приветство-

валось декольте. Спокойный макияж, неброская прическа. Вообще, под запретом было все то, что могло хотя бы на долю секунды привлечь мужское внимание. Все то, что было нашим женским орудием. И соблазнить желанного мужчину без этого... было крайне затруднительно. Но я не сдавалась.

Брюки и водолазка кофейного оттенка облегают мое тело, словно вторая кожа. Волосы собраны в высокий конский хвост, на запястьях звенит пару браслетов. Шпильки надежно прикрыты краями штанин. Но он не обращает никакого внимания на этот до каждой детали продуманный образ. Пол нашего этажа пускает слюни мне вслед. А я пускаю эти слюни на Илью. И ничего не могу с собой поделаться. Он чертовски привлекателен, особенно, когда зол.

– Петров, Скляренко и Черкашин, – он дергает галстук вниз, ослабляя узел, – подготовь документы на их увольнение.

– Есть, – черкаю в блокноте фамилии бедолаг.

– Фомин и Жаров – минус двадцать процентов от оклада и внесение выговора в личное дело.

– Угу, – отрываюсь от записей и встречаюсь с невероятно красивыми глазами, в которых сейчас плещется раздраженность. – Кстати, Семен Олегович просил вам передать вот это послание.

Делаю пару шагов навстречу и протягиваю ему записку, но когда наши пальцы соприкасаются, отшатываюсь. И на чем свет матерю свое тело за предательски влажные тру-

сики.

– Хорошо, – отзывается он после изучения записки. – Перераспредели все мои оставшиеся дела на завтра.

– Что-то еще?

– Да, – он даже не смотрит на меня, когда указывает на стену, – вызови уборщиц, чтобы убрали косяки.

На поверхности уродливо расплзается кофейная клякса с подтеками до самого низа. А так как именно я занималась вопросами отделки этого кабинета, то прекрасно знаю, что пятно уже въелось в фактурное покрытие стены и просто отмыть его не получится. Но молчу, зная и то, что Илье глубоко плевать на процесс и способы достижения желаемого. Ему важен результат.

– Будут ли еще указания до моего обеда?

– Нет, ты свободна. – Илья на секунду перемещает свой взгляд на меня. – Хотя нет, закажи доставку белых лилий на сегодня ко мне домой.

– Вашей жене очень повезло, – позволяю себе редкий комментарий в сторону его семьи, – мужчина, который помнит памятную дату – на вес золота.

– Мне не нужны никакие особые даты в календаре, чтобы порадовать свою жену. Это моя прямая обязанность. – В холодной и только ему свойственной манере, отвечает Илья.

И я отчаянно завидую ей. Потому что любая женщина косяками ляжет за такого мужчину. И это дикая несправедливость, что он достался не мне. Я же по любому лучшее нее.

Возможно, даже красивее. А еще моложе. Кто бы что ни говорил, а молодое тело все же способно на большее, чем то, которое лет на пять старше.

Выхожу из его кабинета и, подхватив свою сумочку, ухожу в уборную. Не смогу работать, пока хотя бы раз не доведу себя до оргазма.

3.Света

– Только не говори, что ты это сделала, – даже перестаю помешивать чай, пляясь на подругу, как на больную.

– А что здесь такого? – Карина грациозно закидывает ногу на ногу.

– Ну, самоудовлетворение на рабочем месте... так себе затея. Тебя же могли услышать.

– Но не слышали же.

– Что вы уже не поделили? – подоспевает к нашему столу Ника и плюхается на соседний стул.

– Да наш светлый ангел Светлана решила почитать мне морали по поводу оргазмов на работе.

– А, – Ника качает головой, – я надеюсь, ты хоть делала это не вот этим самым пальцем, который сейчас облизываешь от крема?

– Может быть и им, – нахально ухмыляется подруга и демонстративно посасывает указательный палец.

– Фу, – вырывается у меня, – это, по меньшей мере, аморально.

– А по большей?

– Не гигиенично. – Багровею. Блин, делала она, а краснею почему-то я.

– Ох, Светка, ты десять лет замужем, а до сих пор ведешь себя как монашка. – Карина отпивает свой латте. – Как там

Федя поживает? Все так же довольствуется сексом раз в месяц, когда дети у бабушки?

– Ну, знаешь ли, – фыркаю, – трудно выделить минутку на интим, когда у тебя под ногами вечно снуют два карапуза.

– Господи, Света, одному десять, а второй восемь. И они явно уже не вписываются в эту категорию. Между прочим, вас никто не заставлял делать столько детей так быстро. Можно было сначала встать на ноги, а уж потом трахаться как кролики без гандонов.

– Федя не любит презервативы, они ему натирают. – Не знаю зачем, но оправдываюсь.

– Он и работать у тебя не любит. – Безжалостно рубит Карина. – Зато тебе такая жизнь по ходу в радость. Трое висят на твоей шее, в то время как ты сама пашешь без выходных кассиром в супермаркете.

– Не надо на мне срываться лишь из-за того, что тебе между ног не падает мужик, которого ты так хочешь, – огрызаюсь на ее выпад.

– Вот, – Карина даже не обижается на мои слова, а начинает восторженно хлопать в ладони, – будь добра, сохрани эту интонацию для своего мужа, когда погонишь его поганой метлой из своей жизни.

– Карин, хватит, – Ника осторожно влезает в разговор, – ты реально перегибаешь палку.

– Снова играешь в адвоката? – Карина скептически выгибает бровь.

– Ну, кто-то же должен, – Ника крутит в руках салфетку и улыбается, – если бы не я, ты бы Светку давно сожрала и не подавилась.

– Значит, кое-кому пора наконец-то научиться отстаивать свое мнение. – Стоит на своем подруга.

И я не обижаюсь на нее. Правда. Уже привыкла. Как ни как, нас троих связывает дружба со школьной скамьи. И Карина всегда была такой. Дерзкой, колкой на язык и амбициозной. Учителей доводила до седых волос своими выходками. Хотя была умной, зараза. И школу закончила с тройками по основным предметам лишь из-за вредности. А точнее, назло отцу. Потому что не хотела идти в выбранный им институт. Почему? Карина с юного возраста видела себя именно на месте секретарши успешного человека. Или «секретутки», как в порыве злости часто называл ее папа.

Я тоже не понимала эту странную заикленность подруги. Но с каждым годом нашего взросления, появлялись бреши в этой загадке. Карине нравилось быть на виду у мужчин. Ей нравилось флиртовать с ними, получать подарки, которые она потом без зазрения совести сбегивала нам. А мы... сначала сопротивлялись. А потом принимали.

Я – потому что в жизни бы не получила таких украшений от Федыки. Да и сама бы не купила.

Ника – потому что на деньги от сданных в ломбард драгоценностей выживала со своей семьей.

А кто мог лучше всего утолить желания Карины? Для кого

такие презенты были обычным делом? Богатые бизнесмены и главы крупных холдингов. И обычные знакомства с такими людьми в барах да ресторана подруге не нравились.

Скучно.

Вот как она говорила о них. А ей подавай охоту, драйв, азарт от того, как мужики теряли свою голову при виде роковой брюнетки. И звание «любовницы» ее вовсе не смущало. Ведь все спонсоры были поголовно женаты. А она все перебирала, все искала кого-то особенного. И, вот, нашла. Теперь с ума сходит от того, что ей впервые отказывают да еще и в такой манере.

Где-то на подсознательном уровне я немного злорадствовала. Потому что, как бы ни сопротивлялась самой себе, все равно проигрывала своей же собственной зависти. По сравнению с Кариной, моя жизнь была тухлой и однобокой. Залетела от Федя на выпускном в школе после одиннадцатого класса. Родители были в шоке, но быстро среагировали. Молниеносная свадьба, чтобы слухи не поползли. Рождение сына и с горем пополам оконченный техникум, откуда я вышла Светкой – швеей. Муж обещал золотые горы, собственный дом и полное благополучие. Но... ни черта для этого не делал. Мечты так и остались ими. А мы, уже пополневшие на дочь, до сих пор ютились в бабушкиной однушке. Я работала кассиром, Федя перебивался на стройках. А хотелось жить, как в сказке. Да не получалось.

– Ну, а ты как? – голос Карины возвращает меня к нашим

посиделкам.

– Я? – Ника пожимает плечами. – Да все, как ты любишь. Полная и непросветная задница. Ирка снова с кем-то шляется, мама загинается в ларьке. А я вот пришла выпить человеческого кофе за твой счет, потому что у самой нет таких денег.

Усмехаюсь. Ника – молодец. Я ею восхищаюсь. Простая, как я. Бед по жизни хлебает чаще, чем среднестатистический человек и все равно не утратила огонька. Каринку вон как осаждает правильно. Если на нас троих посмотреть, то мы похожи на море.

Карина – верхушка, по которой гуляют крышесносные волны. И своей опасной красотой они влекут тех, кто желает их покорить. Но не все выживают в этом водовороте.

Ника – середина. На такой глубине уже нет шторма, здесь спокойно. И красота этой воды хоть и не такая яркая, но она обещает тебе какое-то умиротворение.

Я – дно. Здесь темно, вязко и нет просвета. Здесь покоятся обломки всех мечтаний и надежд. Отсюда уже не всплывают.

У девчонок хоть как-то жизнь менялась, а я что? Настолько погрязла в бытовухе, что однажды проснулась и поняла, насколько стала похожей на Федю. Есть хоть какая-то крыша над головой – хорошо. Хватило продуктов, чтобы борща на две недели сварить – отлично. Шевелиться не хотелось. Да и стимула больше не было.

– Хотя нет, – Ника ставит на стол опустевшую чашку, –

есть хорошая новость. У меня появится скоро работа.

– Какая? – подаю голос, обозначая, что все-таки слушаю разговор.

– Десятая по счету, – подкалывает Карина.

– Убирать дом, – Ника тепло улыбается мне и совершенно не реагирует на нашу зазнайку.

– Поломойка что ли? – снова влезает брюнетка.

– Карин, выбирай слова, – шикаю на нее.

– А что? Я ей предлагала нормальную работу и что теперь слышу? – не унимается та.

– Для должности секретарши у меня, к сожалению, нет твоей красоты и харизмы. – Ника украдкой посматривает на часы. – И твоих оральных... прости, ораторских и организаторских талантов.

– Всему можно научиться, – парирует Карина. – Было бы желание. А у тебя его нет. Променяла реальный шанс хорошо устроиться на... Ладно, спасение утопающих дело самих утопающих. Если нравится, то почему бы и нет? Светка вон не жалуется. Значит, по ту сторону благополучия не так уж и плохо.

– Спасибо, родная, – закатываю глаза, – всегда знала, что я для тебя пример для подражания.

– Скорее, прямое доказательство того, как делать не стоит. – Девушка бросает купюры на стол и встает со своего места. – Пора мне бежать, мои хорошие, начальник не любит опозданий.

- Да он и тебя не любит, – меланхолично подсказываю ей.
- А это, – лукаво улыбается Карина, – временное явление.

4. Ника

– Миленькая, давай быстрее, – тяну дочку за руку, но Мила сегодня как назло считает всех ворон по дороге в сад. – Зайка, мы опаздываем к завтраку.

– Не хочу туда идти! Не хочу есть кашу! – противится малышка.

Как там говорят? Утро началось не с кофе? Если так, то да. Не знаю почему, но именно сегодня в день собеседования, Милка капризничала как никогда. И колготки не те цветом, и то хочу косички, то уже надо плести хвостики.

– Мила! – одергиваю ее, когда дочка заводит ту же пластинку, что и вчера. – Прекрати, пожалуйста. Мы же договаривались, что сегодня с тобой после сада погуляет бабуля.

– А я хочу с тобой! – топает ногой моя принцесса.

– Господи, дай мне сил, – шепчу себе под нос и стараюсь не нервничать. – Зай, мы же с тобой вчера разговаривали, помнишь? Маме надо на работу.

– Ты постоянно работаешь и совсем со мной не играешь, – дует губы ребенок и от этих слов, мое материнское сердце сжимается.

Вот они, суровые реалии матери – одиночки. Когда приходится чем-то жертвовать, чтобы не сдохнуть с голода. И обычно – временем для своего ребенка. Мне жалко Милку, она действительно видит меня либо рано утром, когда я ве-

ду ее в сад или поздно вечером. Когда я после двухчасовой поездки домой приползаю уставшая и хочу только одного – тишины. Я все себе обещала, что завтра уж точно отложу все дела в сторону и займусь чем-то с дочкой. Но новый день наступал, а с ним и новые проблемы. Которые снова заставляли меня нарушать обещание.

– Солнышко, мне очень нужно, что ты помогла маме, – останавливаемся у калитки детского сада и я присаживаюсь перед ней на корточки. – Если меня сегодня примут на работу, я смогу оставить все остальные подработки. Мама будет меньше работать и больше времени проводить с тобой. А еще я смогу часто покупать тебе конфеты и печенье.

– Не хочу конфеты, – Мила смотрит на меня своими огромными глазенками.

– Киндеры? – не сдаюсь и вижу, как на лице дочки зарождается неуверенная улыбка.

– Много? – тихо переспрашивает она.

– Почти каждый день, – заговорщицки подмигиваю ей, – только побудь сегодня хорошей девочкой, ладно?

– Хорошо, – важно отвечает она мне, – только не говори там, что я у тебя есть.

– Это почему? – непонимающе смотрю на свою кнопку.

– Я слышала, как мама Егора сказала, что ее не берут на работу из-за того, что он у нее есть.

– Эмм... – входим на территорию сада и я качаю головой, видя остальных деток нашей группы, – Мил, ты не так поня-

ла. Она имела в виду то, что ее сынок еще маленький и часто болеет. И его мама только поэтому не может работать.

– Все равно, не говори, – слишком по-взрослому стоит на своем Мила.

И это поражает, а еще ужасает. Неужели отсутствие папы в семье заставляет деток так быстро взрослеть?

Этот разговор оставил какой-то странный отпечаток в душе и я не могла избавиться от него почти до самого порога дома моей будущей работодательницы. Лишь украдкой подметила, что на дорогу ушло около часа сорока с двумя пересадками. Сам по себе частный сектор не отличался от тех, что я видела раньше. Здесь старые и покосившиеся домики соседствовали с матерыми и новыми постройками. Естественно, Любовь Андреевна жила именно в таком. Красивом доме из красного кирпича в два этажа с огромным садовым участком, покрытым зеленым газоном. И вся эта красота просматривалась сквозь кованый забор, которым по периметру был огорожен участок. Я настолько увлеклась рассматриванием, что не услышала, как сзади подъехала машина и даже подпрыгнула от неожиданности, когда послышался короткий гудок клаксона. Испуганным зверьком зыркнула на водителя, который что-то показал мне рукой. И только потом я поняла, что он требовал отойти в сторону, чтобы он заехал внутрь. Но поравнявшись со мной, машина останавливается и боковое стекло двери водителя бесшумно опустилось вниз. Как и мое сердце. Мужчина за рулем обладал та-

кой внешностью, которая вызывала во мне какой-то трепет. Изучающий взгляд голубых глаз заставил мои ноги прирасти к земле. Но интерес в них быстро сменяется на скуку и он весьма недовольным тоном бросает в мою сторону:

– Что бы вы ни предлагали, мы в этом не нуждаемся.

– Пойдите...

– Девушка, я максимально ясно объяснил, – начинает сердиться он в ответ, – отойдите от моего дома.

Уму непостижимо, он отшил меня так, словно перед ним стояла попрошайка, которая не давала ему прохода. И это обижало.

– Подождите, – обретаю голос, когда понимаю, что калитка сейчас захлопнется перед моим носом.

– Сколько? – довольно враждебно спрашивает у меня парень.

– Что «сколько»? – хмурюсь.

– Сколько вам заплатить, чтобы вы не раздражали меня и моих соседей?

– Я вообще-то приехала на собеседование, – мой лимит доброты тоже не резиновый и голос стал грубее.

Собеседник замирает у машины и теперь более внимательно осматривает меня. Все очарование первых минут разбивается об этот колючий взгляд. А еще об кольцо на безымянном пальце его правой руки. Внутренний голос подсказывает, что это сын хозяйки дома.

– Ясно, – цедит он, – очередная уборщица?

– Да, – спокойно соглашаюсь и тем самым показываю, что мне ни капельки не стыдно. – Вас что-то смущает?

– Ваш возраст и явное отсутствие опыта работы.

– Мне кажется, чтобы помыть полы, – пожимаю плечами, – высшего образования не требуется.

– Высшего – нет, – парень подходит ближе и меня обдает ароматом бергамота. – Но у нас дома много антикварных вещей из разных материалов. А к ним столько же разновидностей моющих средств. И было бы хорошо, если бы вы в них разбирались.

– Не переживайте, – кончики губ трогает подобие улыбки, – читать умею и прекрасно понимаю, что не стоит мыть персидский ковер хлоркой.

А он все стоит и прожигает в моем лбу дыру. Никогда не понимала таких людей. Ну не задалось у тебя утро, да пойдешь ты поори в подушку. Или выпусти пар в спортзале. А судя по крепкому телосложению парня, он бывал там частым гостем. Чего взъедаться на того, кто тебе ничего не сделал?

– Я могу пройти? – уточняю у него. – Или собеседование будет проводиться на улице?

Знаю, это уже перебор. Но его нервозность каким-то образом передалась мне. Хотелось побыстрее оказаться в другом месте, где я бы его не видела.

– Ну, входи, – он все же пропускает меня внутрь и закрывает следом кованную дверь калитки. – Рекомендательные письма есть? Хотя, о чем я спрашиваю?

– У вас сегодня плохое настроение? – не удерживаюсь от капельки язвительности и тут же влетаю носом в его спину.

Парень, как в замедленной съемке поворачивается ко мне лицом. Он выше и я едва своей макушкой достаю ему до подбородка. А еще он слишком близко. Настолько, что перед глазами маячит расстегнутый ворот белоснежной рубашки, где виднеется небольшой участок загорелой кожи. Контраст. Как кофе с молоком в фарфоре. И запах... который проникает в мои легкие и заставляет их сторать с каждым вздохом. Ругаю себя за эту внезапно охватившую слабость перед чужим мужчиной. Так нельзя. Это глупо и неправильно. Особенно, когда он смотрит на тебя так... так уничтожающе.

– Вы уж определитесь, кто вы, – хмыкает он, – то ли уборщица, то ли психолог.

– Хорошо, обязательно дам вам знать о своем решении, – поджимаю губы.

Но он не успевает ничего ответить, потому что входная дверь распахивается и на пороге появляется его мама, явно удивленная его приездом.

– Андрей? Что случилось?

– А разве что-то должно произойти, чтобы я приехал домой? – И в этот момент видно, как он борется с собой и своим раздражением. – Мам, прости, я просто устал. Выдался плохой день, а еще я устал от городского шума.

– А Вика где? – хлопает она глазами, провожая его взглядом, когда Андрей движется лестнице на второй этаж.

– Мам, кажется, у тебя гости, – слышится ответ.

И это явный намек на меня. Любовь Андреевна встрепелась и всплеснула руками:

– Господи, Ника, простите! Это так некрасиво с моей стороны!

– Что вы, – мягко улыбаюсь женщине, – все в порядке.

– Не стойте, проходите, – манит она за собой, – надеюсь, Андрей вас не смутил? Иногда он так похож на своего деда своим характером. Я уже думаю, что не зря мы назвали сына в его честь. Такой же вечно хмурый, строит всех, кто рядом.

Андрей.

Пробую про себя это имя на вкус. И с каким-то удовольствием отмечаю, что этой глыбе холода и льда оно очень к лицу. Я встречала мягкого по характеру одноклассника Андрюшку, которому вечно собирала рюкзак мама. Видела соседа Андрона, который постоянно бухал на гаражах. А вот этого Андрея не хотелось называть никаким из уменьшительных или другим производным от этого имени. Только так. Андрей. Сильно и строго, как и сам владелец.

– Может, чай или кофе? – Любовь Андреевна проводит меня в гостиную, которая выглядит очень мило.

Да, там действительно много редких и красивых вещей. Но смотрятся они не вызывающе. Они дополняют интерьер, а не кричат о том, что у живущих здесь людей много денег на кармане.

– Нет, нет, спасибо.

– Дайте я тогда на вас просто погляжу. Риточка так много о вас рассказывала.– Женщина улыбается, упоминая мою маму. – Надо же, какая ты красавица.

– Эмм... – не знаю, как реагировать на это.

– Да не робейте вы так. Compliments надо принимать, а не бояться их. Сколько там той жизни, да? У нас, у женщин, она быстротечнее, чем у мужчин.

– Верно, – соглашаюсь с улыбкой.

– Какая же вы все-таки миленькая. Вам мама все рассказала о моем предложении? Вы согласны на такую работу?

– В общих чертах и хотелось бы небольшой конкретики.

– Что ж, мне требуется помощница по дому, особенно по уборке. Как видите, возраст уже не позволяет прыгать как козочка по полочкам. Вам нужно приходиться трижды в неделю с восьми утра до шести вечера. Иногда могу попросить задержаться либо выполнить дополнительные просьбы. В общем, вроде бы ничего сложного.

– Могу я кое-что спросить?

– Да, конечно.

– Почему такая текучка при довольно хорошей оплате?

– Красивая да еще и умная, – Любовь Андреевна довольно качает головой, – скрывать не стану. Многие, кто оказываются здесь... поступают весьма плохо. Воровство на первом месте, лень на втором. А до женитьбы Андрея бывали случаи, когда девушки вертели перед ним своими хвостами. И он их тут же выставлял за порог. Но смотря на вас, понимаю,

что ничего из вышеперечисленного к вам не относится.

– Я это гарантирую. – Подтверждаю ее слова.

– Тогда жду вас завтра, – женщина поднимается со своего места и я повторяю следом за ней. – Подпишем необходимые бумаги по сотрудничеству и я покажу вам фронт работы.

– Хорошо, – киваю в ответ, – до завтра.

Но стоит мне выйти в коридор, как хорошее настроение тут же улетучивается. Разбивается о глыбы, которые застыли в голубых глазах. Андрей сидел на нижней ступеньке лестницы и крутил в пальцах незажженную сигарету. Такое чувство, будто он подслушивал. Хотя... бред какой-то. Зачем взрослому человеку вести себя как ребенок?

Отмахиваюсь от этих мыслей и просто прохожу мимо. Оставляя его позади вместе со всей этой чертовщиной, которая творилась со мной рядом с ним. Как хорошо, что Андрей здесь не живет и наш контакт с ним станет редким исключением, а не постоянной вещью.

5. Карина

– Поласкай себя.

Не особо это хочется сегодня делать, но по другому и не получится. И ему, и мне нужна разрядка. И я, закрыв глаза, устремляю руку вниз. Скольжу по кружеву и ныряю пальцами под трусики. А там, как в Сахаре. И я злюсь на себя. На Илью. За то, что не могу выбросить его из своих мыслей. Соответственно, не могу возбудиться как следует. Но есть у меня одна хитрость, которая спасает в моменты когда «не хочется, а надо». Я представляю, что это Илья сейчас сидит в кресле напротив. И это для него мне надо побыть грязной девчонкой. Машинально повторяю брошенную фразу про себя, но уже другим голосом. И это действует на меня не хуже наркотика. Влага на складочках не заставляет себя ждать и я распределяю ее скользящими движениями по всей поверхности. А затем ввожу в себя сначала один палец и потом второй. Из груди вырывается низкий стон удовольствия. Ноги сами собой раздвигаются шире, чтобы угол обзора стал максимальным. Вторая рука оттягивает лиф и сдавливает соски. Бесстыдно подмахиваю бедрами навстречу собственным пальцам и теку при этом, как последняя шлюха. Но для него. Все для него.

– Перевернись, – командует «Илья».

Послушно выполняю команду и охаю от того, насколько

он резко врывается в меня на всю длину. Оргазм накрывает слишком быстро, кажется, уже на третьем толчке, в глазах рассыпаются звезды. И когда его пальцы зажимают клитор, окончательно теряюсь в ощущениях. Но сладкая нега недолго держится, потому что я вспоминаю, что это не Илья. Это Игорь и ему нужно «крутить» меня во всех немыслимых позах еще минут двадцать, чтобы кончить. Раньше мне это нравилось, ведь он был любовником на твердую четверку и секс с ним приносил удовольствие. Но последние пару-тройку месяцев что-то пошло не так. У него появились серьезные проблемы по работе и это отразилось на нашей постели. Я же хотела в своих мыслях совершенно другого мужчину. И на данный момент, все наши встречи с Игорьком стали приносить одно лишь раздражение.

– Прости, – мужчина покидает меня внезапно и я едва подавляю вздох облегчения, – ты как? Всё?

– Я – то да, а ты? – тяну покрывало на себя и укутываюсь в него.

– Да я... ничего, – он хмыкает, когда указывает взглядом на вялость между ног. Затем достает сигарету из пачки, которая валялась на прикроватной тумбочке и поджигает ее.

– У тебя все в порядке? – забираю сигарету и затягиваюсь.

– Да хреново у меня все, Кариш, кажется меня закроют скоро. Проворовался я крупно и это заметили. Так что это наша последняя встреча с тобой. Завтра беру семью и сваливаю отсюда пока не поздно. А тебе вот подарок на прощание.

С этими словами он поддевает пиджак со спинки стула и достает из кармана свернутые бумаги. С интересом принимаю их и, когда читаю содержимое, глаза округляются еще больше.

– Это... очень щедрый жест, – подаюсь вперед и целую его в губы. – Спасибо.

– Да было бы за что.

Вот что, а Игорь никогда не скупился на подарки. Возможно, этим он компенсировал все недостатки, о которых догадывался. Но квартира в центре... уж слишком большой куш.

– Скидываешь балласт? – усмехаюсь.

– Что-то типа того, – пожимает он плечами, когда натягивает брюки обратно. – Не бойся, проблем не будет. Все оформлено официально и по последней букве закона.

– Очень жаль, что так вышло, – сочувствующе произношу, обхватывая его со спины, – я буду скучать.

– Сделаю вид, что буду верить, – Игорь замирает на мгновение, но лишь для того, чтобы клацнуть пряжкой ремня. – Но думаю, с твоими талантами ты недолго пробудешь одна. Хатка уже есть, так что стряси с будущего ебаря тачку. А то, что ты все на такси да на такси.

– А у тебя случайно нет таких же щедрых друзей, которые помогли бы мне с этим вопросом? – даже не обижаюсь на этот выпад. Потому что знаю, я у него не единственная любовница. Просто в какой-то момент стала фавориткой. Такая же ситуация и у меня с ним.

– Тут сама, Кариш, уже сама.

– Не хочешь мною делиться?

– Да там мужики – не кобели, – Игорь накидывает пиджак и качает головой, – а примерные семьянины. Нечего тебе там ловить.

– Хм, что ж, буду тогда горевать пока одна, – крепко-крепко целую его на прощание. – Но буду это делать уже в своей собственной квартире. Ты хоть маякуй иногда, что жив и здоров.

– Ты свою прекрасную головку чужими бедами не забивай. Просто живи Кариш и радуйся жизни.

Мне действительно немного жаль с ним расставаться. Но... и не к нему у меня душа лежала. Зря девочки смеялись и называли Илью моей идеей «фикс». Мол, пересплю с ним и попустит. Не попустит. Я когда ему в глаза смотрю, то пропадаю. Видеть его хочу каждый день рядом. Баловать. Любить. И когда-нибудь это все-таки случится. Обещаю.

Но сначала надо обмыть с девчонками мой подарочек в виде квартирки. Беру телефон и открываю наш с ними общий чат, где зазываю на чай в якобы новое местечко. Указываю геолокацию и ставлю хитро подмигивающий смайл. Ох, уже представляю их реакцию на это! Ника сдерженно хмыкнет, а вот Светке капитально сорвет крышу. Но кто ей виноват, я уже тысячу раз говорила и не устану повторять. Не хер было выходить замуж за кого попало. Федька и в школе был раздолбаем. Неужели она считала, что сможет сделать

из него что-то стоящее?

Телефон в руках вибрирует, но это сообщение от сотрудника в рабочем чате, где всюю обсуждают завтрашний банкет по случаю пятилетия нашего филиала. Естественно, половина записей касается предпочтений в выпивке.

И я так не люблю эти праздники. Во-первых, Илья никогда их не посещает. У него есть железное правило – не пить с сотрудниками за одним столом. Во-вторых, через каких-то пару часов все нажираются в хлам до такой степени, что начинают быковать. Грустное зрелище, когда сорока, а то и пятидесятилетние мужики начинают меряться пискьями. А в их случаях, когда они поголовно заплыли жиром от сидячей работы, то получается, что животами. Но идти придется, потому что явка обязательна. Юбилей, чтоб его. Но есть и положительная сторона во всем этом. А именно новое бандажное платье, которое дожидалось своего часа. Яркое, алое, моя вторая кожа на тот вечер. Так уж и быть, внесу красок в их пресные жизни, раз уж Игорек в бегах и у меня появилось больше свободного времени.

Собственно рабочий день пролетел незаметно. Все так были воодушевлены предстоящим вечером, что я почти не слышала ругни между сотрудниками. Смысла ехать домой, чтобы готовиться к банкету я не видела и поэтому взяла все необходимое с собой. Расчет был прост: Илья уходит ровно в шесть и приемная, как и его кабинет остается в моем полном распоряжении. Так что я спокойно пожелала ему хорошего

вечера на прощание, но при этом, не преминув мысленно облизать этого мужика и, подождав еще пять минут, скрылась за дверь с защитным чехлом, где покоилось платье.

Да, это именно то, что я хотела увидеть на себе. Платье шикарно село по фигуре, открывая немного ложбинку груди и полностью оголяя спину. Волосы, которые предусмотрительно завила утром, темным водопадом растекаются почти до самых лопаток. На губах такая же в тон платью алая помада. И шпильки. Провожу руками от груди до талии и заморожено смотрю, как ткань переливается в полутемном кабинете. Но когда оборачиваюсь, чтобы выйти за оставленной сумочкой, нарываюсь на темный взгляд из-под густых черных ресниц.

– Илья... Романович? – выдыхаю и чувствую, как краснею.

– А кого ты ожидала увидеть в моем кабинете? – чуть хриплым голосом отзывается он, не отрывая от меня своих глаз.

И я понимаю, что предстаю в таком виде впервые перед своим шефом. И вроде бы должна чувствовать себя комфортно. Я должна показать ему, что за бриллиант находится рядом с ним все это время. Но вместо этого не нахожу слов и мы продолжаем играть в молчанку. До тех пор, пока мой телефон не разрывается в это тишине от громкого оповещения о прибытии такси.

– Извините, что пришлось воспользоваться вашим каби-

нетом. – Первая выхожу из ступора. – Просто у меня все стеклянное и соответственно, на виду. А в туалете не совсем удобно. Такого больше не повторится, обещаю.

Опускаю взгляд и иду к двери, а Илья засовывает руки в карманы брюк и отворачивает голову, когда я прохожу мимо. И настроение летит к чертям. Да уж, такой провал в моей карьере. Теряешь хватку, Карина, теряешь. Теперь Илью мне не видать, как... черт!

Настроение остается таким же паршивым ровно до того момента, когда я наконец-то получаю свой заветный третий бокал с маргаритой. И вот тогда, под легким градусом, все кажется уже не настолько страшным. Ну, подумаешь, переоделась в его кабинете. Он же не за копированием файлов из его компьютера застучал. На пятом бокале я почему-то уже подумываю, что моя зацикленность на этом мужчине довольно странная и пора бы бросать пустые мечтания. Ну, если выгонит, то вообще шикарно. Пожалуй, это станет пинком, чтобы открыть свое собственное дело.

– Чудесно выглядишь, Кариночка, – рядом присаживается девушка и хоть убей, я не помню ее имени. Что-то очень похожее на мое...

– Ааа... Мариночка, взаимно, – киваю и салютую бокалом. – С праздником!

– Ой, да брось, я здесь хочу находиться так же, как и ты, – усмехается Марина, – а точнее никак. Облом по полной программе. Я-то думала, что мы все вместе будет праздновать, а

высшее руководство и тут нам на свое место указало. Типа, холопы пусть тусуются на первом этаже, а элита на втором.

Об этом я знала, но меня этот факт вообще не расстраивал. Наша мужская половина уже давным-давно усвоила, что лезть ко мне нет смысла и, ограничилась пьяными комплиментами. Так что здесь мне находиться было более комфортно. Но стоило мне встретить в фойе Семена Олеговича и еще пару придурков из вышестоящих чинов, как они не забыли уточнить, где они хотели бы увидеть меня и мое платье. Не понимаю, что среди них хотела найти Марина. Секс на одну ночь в кабинке этого ресторана? И обещания, что они ее не забудут и помогут продвинуться по карьерной лестнице? Пф, я вас умоляю. Трахнут и забудут на следующий день. Будут проходить мимо и кривить свои рожи.

– Слушай, сигаретки не найдется? – Маринка пристально смотрит за тем, как на улицу повалил народ со второго этажа. Неугомонная.

– Ну, держи, протягиваю ей открытую пачку.

– А ты не хочешь со мной?

– Туда? Ну, уж нет, – качаю головой, – я положенные пару часов здесь пробыла, отметилась и готовлюсь к отъезду домой.

– Жаль, – непонятно что ей «жаль». – Не дождешься десерта?

– Какого? – киваю в сторону начинающейся перебранки за столами, где отдел логистики что-то не поделил с айтиш-

никами. – Этого? Спасибо, уже видела. Мне не понравилось. Ну, а ты, давай, иди. А то время потеряешь и все разойдутся до твоего появления.

– Что ж, тогда удачных выходных. – Девушка соскальзывает со стула и, поправив внушительное декольте, устремляется на улицу.

Допив свой бокал, тоже встаю с места и хочу сходить в уборную перед выходом. Но в фойе, проходя мимо тяжелой портьеры, меня кто-то резко хватает за руку и тянет на себя. Не успеваю пикнуть, как рот крепко запечатывают настоящим и глубоким поцелуем. Моего похитителя с головой выдает запах парфюма, который я узнала бы из тысячи.

Илья. Меня целовал Илья.

6. Света

– Сколько я могу просить, – повышаю голос, – вынеси ты этот чертов мусор!

– Он что тебе мешает? – лениво отзывается Федя и даже не пытается встать с дивана. – Вечером вынесу.

– Чем ты там таким занят, что не можешь выполнить мою просьбу? – упираюсь руками в бока. – Ах, яйца чешешь. Что ж, это да, реальное занятие. Не то, что я со своими домашними делами!

– Да че ты взъелась, а? – ворчит муж и все-таки встает. – Какая муха тебя укусила?

– Огромная, – растягиваю руки по обе стороны от себя, – вот такая. И называется она безысходностью. Если ты не можешь найти работу, то хотя бы по дому выполняй мужские обязанности!

– А, вот оно что, – кривит он лицо, – снова со своей подружкой встречалась. Я тебе сколько говорил, чтобы ты не ездила на шабаш к этой ведьме? Вечно приезжаешь и пилишь меня по поводу всякой ерунды.

– Не приплетай сюда наши встречи с Кариной и Никой. Это вообще здесь не причем! – Фыркаю и тяну мусорное ведро на себя.

Естественно, от резких движений пакет разрывается и все содержимое оказывается на полу.

– Вот не видишь их, так нормальная жена, – Федя зло пинает жестяную банку из-под пива, – стоит один раз пообщаться и все, как подменили! Все, баста я сказал. Никаких больше свиданок! А то ты посмотри, красивую жизнь ей подавай. А если взять ее неоткуда?

– Да ты даже не стараешься, – шиплю в ответ, – сидишь на своей жопе ровно и только телек смотришь сутками. Другие мужья пашут, как проклятые, чтобы семья не бедствовала. А ты? Разве это нормально, что мы до сих пор живем вчетвером в однушке? Лешка скоро невест водить будет и куда? На голову нам? А Алинка? Ребенок живет на балконе, потому что на нее угла не хватает в этой халупе.

И на последнем слове захожусь в рыданиях. Хорошо, что дети в школе и не видят нашу очередную разборку. Федя вместо того, чтобы обнять меня и утешить, оглушительно хлопает дверью и делает звук телевизора еще громче. А я утопаю в собственных слезах и беспомощности. Отчасти он прав. Во всем виновата Карина. Это после ее смс-ки меня действительно как подменили. Посмотрела я геолокацию, которую она сбросила и офигела. Центр, район элитных новостроек. Не надо быть медиумом, чтобы понять одну простую вещь. У Каринки появилась квартира. И так стало горько, что кому-то все падает с неба просто так, а кто-то не видит и десятой доли от всего этого великолепия. Кто-то в данную минуту купается в роскоши, а я... а я в грязи и мусоре. И это так несправедливо!

Позади слышится шорканье тапочек и вскоре меня обдает запахом дешевых сигарет. Федя приобнимает меня так, как будто рядом с ним какой-то дружбан. Одной рукой и за шею. Я уже совсем забыла, каково это быть желанной женщиной, а не матерью двоих детей. У которой тусклые глаза от усталости и растет горб на шее, потому что вечно тащишь с рынка по четыре сумки.

– Светка, ну харе. Чего ты ноешь? Подумаешь, насосала твоя подружка на хату новую и че? Думаешь, она будет в ней счастлива? Дык, она ж ниче больше и не умеет. А у таких, как она, пенсионный возраст сразу после тридцати начинается и все... Пойдет твоя Кариночка на свалку, потому что ее новое поколение сосалок выгонит.

– Угу, – хлюпаю носом. – Только у нее при этом будет все, чего у нас нет.

– Так мы к тому времени тоже на ноги встанем, ты только потерпи малехо. – Он чмокает меня в щеку. – Мне Славка пообещал одну халтурку, а там бабло немалое крутится. Будешь и ты у меня скоро в мехах да брульянтах.

И на душе от этих слов становится немножечко светлее. Знаю, что как последняя дура верю в это. Но, а что мне остается делать? Федька тоже не подарок, как и я, но мы любим друг друга. А с милым, как говорят, рай и в шалаше можно устроить. Все трудности у нас временные, все вытерпим, выстоим. А Каринка и вправду останется ни с чем. У меня хотя бы уже двое подрастало. У Ники малышка тоже имелась. А

Карина восполняла эту брешь деньгами и шмотками. Кто ей стакан воды принесет? Несчастливая она была и будет. Даже в своих шикарных апартаментах, в соболях и дизайнерских украшениях.

– Ладно, – он помогает встать, – неси веник, подмету. А ты, давай, нос кверху и шуруй за малой. Пойдем потом в парк прогуляемся, голубей покормим.

Вот видите? Ничего еще не потеряно у нас. И настроение сразу на высокую отметку взлетело. Шагаю по улице, солнце светит, будто только мне одной. Даже не сразу понимаю, что у кружка, где дочка на гимнастику ходит, столпилось много мамочек.

– Случилось что-то? – осторожно спрашиваю у одной из них, в которой узнаю свою соседку из второго подъезда.

– А ты не в курсе? – выпучивает она глаза. – Там у наших малых тренер новый.

– И что?

– О, увидишь и все поймешь. – Как-то загадочно отвечает она и взбивает кудри на голове.

Стоит мне чуть более пристально посмотреть на собравшихся, понимаю, что все они одеты, будто на праздник. Раскраска на лице боевая, и вонь стоит такая от какофонии их духов, будто каждая вылила на себя целое ведро.

– Странно, что ты не знала, – шепчет соседка.

– Да у меня Федька пару дней Алинку забирал с занятий. – Пожимаю плечами. – Он ничего не говорил о новом тренере.

– Ну да, скажет тебе мужик, что на районе такой альфач появился, – хохочет рядом стоящая женщина. Кажется, это уже даже чья-то бабушка, а не мама.

До конца занятий еще десять минут, но дверь распахивается и выходит дочка с пакетом в руках. А следом за ней тот, от которого все пришедшие дамы вытянулись так, словно проглотили спицы.

– Есть мама Малышевой? – низкий баритон никак не вяжется с такой молодой внешностью.

– Я, – тяну руку вверх и подаюсь вперед, не замечая огорченные вздохи остальных.

– Добрый день, у нас случилось ЧП, – тренер мягко улыбается и я...я просто распадаюсь на какие-то микрочастицы от этой улыбки.

Красив. Молод. Федя даже и рядом не стоял. И мысли о муже как-то быстро сбивают внутренний накал. Я же мать, в первую очередь. Это Карина бы сразу взяла его в оборот, а мне нельзя.

– Что такое? – вижу, что кисть у дочки перебинтована.

– Я упала, – отвечает Алина и вздыхает.

– Не послушалась меня и неправильно выполнила элемент. – Поправляет ее тренер. – Там небольшая ссадина, но ничего серьезного. Мы обработали ее и оставили Алину отдыхать на скамейке. Понаблюдайте пару дней, если к ссадине не добавится растяжение, можете приходить на занятия в понедельник.

– Спасибо... – запинаясь, потому что не знаю, как его зовут.

– Григорий Сергеевич, – подсказывает он, – а вы?

– Светлана. Просто Светлана. – Беру дочь за здоровую руку. – Очень признательна вам за заботу.

– До скорой встречи, – прощается он со мной и снова улыбается этой светлой и мягкой улыбкой, от которой у него по краям глаз появляются небольшие морщинки.

Уходим от здания все дальше и дальше. И все это время я стоически игнорирую желание обернуться, чтобы хотя бы еще разок увидеть его лицо.

7. Ника

Запотевший бокал с шампанским приятно холодит пальцы. Кто бы сомневался, что Карина поступит как-то иначе. Ведь домашние посиделки с тортом и чаем явно не про нее. Стоит признать, что новость о квартире слегка пошатнуло мое душевное равновесие. Но это была не зависть, а переживания за подругу. Внутренний голос отчаянно вопил, что добром это не кончится.

– Никусь, давай хоть ты не будешь сидеть с кислым лицом, – девушка протягивает свой бокал, чтобы со звоном чокнуться. – Все-таки, жизнь налаживается.

Смотрю на Каринку и подмечаю, что она вся светится. Как ребенок, который впервые в жизни увидел чудо наяву. Ей даже трудно усидеть на месте, чего не скажешь о Свете. Вся ее поза говорит о том, что ей некомфортно в этих апартаментах. Всю дорогу до нового дома подруги, она обозлено фыркала в сторону Карины. Впервые я была поражена поведением Светки и ее словами. Но стоило ей переступить порог, как она словно набрала в рот воды. Естественно, это не осталось незамеченным и Каринкой. И если раньше она не преминула бы подначить ее, то сейчас девушка будто специально не заостряет своего внимания.

– Что с тобой? – улыбаюсь. – Ты как стоваттная лампочка освещаешь все вокруг.

– Просто... вчера кое-что произошло на юбилее, – лукаво произносит она.

– Небось, подцепила нового хмыря, – вставляет Света и залпом осушает бокал, от чего моментально закашливается.

– Что такое, милая? – Карина подталкивает к ней пачку бумажных салфеток. – От жадности пошло не в то горло? Или от зависти перекрыло кислород?

– Девочки, ну чего вы, – снова беру на себя роль рефери, – нормально же сидим. Обязательно гавкаться?

– А чего она вечно тыкает в свое превосходство? Ника, тебе разве не обидно, что она относится к нам, как бедным родственникам? Кидает подачки...

– Что-то я не заметила брезгливости в тебе, когда ты их принимаешь, – отрезает Карина. – Снова началось, Свет, да? Старая шарманка, где шалава Карина прыгает по хуям и получает все на свете, в то время как святоша Светочка доедает тот самый пресловутый последний кусок хлеба.

– Господи, – бормочу сама себе, утыкаясь лицом в ладони. – Снова начинается...

Каждый год одно и то же. Светку кроет из-за каких-то надуманных ею причин. В такие моменты она превращается в обозленную истеричку, которой все не так. Все у нее виноваты в том, что ее жизнь не такая, как она хотела. Но, при этом, ничего не предпринимает сама, чтобы хоть как-то приблизиться к мечте. И это порядком надоело.

– Прекратите, – чуть тверже произношу вслух.

– Ты что, – Светка ахает, – встала на ее сторону? Ты поддерживаешь эту продажную девку?

– Ты бы рот прикрыла, неудовлетворенная баба, – не остаётся в долгу Карина.

– Так, обе взяли и заткнулись! – Не выдерживаю и повышаю на них голос. – Быстро!

– Да она же...

– Света, я сказала, хватит! – Шикаю на нее и грозно тычу пальцем. – Что с тобой происходит? Твоя стервозность была бы понятна, если бы все это богатство свалилось на Карину внезапно. Но она с детства явно была не из наших рядов. У нее семья с достатком была и будет. И ты знала об этом. И раньше тебя это не волновало. Общалась же, дружила, а сейчас...

– Ой, а у тебя как будто нимб над головой прорезался, – огрызается она в ответ. – Не делай вид, что тебя это не цепляет. Она-то останется в этой шикарной квартире, допьет вкусное шампанское и уляжется спать в шикарную кровать. А ты? Как и я, вернешься в убогий дом, где ремонт делался еще в твоём детстве. Где вода и свет попеременно выключается, а в подъезде водятся тараканы. И где соседи – алкаши бухают на лавках под окнами до рассвета да так, что твои дети не высыпаятся. Ты Милке в глаза-то загляни...

– Дочь не трогай, – обрываю ее монолог, – у нее будет другая жизнь и я максимально поспособствую, чтобы она жила в достатке. А ты, Свет, о своей детворе думай. Думай и ста-

райся. Потому что сидеть и нить – легче простого. А ты сделай хоть что-нибудь для этого, хорошо?

Настроение устремляется вниз. От этого разговора стало совсем не по себе. Обычно Светлана срывалась именно на Карине и меня не трогала. А сегодня, мало того, что зацепилась за мою персону, так еще и Милку упомянула. И этого я ей простить уже не могла. Внутри что-то натянулось.

– Ник, – Света, видимо, поняла свою ошибку, – сморозила не то, прости.

– Дура ты, – Карина собирает бокалы в кучку и разливает еще шампанского, – пора бы признать это. И зависть тебя, кстати, тоже не красит.

– Простите, девчонки, – всхлипывает подруга, – просто... Федька...

– А, тогда понятно, откуда ноги растут, – Каринка пристально смотрит на нее, – вот послушай меня, милая, и сделай зарубочку в своем мозгу. Федя твой та еще скотина. И очернить нас словами – малая толика того, на что он способен.

– Это не так, – машет Света головой.

– Так. – Припечатывает Карина. – И он будет говорить всякие гадости, лишь бы выглядеть святым в твоих глазах. Это такой типаж мужчин, которые сами по себе полное ничтожество. Обычно они присасываются к кому-то и качают из них все ресурсы до тех пор, пока носитель не откидывает тапки. А ты, лошадь, все тянешь этот воз и тянешь. Это

нездоровая любовь, Света, от нее бежать надо.

– Тебе легко говорить, ты вон какая, – шмыгает та носом и опрокидывает бокал залпом. – Красивая. А я?

– Симпатичная, – добавляю, – но до безобразия глупая и ведомая. Это я была с тобой в роддоме в то время, как твой Федя бухал не просыхая несколько дней подряд. Это Карина помогла тебе погасить ваши долги по квартире вместо твоего мужа, который обменял твое же золото и снова ударился в гульки с друзьями. Но тебе дали команду «они плохие» и ты топишь против нас, даже не задумываясь, что рушишь все вокруг. Так нельзя!

– Я все поняла.

– Да ни хрена ты не поняла, – Карина отставляет пустой бокал. – Стоит тебе зайти домой, как снова поплывешь от своего Ален Делона в подранных трениках.

– Девочки, а кому я нужна? Кто на меня еще так посмотрит?

– А ты глаза разуй и оглянись по сторонам. Как только это сделаешь, то сразу поймешь, что мужики – не мамонты. До конца еще не вымерли.

– Ты толкаешь меня на измену? – почти шепотом спрашивает она у нее и с ужасом смотрит почему-то на меня. – Но как это спасет мой брак?

– Было бы что там спасать. – Карина пожимает плечами и начинает загибать пальцы на руках, когда перечисляет ей «плюсы» своего предложения. – Во-первых, полезно для

здоровья. Вряд ли Федор может похвастаться какими-то достижениями в этой сфере. Он же у тебя первый и единственный, что ты там видела? Вот заодно и узнаешь, что мужчины умеют и могут пользоваться своими причендалами на радость женщине, а не ради собственного удовольствия. Во вторых, может выпасть вариант и того, что попадется человек с деньгами.

– Это все равно, что стать проституткой, – пыжится Света.

– Да ты, как я посмотрю, сегодня щедрая на комплименты. Окей, тогда у проституток, как ты выразилась, есть шансы своих детей баловать и покупать им то, на что они облизываются. И чувствовать себя при этом удовлетворенной по всем фронтам.

– А иначе никак нельзя?

– Можно. Но нужно пахать, как Ника. – Каринка щелкает зажигалкой у сигареты и закуривает ее. – Кстати, как первые рабочие деньки?

– Нормально. – Отмахиваюсь.

– И это все? – Света подается вперед.

– Да рассказывать нечего. Работы реально валом, причем Любовь Андреевна реально помешана на чистоте. А еще она перфекционистка. Пару раз замечала, как она после меня проходит в белых перчатках и с рулеткой в руках. Измеряет, чтобы все было на своих местах в точности до миллиметра.

– Жесть. – Вздыхают в унисон девчонки.

– Но, в принципе, все довольно неплохо. С ней можно и поговорить, и на похвалы она не скупится.

– Надеюсь, похвала хрустит бумажками в твоих карманах? – Карина прищуривается.

– Посмотрим на это в конце месяца. – Вздыхаю следом за ними. – Но не будем о грустном. Ты ведь не для этого нас собрала и шампанское тоже не просто так. Что случилось?

Карина загадочно улыбается и качает головой. Раньше она без утайки рассказывала о новом кавалере, но не сейчас. Что-то поменялось в ней и это было заметно.

– Это связано как-то с твоим боссом? – Света даже не дышит, когда задает этот вопрос. – Ты... он...

– Пока не знаю, – следует хитрый ответ. – Все настолько зыбко, что пока рано что-то даже думать.

– Ого. – Искренне изумляюсь. – Вот это да...

Мне бы надо было быть немножечко внимательнее в тот вечер. И, может быть, я бы поняла, что что-то не так. И что тот разговор станет последним «нормальным» в наших жизнях. Потому что потом все пошло под откос...

8. Карина

Я не знаю, что со мной, но меня знатно потряхивает. И это первый случай за всю мою взрослую жизнь. Так тщательно, как сегодня, я еще никогда не собиралась на работу. Раза три точно меняла наряд, репетировала перед зеркалом свои реакции. Но стоило мне войти в здание холдинга, как все моментально вылетает из головы. Хотя с праздника уже прошло два дня, некоторые сотрудники выглядели так, будто продолжали квасить и субботу, и воскресенье. Слегка помятые лица, далеко не трезвый взгляд. Мариночка, которая бегала на перекур к вышестоящему руководству вообще якобы «приболела» и не вышла на работу. Надеюсь, у нее банальное похмелье, а не кое-что похуже. Потому что, если верить сплетням, она своего все же добилась и с празднования укатила вместе с Семеном Олеговичем. Вот только этот козел трепался с администратором у стойки ресепшена, как ни в чем ни бывало. А девчонка куда-то запропастилась.

– Доброе утро, – сухо приветствую их, когда прохожу мимо в сторону лифта.

Господи, хоть бы он не поперся следом. Хоть бы не поперся... черт!

– Кариночка, ты прямо вся сияешь. Вот у кого хороший обмен веществ, да? Любое похмелье поплечу. – Отвешивает он комплимент, когда мы оказываемся тет-а-тет в жестяной

коробке.

– Не в метаболизме дело, – перебрасываю косу на другое плечо, которую заплела сегодня на французский лад. – Просто не бухала ведрами и все.

– Злюка, как всегда, – ухмыляется он. – Но зря царапашься, киска, очень зря.

– Я только показала свои коготки, – натянуто улыбаюсь и делаю еще один шаг в бок, – но могу пустить их в ход. И, поверьте, вам это не понравится. Но начну, пожалуй, с самого малого. О домогательствах на рабочем месте слышали?

– И ты это говоришь мне? – Мужчина стал напирать на меня, подталкивая к стенке лифта. – Начальнику юридического отдела? Девочка, да у меня столько связей, что по итогу это тебя признают виноватой. Ты ж на себя посмотри, поди не монашка, а ходячий секс на шпильках. Будешь потом бегать и отрабатывать нанесенный мне моральный ущерб.

– М, – выставляю ладони вперед и это, служит единственной преградой между нами, – губу закатайте обратно. Обратитесь в суд – будет для вас сюрприз, так как мой папа там главный судья. И если он хотя бы слово услышит о том, что какой-то старый хряк подкатывает свои шары к его единственной и любимой дочурке, то максимум, куда я к вам прибегу, так это на могилку цветочки положить.

– Марат твой отец? – с опаской переспрашивает Семен Олегович.

– Марат Александрович и попрошу не фамильярничать. –

С удовольствием наблюдаю за тем, как он делает шаг назад. А затем еще пару. – Надеюсь, что вы и дальше будете соблюдать именно такую дистанцию между нами.

Двери лифта распахиваются и мужик, судорожно дергая галстук, буквально вылетает в холл и фактически впечатывается в Илью.

– Доброе утро, – он окидывает нас взглядом, – что-то случилось?

– Все в порядке, – юрист хлопает его по плечу, – а ты чего у меня на этаже забыл?

– Мне, как директору, позволено быть везде, – холодно отвечает Илья, – кстати, наведи порядок у себя в отделе. Почти все явились на работу с перегаром.

– Но они ж явились, – нервно отшучивается Семен, но понимает, что ляпнул что-то не то, – сейчас все будет в ажуре, не переживай.

– Я на это очень надеюсь, – припечатывает начальник в ответ и заходит в лифт.

Наш этаж находится пятью пролетами выше, но мне кажется, что мы ползем до него слишком медленно. Аура Ильи накрывает меня и становится трудно дышать. Запах мужского тела с примесью туалетной воды уводит меня в тот вечер...

Жаркие, жадные поцелуи врываются в мой рот и заглушают мои же стоны. Глаза не открываю, не хочу портить такой момент и просто наслаждаюсь сильными пальцами,

которые скребутся по ткани платья, пытаюсь добраться до моей кожи. Любые же мои попытки прикоснуться к нему, Илья обрывает, перехватывая оба запястья одной ладонью и заводя мне их над головой.

– Так нечестно, – всхлипываю на вдохе. – Дай мне...

И в ответ он лишь до крови прикусывает меня за губу. И больно, и сладко одновременно. Я чувствую его возбуждение и готова отдаться прямо здесь и сейчас. Но Илье это не нужно. Он, словно фокусник, одним движением впечатывает меня лицом в стену и заставляет прогнуться в пояснице. Ладони опускаются на открытые участки ног и скользят вверх. Пальцы добираются до края чулок и, на секунду задержав, накрывают пульсирующий участок моей плоти.

Горячий воздух вперемешку с мягкими покусываниями, следующими по линии позвонков, вызывают мурашки на коже. Мы обходимся без слов. Слышно только мое неудовлетворенное всхлипывание и его тяжелое дыхание позади. Здесь как будто воцарился иной мир, пропитанный насквозь запахом похоти и желания. А ведь за темной портьерой жизнь продолжала идти своим чередом. Гремит музыка из зала, люди снуют туда-сюда. И никто из них даже не догадывается о том, что здесь происходит. От этой мысли я завожусь еще сильнее. И когда пальцы Ильи проворно ныряют под кружево, меня и мои трусики можно смело выжимать. Не вижу, но чувствую, как его губы перестают целовать мою шею и искривляются в усмешке. Он пока просто

размазывает влагу по складочкам, а я едва могу устоять на дрожащих ногах. Но эти ласки заканчиваются так же внезапно, как и начались. Илья как мираж исчезает, оставляя меня в недоумении.

Это недоумение держится и сейчас, когда я смотрю на эту широкую спину перед собой, облаченную в идеально скроенный пиджак. Взгляд тут же приковывают те самые пальцы, которыми он так умело меня ласкал. И не верится, что все это было наяву. Потому что поведение Ильи говорит совсем об обратном. От него снова веет холодом и неприступностью. И в голове назревает странный, но такой болезненный вопрос.

А может быть, стоило тогда открыть глаза? А может быть, я ошиблась и это был не Илья?

И ведь он тоже не подает никаких знаков. Даже самого крохотного, чтобы я не мучилась в догадках.

– Через час хочу увидеть график отпусков на второе полугодие, – слышится его голос. Надо же, даже не оборачивается. Я по прежнему вижу только спину и одну руку, которую он сжимает в кулак.

– Хорошо, – зачем-то киваю головой, когда соглашаюсь. – Могу вместе с ним занести и ваше расписание на сегодня.

– Заносить нет надобности, пришлешь все в электронном формате, – обрывает Илья и твердым шагом выходит из лифта. Ни разу не взглянув на меня.

Отталкиваюсь от холодной металлической стенки и сле-

дую за ним. Попутно здороваясь с остальными сотрудниками. И вроде бы идем почти вместе, а на самом деле все так же разделенные огромной невидимой стеной. Нас даже можно чем-то сравнить с нашими рабочими местами сейчас. Илья – такой же закрытый и холодный, как его кабинет. Я же сейчас похожа на свой стеклянный аквариум. Смотри – не хочу. Открытая для его взора. Но он не хочет смотреть.

9. Света

– Ну все, крошка, готовься, – с этими словами Федька притягивает меня к себе и пошло сжимает ягодицы.

– Федь, – охаю, ты чего? А вдруг дети увидят?

– И че? Пусть они видят, как их папка мамку любит. – Муж смачно целует меня в губы. – Эх, если бы мне не надо было уезжать, я б тебя сейчас прямо здесь оприходовал.

Раньше мне нравилось, когда Федя вел себя эдаким пацаном с района. Мы будто переносились во времена нашей юности. А сейчас почему-то хотелось его одернуть. Ведь смешно уже, когда мужчина под тридцать с двумя детьми косит под недалекого дурачка.

– Ты все взял? – зачем-то спрашиваю его.

Хотя сама прекрасно знаю, что взял. Потому что это я собирала его дорожную сумку. К сожалению, Федя был из тех, кого в нынешнее время называли бытовыми инвалидами. И снова-таки, раньше меня это не раздражало. Мне нравилась его беспомощность. Мне нравилось быть для него «мамочкой». А теперь злилась, что без меня они даже не могли ни тарелки помыть, ни носки в стиралку забросить. Может быть я и дальше бы терпела бы это. Но слова девчонок засели в моей голове и я стала смотреть на все иным взглядом. И то, что я видела, мне не совсем теперь приходилось по вкусу.

После посиделок у Карины я встала утром и зависла у зер-

кала. Видок на четверку с минусом. Килограмм бы пять скинуть не мешало бы, масочки на лицо почаще делать. Хорошо бы еще в парикмахерскую зайти, может, в кои-то веки решусь на новую стрижку. А то я все с хвостом хожу или с гулькой, никакого разнообразия. Затем черед дошел до гардероба и я ахнула про себя. Вроде бы и вещи все аккуратно ношенные, и стиль не совсем бабский. Но все не то. Блекло и однотипно. А так хотелось красок.

Из самых дальних недр шкафа был извлечен брючный костюм насыщенного зеленого цвета, купленный лет шесть назад. В тот период, когда я еще надеялась пройти хотя бы одно собеседование на хорошую должность. И под понятием «хорошая» у меня имелось в виду любое место, где ты не гавкаешь от усталости заученные фразы на подобии «дисконтная карта есть?» или «пакет нужен?» Но после четвертого отказа боевой дух как-то поубавился, а когда «извините, но вы нам не подходите» прозвучало раз в шестнадцатый... костюм был отложен до лучших времен. Которые так до сих пор не наступили.

– Мам, ну ты скоро? – в комнату просовывается голова дочери, – мы же опоздаем!

– Иду, – в последний раз смотрю на свое отражение.

Не скажу, что мне комфортно. Отвыкла носить такие вещи и теперь этот костюм казался мне слишком вызывающим. Если бы не подгоняющая меня дочь, я бы без раздумий впрыгнула в потертые джинсы. Но сегодня у Алины пер-

вое соревнование и хотелось бы не ударить в грязь лицом. Как оказалось, среди всех пришедших мамочек, я выглядела довольно скромно. Осмотрев всех вокруг, почему-то создалось впечатление, что в нашем районном кружке вдруг внезапно решили провести конкурс красоты. Причем с плашкой «18+».

– Ох, – теряюсь, – Алин, куда дальше?

– Сейчас, – дочка сама крутится на месте, – смотри, вон наш тренер, пойдем.

Честно говоря, внутри что-то екнуло, когда я увидела лицо парня. Его окружило человек шесть и все наперебой что-то рассказывали. И он с таким спокойствием выдерживал натиск одиноких и от того «голодных» мамочек, что мне даже как-то неловко стало подходить к нему. Чтобы не выглядеть, как все остальные. Но он первым высвободился из своеобразной засады и направился к нам.

– Светлана, Алина, – приветствует он нас, – вы очень вовремя. До начала есть еще минут десять. Раздевалка вон там, слева, вам неплохо бы поторопиться.

– Эмм... Григорий... – запинаясь, так как к своему позору абсолютно не помнила его отчества.

– Просто Григорий, – улыбается он в ответ и на его щеках появляются милые ямочки. И мне тут же вспомнился мой ответ ему в день нашего первого знакомства.

– Мне кажется, что это не совсем удобно.

– Кому?

– Вам. Все же вы преподаватель моей дочери. – Опускаю глаза и, не зная почему, прохожусь взглядом по его пальцам. Зачем? Чтобы ощутить вот тот самый трепет, когда я не увидела обручального кольца.

– Если я говорю, что на «ты» и без отчества для меня вполне комфортно, то не лукавлю.

– Ладно, – смущенно поправляю распущенные волосы и меня тему разговора, – куда проходить родителям?

Грише приходится сдвинуться с места, так как мы встали на пути у группы учеников и теперь он стоял слишком близко ко мне. Я просто залипаю на его губы и совершенно не вижу направления, которое он мне показывал. Еле заставила себя оторваться от этого зрелища и то, потому что словила на себе парочку недоброжелательных взглядов от тех, кто хотел урвать кусочек внимания Гриши. Или его самого.

– Спасибо, – киваю и, подталкивая дочку в сторону раздевалки, стараюсь быстро покинуть этот участок зала. Не дай бог, чтоб еще судачили за спиной, что я засматриваюсь на чужого мужчину. Федьку это точно не порадует. И придерживалась этой мысли до конца мероприятия. А когда вышла Алинка, то и вовсе отбросила в сторону все глупости из головы, так как переживала за ее выступление. Только пару раз не удержалась и украдкой взглянула на Гришу. И оба раза ловила его на том, что он смотрит на меня. От этого стало и страшно, и волнительно одновременно от того, что я вызвала такой интерес у молодого человека. Ведь по факту, кроме

Феди я действительно не знала других мужчин. Не знала, что такое внимание и комплименты от кого-то еще, кроме мужа.

– Мам, ты расстроилась, что я не заняла призовое место? –

Алинкин голос заставляет меня вынырнуть из раздумий.

– Что? – Спыхватываюсь. – Что ты, нет. Призовые места

– не самое главное в жизни.

– А что главное?

– Найти правильного человека, с которым ты рука об руку пройдешь весь путь. И он станет твоей опорой и защитой.

– Как ты с папой?

– Да, как я, – слишком быстро отвечаю ей, чтобы не передумать и саму себя же убедить в этом.

Потому что если задумаюсь, то боюсь поймать себя на той мысли, что все ложь. Что я не нашла той опоры, о которой втирала собственной дочери. Тяну все сама, довольствуюсь плоскими подкатами от мужа. Не вижу моря который год подряд, как и подарков, как и хорошей жизни. Счастлива ли я? Нет. Но дочке об этом знать не обязательно.

– А знаешь, Алинка, – обнимаю ее, – у тебя будет еще лучше. Но только замуж не торопись. Мир повидай, выучись, освой что-то, что несвойственно девушке. И только потом, как почувствуешь необходимость, ставь штамп в паспорте. А вообще и он не важен, если ваши чувства будут крепкими и взаимными.

10. Ника

– Никочка, милая, вы сегодня мне срочно нужны, – слышится в телефонной трубке бодрый голос моей начальницы.

– Аа...ммм, – часто моргаю, чтобы хотя бы рассмотреть время на часах. – Сейчас половина шестого утра.

– Да?– Не тушуете Любовь Андреевна. – Ох, что-то я сегодня припозднилась с подъемом. Вы ведь в курсе, что я практикую йогу в ранних часах? Это так взбодряет, когда ты встречаешь рассвет на ногах.

– Не сомневаюсь, – отвожу телефон в сторону и зеваю, – во сколько мне надо быть у вас?

– Желательно к семи.

– Что-то случилось? – никак не могу понять причину этого звонка в мой законный выходной.

– Да, сегодня я намерена сделать сюрприз Андрею и Вике. – Радостно сообщает собеседница. – Поэтому я сейчас пришлю вам полный список того, что вы должны купить по дороге ко мне. Не опаздывайте, пожалуйста.

– Эмм... ладно, – закатываю глаза и когда разговор заканчивается, еще несколько минут лежу и гипнотизирую потолок.

Проработав три недели в доме Виецких, я теперь поняла причину такой текучки кадров. Любовь Андреевна была весьма странным и специфичным человеком. Помимо ее

педантичности и маниакального перфекционизма, женщина обладала странностями в характере. Частично я уже привыкла, что она то «выкает», то «тыкает». Утром она может жаловаться на плохое настроение, а через час весело щебетать. Иногда целый день женщина предавалась воспоминаниям и приходилось часами выслушивать повторяющиеся истории из прошлой жизни. Могла внезапно расплакаться из-за страшного сна и целый день донимать звонками того, кто в этом сне ей приснился. Любовь Андреевна вообще была помешана на эзотерике и мистике, судя по кипе книг, стоящих в ее библиотеке.

Вот и сегодня причиной моего незапланированного рабочего дня оказалось не что иное, как приготовления к празднику в честь появления ребенка. Возможного ребенка. Я ничего не говорю по этому поводу, просто надуваю двадцатый по счету голубой шарик под восторженные причитания женщины:

– Вы знаете, Ника, моя интуиция никогда меня еще не подводила. Я уже давно предчувствовала нечто подобное. И ведь не зря с четверга на пятницу мне приснился этот вещий сон, будто я держу на руках крохотного мальчишка, который беззубо улыбается и называет меня бабулей.

– А вы точно уверены, что им необходимо это торжество? – Отрываюсь от своего занятия и смотрю на здоровенный плакат, который уже успели привезти из печати. – Может быть, вы бы лучше дождались официального объявления

о пополнении в семействе?

– Вы же видели моего Андрея, от него с десяти лет уже невозможно было дожидаться каких-либо откровений. Приходится догадываться все самой.

– Ясно. – Отвожу глаза в сторону.

На самом деле, я бы с удовольствием уже покинула этот дом. Так как вообще не представляю реакцию ее сына и невестки на данное мероприятие. Если она ошиблась, то все это будет выглядеть как очень открытое требование внуков. Если же угадала... внутри ворочается какое-то странное чувство. Нет, я не то, чтобы была против этого и более того, придерживалась мысли, что дети все же счастье. Но...

– О, а вот и они! – Любовь Андреевна подхватывает телефон со столика. – Алло? Викуля, где вы? Ах, уже через пятнадцать минут будете? Отлично!

Даже без указаний свыше, подхватываю пустые упаковки и прочую подготовительную мишуру. Странно, но руки подрагивают. Наверно, это от того, что я переживаю по поводу затеи с поздравлением пока несуществующего ребенка. Но никак не от предстоящей встречи с Андреем. У нас с ним уже было пару пересечений за все мое время работы и каждый раз, мне казалось, что он меня на дух не переносит. Представляю, как сейчас он на меня посмотрит.

– Любовь Андреевна, если это все, то я поеду. Я же вам не нужна? – делаю акцент на последнем предложении и пораженно вздыхаю, когда она крепко хватается меня за руку.

– Как это «не нужна»? – восклицает женщина. – Еще как нужна! Я буду рада разделить с тобой такой счастливый момент. К тому же потом надо прибраться. Зачем мне эти шаррики.

– Черт, – едва слышно вырывается у меня и я плотно стискиваю зубы.

– На столе все готово?

– Надо узнать у Ани, – с облегчением поворачиваюсь в сторону кухни, где хозяйничала нанятая на сегодня повар. Милая женщина лет пятидесяти пяти, которая сходу попросила называть ее просто по имени и без всяких «вы». Веселая, общительная и готовящая такие блюда, от которых урчало в животе при одном только взгляде. Аня была здесь частым гостем, так как Любовь Андреевна любила баловать себя. Но на самом деле, она просто не очень умела готовить и Аня приходила раз в три дня, чтобы наготовить ей еды. Впрочем, в обществе повара я чувствовала себя комфортней, чем со всеми остальными.

– О, Ника, тебя уже освободили? – доброжелательно интересуется она, как только я оказываюсь на ее территории.

– Неа, – качаю головой, – буду ждать окончания праздника.

– Или большой ссоры, – тихо подсказывает Аня, перекладывая салат в красивую тарелку. – Тут не гуся надо готовить, а тазик салфеток.

– Все будет настолько плохо?

– Ну, – вздыхает она, – реакцию Андрея ты в общих чертах представляешь, да? Так вот по сравнению с Викторией, она еще может быть не такой яркой.

– А какая эта Вика?

– Честно? – подается вперед женщина и понижает голос, – стерва еще та Капризная и глупая, что касается каких-то серьезных тем для разговора.

– Какая чудесная парочка. – Качаю головой.

– И не говори, – усмехается Аня, – если бы я не знала, что этот брак не по любви, а по договоренности, то подумала, что они созданы друг для друга.

– В смысле? – даже не скрываю того, что меня поражают ее слова.

– Все очень просто, – повар отвлекается на кипящий суп на плите, – их семьи давно и крепко дружат. Детей сватать начали, когда им было лет пять отроду. Время шло, детвора выросла, а вот мысли о сплочении семей таким образом никак не покидало головы их родителей. Вика была очень не против, ведь к тому моменту из хрупкого мальчишки Андрей превратился вон в какого красавца. Деньги из семьи никуда не девались, а наоборот приумножались.

– Ну да, идеальный вариант, ничего не скажешь.

– Только вот Андрей был против, – Аня хмурится, – почти добился чтобы его оставили в покое, но его папа умер. И его просто задавили всеми этими «твой отец был бы так счастлив» и «ты должен следовать его последней воле». Мне до

сих пор жаль парнишку. Все, чем он занимается – не его прихоть. Ведет ненавистный бизнес, ложится в постель к нелюбимой женщине. Так себе жизнь, не находишь?

– Ого, – только сейчас замечаю, что почти не дышала, пока Аня рассказывала эту историю. – Слов нет. Но откуда вам столько известно?

– Так я крестная Вики, – корчит она рожицу, – работаю здесь, чтобы не сходить с ума в своем собственном доме, где от скуки дохнут даже мухи. Так что я знаю, о чем я говорю. Вика – избалованный ребенок и она до сих пор не выросла из этого состояния. Так что просто не пересекайся с ней, чтобы не портить себе настроение. Если Люба вдруг начнет тебя тянуть за стол, а она начнет, отказывайся от этой вакханалии и лучше иди ко мне на кухню пить чай.

– Спасибо, – только и могу ответить ей, потому что до сих пор нахожусь в состоянии легкого шока от новостей, что Аня – это крестная Вики.

За разговором мы даже не услышали, что пара уже заехала на территорию участка и бодрым шагом направлялась в дом.

– О, сейчас начнется, – протягивает Аня и передает последнюю тарелку с салатом, – у тебя есть буквально пара минут, успеешь поставить на стол?

– Постараюсь. – Перехватываю ее и двигаюсь в сторону гостиной.

Где-то на пороге в коридоре слышатся приветствия и я позволяю себе совсем на чуть-чуть задержаться в той ком-

нате. И это становится моей роковой ошибкой. Андрей в костюме – как герой с картинки глянцевого журнала. Но эту красоту портит усталость в его глазах. В свете новой информации, я смотрю на него уже чуть иначе. Мне его даже становится немного жаль. А он как будто меня и не видит, потому что все его внимание приковано к плакату.

– Ты ничего не хочешь мне объяснить? – слышится тихий голос и я уже открываю рот, чтобы оправдаться, но этот вопрос задан не мне.

Следом за Андреем в гостиную входят Любовь Андреевна и Виктория. Да, сказать нечего. Девушка красива, выглядит модно и дорого. Под стать своему мужу, я бы сказала. И в отличии от него, она сразу замечает меня, а не плакат.

– Добрый вечер, – легко киваю головой и наконец-то ставлю злополучный салат на его место.

– Кто это? – слышится презрительное фырканье.

Мда, культура так и прет от этой барышни. Спешу ретироваться от них подальше, но в спину ударяет почти обидное «прислуга» из уст Андрея. А затем начинаются споры, которые слышны даже на кухне. Мы с Аней лишь понимающе переглядываемся, когда ноты их восклицаний становятся уж слишком громкими. В довершении всего, через каких-то пятнадцать минут раздается звон битой посуды и хлопки дверью. Ну и характерные всхлипы в довесок.

– Посиди здесь еще минут пять и потом можно выходить на поле боя. – Аня достает пустые контейнеры и открывает

крышки.

– Вам не жалко своих трудов? – спрашиваю у повара. – А то мне кажется, что все блюда теперь придется собирать с пола и выбрасывать.

– Не переживай, – Аня отмахивается, – Люба обычно так привлекает к себе внимание и бьет буквально один бокал. Хочешь я положу тебе вкусенького домой?

– Спасибо, но не стоит.

– Здесь еды на полноценный обед из четверых персон, который никто даже не попробовал. И вот это действительно будет обидно, если ты откажешься.

– А вдруг они еще вернутся?

– Я тебя умоляю. – Аня морщит нос, когда мы выходим из кухни, – Люба с давлением наверху, Вика гордо отмаршевала к своим родителям, которые живут через дом. Андрей... либо уехал, либо где-то на участке.

И в целом, все ее слова оказались до точности правдой. Стол цел, блюда на нем не тронуты. У дальней стены валялись осколки от бокала. Молча собираем все оттуда и переносим обратно на кухню. Смотрю на все это и понимаю, сколько денег было потрачено впустую. И все ради чего? Точнее из-за чего? Из-за глупого сна? Прихоти богачей станут для меня еще большей загадкой, чем были до этого. Сдаюсь под напором Ани и выхожу из дома с полными пакетами продуктов. Уже предвкушаю, как обрадуется мама и Милка. До первой зарплаты еще далеко, но эти вкусности

повысят наш боевой дух.

– Приятного аппетита, – слышится слева, когда прохожу к калитке мимо гаража.

Вздрагиваю и чуть не роняю все на землю.

11. Ника

Андрей стоит в дверном проеме гаража и курит. Пиджак куда-то подевался, рукава рубашки небрежно закатаны до локтя. Кончик сигареты то вспыхивает, то гаснет вновь. Такое чувство, будто он поставил себе цель – выкурить эту сигарету в рекордные сроки. Если добавить сюда его расширенные до предела зрачки, то выходит весьма страшная картина. Будто еще чуть-чуть и у него пелена опустится на глаза. Я знаю этот взгляд. Видела у бывшего мужа, когда он еще умел контролировать свой гнев. И я прекрасно понимаю, что Андрей сейчас на взводе.

– Аня сказала...

– Аня является хозяйкой этого дома? – Перебивает он меня.

– Нет.

– Тогда, быть может, это она зарабатывает деньги на эти продукты?

– Нет, – безумно краснею. Потому что каждый его вопрос заставляет меня чувствовать так, будто я ... – Андрей, я не воровка. И самого начала была не в восторге от этой затеи. Но уверяю, у меня не было никаких плохих мыслей.

– Отчего же тогда взяла? – одним резким движением он отбрасывает окурок в сторону и выдыхает сизый дым.

– Решила... решила, что раз есть возможность, я порадую

дочку всякими вкусностями. – Набираю полную грудь воздуха и выпаливаю это признание. И тут же готова провалиться под землю от стыда.

– Мм, сегодня еда с чужого стола, а завтра чем будешь радовать? Антиквариатом и драгоценностями? – Слышится едкий ответ и именно этим он добивает меня.

– Господи, Андрей, хватит говорить такие гадости! Чего ты добиваешься? – незаметно даже для себя перехожу на «ты». – У меня твои проверки знаешь, где сидят? Вот тут, в горле. Думаешь, я не понимаю, откуда появляются деньги или дорогие вещи типа часов на полке? Да я здесь бываю чаще, чем ты и прекрасно уже выучила, что там должно лежать. Ты так развлекаешься?

– Я тебя изучаю. – Поправляет меня Андрей. – И это нормальное явление, когда в дом к твоей простодушной и доверчивой матери приходит кто попало. И да, у меня есть подозрения. Потому что у тебя нет даже никаких рекомендательных писем.

– Я – обычный человек, а не грязь на подошве твоих ботинок. Так что не смей ко мне так относиться. – Закипаю и делаю шаг вперед, приближаясь к парню. – Да, моя жизнь далеко не похожа на твою. И именно поэтому, мне приходится работать на таких должностях, как эта. Я делаю то, от чего ты воротишь нос. А знаешь почему? Потому что живу в бедности и у меня на руках маленькая дочь вместе с часто болеющей мамой. Да, мое положение – моя личная половая

драма, которая не должна тебя волновать. Но я честный человек и ты не имеешь никакого права обвинять меня в том, чего я не делала. А если у тебя возникли сомнения или вопросы, то можно просто спросить и тебе ответят. Я отвечу. Предоставлю тебе свою жизнь, которая уместится на листочке формата а4. Но легче же облить человека помоями, да? Я так и думала. А знаешь, без этого я тоже как-нибудь проживу. Подавись.

Возможно, я потом пожалею о содеянном и сказанном. Но обида во мне сейчас настолько велика, что я беру и высыпаю содержимое пакета прямо на блестящий капот его машины. И к моей радости, салат красиво вываливается из открывшегося судочка и заляпывает майонезом всю поверхность.

– За вилкой сгонять? – шиплю в его сторону, когда отхожу от машины в стороны и довольно смотрю на его багровеющее лицо. – Ты ж так ничего и не попробовал за столом. Есть возможность сделать это сейчас.

– Я смотрю, ты берега вообще попутала, – Андрей явно входит в стадию бешенства и движется в мою сторону. Успевает даже схватить за кофту, которую накинула на плечи, но она остается у него в руках. – Отлично, вот и тряпка. Сейчас все возьмем и уберем.

И ведь он действительно берет и скидывает все с капота, а затем убирает остатки жирного майонеза именно моей любимой кофтой. Которую потом в добавок еще и швыряет мне к ногам. В гаражную грязь. И я понимаю, что эта битва про-

игра. Ты можешь твоякать что угодно, но все равно останешься вот на этом уровне в глазах таких, как Андрей. На уровне той же грязи, о которой я и говорила ему минутой ранее. Они ничего не слышат со своего Олимпа.

Да, кажется, я тоже переборщила. Только сейчас пришло понимание всей абсурдности ситуации. Ну куда я полезла? Зачем? Он здесь хозяин, а я... наверно уже и уволена с треском после такого. Хоть бы машину еще судочками не поцарапала, иначе потом точно придется продать последнюю технику из дома, чтобы компенсировать ущерб. А для этого даже уже и продать из дома нечего, все ушло перекупщикам. От одной мысли о реакции мамы на это отчего-то так захотелось плакать. Прикусываю губу, когда наклоняюсь за своей вещью и больше не стремлюсь поднять глаза на парня.

– Ника, постой, – слышится голос Андрея и он кажется каким-то странным. – Я не...

– Не надо, – пячусь к двери, – мне хватило.

А затем ухожу настолько быстро, что это смотрится, как побег. До автобусной остановки добираюсь в считанные минуты и только там даю волю слезам, которые душили меня всю дорогу. Реву и пропускаю два автобуса подряд, а потом спохватываюсь, что уехать-то мне уже не на чем. Как вариант только останавливать попутку и надеяться, что кто-то довезет до центра за мои несчастные триста рублей. И, как по взмаху волшебной палочки, передо мной останавливается черная иномарка. Вот только садиться в нее не особо хочет-

ся. Боковое стекло опускается и я вижу хмурое лицо Андрея:

– Ника, садись, я довезу тебя до дома.

– Нет, спасибо.

– Я стараюсь быть вежливым.

– Получается не очень.

– Я сказал, – гремит его голос из салона, – сядь в эту чертову машину! Иначе я выйду и силой тебя усажу сюда!

На каждом слове чуть ли не подпрыгиваю, вот настолько он подавляюще на меня действует. Но повинуюсь и плетусь к задней двери, которая оказывается заблокированной.

– Издеваетесь?

– Снова «выкатать» начала? Не поздновато? – вопросом на вопрос отвечает Андрей и кивает на соседнее сиденье. – Садись и не трать время. Ни мое, ни свое. Тебя ведь дома уже заждались?

И ведь прав же. Вся эта перебранка и последующие сопли прилично задержали меня вдали от дома. Даже когда оказываюсь в салоне, максимально прижимаюсь к двери, чтобы расстояние между нами было как можно дальше. Едем молча и я даже не смотрю в его сторону.

– Ты плакала, – внезапно нарушает он молчание. – Из-за меня?

– Нет, – лгу, – из-за работы.

– А что с ней?

– Кажется, я ее потеряла.

– Тогда спешу тебя заверить, что ты ошибаешься. – Ан-

дрей уверенно идет на обгон и снова встает в свой ряд. – Мама и так со мной не будет разговаривать неделю после сегодняшнего обеда. А если и ты из-за меня уйдешь, она вообще от меня откажется.

– Мама не могут так поступать.

– Я образно.

– А я серьезно. Ваша мама весьма интересная женщина, но это не плохая черта. Да и монстр в этом доме вовсе не она...

– Ты права, эту роль отвели мне. – Он на секунду отводит взгляд от дороги на меня. – Ты же вроде рубишь правду? Так чего ты вдруг застеснялась? Моя мама далеко не интересная личность, а просто человек с придурью в башке. И сегодняшнее мероприятие тому подтверждение. Так что называй все своими именами.

– Вам виднее.

– И я не настолько ужасен, как ты думаешь.

– Как скажете. – Упрямо смотрю вперед.

– Я так понимаю, нормального диалога нам не построить?

– Отчего же, вполне приличная беседа вышла.

– Но ты даже не смотришь на меня.

– Вам бы тоже не мешало бы не сводить взгляда с дороги.

– Ясно.

И разговор действительно больше не клеится ровно до того момента, когда я прошу остановить его в центре около парка.

– Я могу довести тебя до дома, мне не сложно, – Андрей нервно барабанит пальцами по рулю, пока я пытаюсь отстегнуть ремень безопасности.

– Спасибо, но дальше я сама. – Выдавливаю учтивую улыбку, что сделать было вообще очень сложно в сложившейся ситуации. Но я старалась. Правда.

– Оставь хотя бы свою кофту, я сдам ее в химчистку.

– О, не стоит беспокоиться.

– Настолько принципиальная?

– Представляете, да, – хмыкаю и наконец-то выхожу из машины. – К тому же, по идее, я ведь должна буду что-то сделать взамен. А я не располагаю такими финансами, чтобы ответить вам тем же. У меня есть триста рублей, но, по-моему, полировка капота стоит дороже. А я не хочу вам быть чем-то обязанной больше, чем есть.

Ухожу, оставляя озадаченного Андрея позади. И даже не оборачиваюсь, когда слышу визг колес по асфальту. Просто мечтаю быстрее добраться до дома и забыть этот день, как страшный сон.

12. Карина

– Что это?

Кажется, в голосе начальника промелькнуло удивление. Но стоит посмотреть на его лицо, как понимаешь, что это не более, чем еще одна разновидность раздражения.

– Отчеты от запрошенных отделов. Вы распорядились собрать их до обеда, – сдержанно отвечаю ему и опускаю взгляд на свою обувь. Сегодня я сама себе изменила. Нет той элегантности, которую я обычно предпочитала. Вместо привычных шпилек – лакированные балетки, черный гольф под горло, непримечательные брюки. В последнее время желание принарядиться куда-то исчезло. Да и для кого? Три недели игнора от Ильи расставили все по своим местам. И, вопреки мнению окружающих, даже у такой стервы как я, случались провалы. Один из них, самый красивый, стоит сейчас передо мной. Каждый день добавлял уверенности, что Илья Панфилов – герой не моего романа. А страдать и терять время из-за этого не очень-то и хотелось. Хотя нет. Вру. Хотелось выть. Тяжело отказываться от того, кого так отчаянно желала на протяжении долгого времени. Вообще, следующее решение мне далось нелегко, но иного выхода я не видела.

– Я спрашивал вот об этом, – он поднимает вверх листок.

– А это, – сглатываю, – мое заявление об уходе. Подпишите, пожалуйста, чтобы я могла приступить к отработке поло-

женных двух недель.

– Причина?

– По собственному желанию.

– Что тебя не устроило? – Илья впивается в меня взглядом. – Зарплата? Отношение? Переманили конкуренты?

– Это важно?

– Да.

– Для кого? – встречаюсь с ним взглядом.

– Для компании. – Он встает со своего кресла и обходит стол стороной. Между нами теперь всего пару метров. – Я должен быть в курсе того, что желательно устранить перед появлением нового сотрудника.

Признаюсь, последняя фраза – это не то, что я хотела услышать. Если уж, как женщина я его не заинтересовала, то сотрудником была хорошим. И это очень обидно осознавать, что в этом плане я для него так же была не ценным кадром. Еще один расходник, который он скоро сменит.

– Ясно, – усмехаюсь. – Но ни в одном из пунктов договора о моем найме ничего подобного не указано. Так что я не обязана вам что-либо рассказывать.

В комнате воцаряется такая тишина, что я слышу, как тикают его наручные часы. Илья так долго смотрит на меня, что становится не по себе. Но я выдерживаю этот взгляд с достоинством.

– Уверена в своем решении?

– Как никогда. – Киваю головой. – Вы сами отправите в

отдел кадров подписанное заявление или мне подождать?

– Отправлю.

– Благодарю.

– Чем же планируешь заниматься дальше? – он снова возвращается к изголовью стола и дает мне напоследок насладиться видом его широкой спины и крепких рук.

– Личной жизнью.

Кажется, он даже замешкался над бумагами. А когда поднял свой тяжелый взгляд на меня, могу поклясться, что его кадык нервно дернулся. Но этого было слишком мало, чтобы думать о чем-то. А додумывать того, чего нет на самом деле, я устала. Может быть, действительно пора немного приземлиться. Пустая квартира поначалу радовала, а сейчас не приносила никого удовольствия.

– Есть с кем? – этот вопрос я вообще от него не ожидала.

– И на это я тоже не буду отвечать. На то эта жизнь и называется личной, раз ее не обсуждают с кем попало. – Сухо отвечаю ему и отворачиваюсь. – Я могу уже идти? Мне предстоит закончить еще много дел и начать подготовку рабочего места для нового сотрудника.

– Да, ты свободна. – Лицо Ильи становится каменным, не прочтешь ни единой эмоции и я ухожу.

Мне не жаль покидать это место. К работе я отношусь, как к чему-то временному и не привязываюсь. Наоборот, немного радостно от того, что больше не увижу некоторые неприятные мне лица.

– Кариночка, куколка, что ты сегодня такая серьезная? – словно по заказу передо мной нарисовался Семен Олегович. После нашего разговора в лифте он поубавил свой пыл, даже старался быть вежливым. Но это тоже вызывало раздражение.

– Много работы.

– Как папа? Все в порядке?

– Все отлично. – Пристально смотрю на этого жирного ужа. – Может быть, вам стоит лично у него об этом спрашивать? Отец не любит, когда что—то передается через третьи руки.

– Всенепременно, – скалится юрист. – Наш главный начальник у себя?

– Конечно.

– Что ж, тогда я к нему.

На это я могу лишь пожать плечами, ведь никаких указаний от Ильи не поступало и, значит, он может принимать посетителей. Однако буквально через пару минут из кабинета слышатся громкие ругательства и мужчина с перепуганным лицом вылетает обратно в мою приемную. Судорожно вытирает мокрое лицо и охает при этом:

– Что ж ты не предупредила, что он в бешенстве?

– Я была у него до вас и все было замечательно. – Кошусь на дубовую дверь. – Может быть, его расстроили отчеты вашего отдела?

– Шутить изволишь? Да он на них даже не взглянул! – Се-

мен Олегович швыряет мокрый платок прямо мне на стол и мы синхронно вздрагиваем от последующего шума в кабинете. – Пожалуй, я найду позже.

– Эмм... ладно, – еще раз подпрыгиваю на месте от звука битого стекла. – Я запишу вас... когда... это все закончится.

– Будь так любезна, – юрист исчезает из приемной.

Как хорошо, что мое пространство звукоизолировано. Нарастающий Армагеддон слышу только я, а остальные сотрудники даже не представляют того, что сейчас творится за стеклянным барьером. Я бы и дальше сидела на своем месте, но через двадцать минут была назначена встреча и что-то мне подсказывало, что кабинет явно не готов к переговорам.

– Илья Романович, – нажимаю на кнопку селекторной связи, – напоминаю, что встреча Орлова...

– Найди ко мне, – приказным тоном обрывает он мое обращение.

Вздыхаю. Выхода нет, надо оценить масштаб разрушений и оперативно их устранить. Робко стучусь в дверь и, не дожидаясь ответа, вхожу. Настенные полки оборваны, кипы бумаг разбросаны по полу, а гостевые кресла перевернуты. И посреди этого хаоса возвышается мой свирепый, но такой прекрасный Илья. Замечаю, что костяшки одной кисти сбиты и на них проступает кровь. Без лишних слов иду соседнюю комнатку, которая служила ему отдельно уборной и достаю из шкафчика аптечку и ставлю рядом с ним. Я знаю, он в жизни не позволит себя коснуться.

– Уборка займет минут десять от силы, – оглядываюсь по сторонам, – можете...

– Ты отсюда никуда не уйдешь, – хрипло произносит он, обрабатывая раны.

– Не поняла, – прищуриваюсь, – я написала заявление и вы обязаны его подписать.

– Плевать я на него хотел, – усмехается он, когда поднимает взгляд на меня, – я тебя никуда не отпускаю.

– Не имеете права.

– Я это как-то переживу.

– А я буду саботировать любую работу и за ее невыполнение, вы будете просто обязаны меня уволить.

– Ну, давай. – Илья отбрасывает испачканную ватку в сторону и медленно, шаг за шагом, движется ко мне. – С удовольствием посмотрю на это.

– Чего ты хочешь от меня? – не выдерживаю, потому что парень вторгается в мое личное пространство.

Между нашими телами нет свободного пространства. Даже сквозь ткань гольфа я чувствую исходящий от него жар. У меня перехватывает дыхание от того, насколько воздух между нами начинает искриться от напряжения. Чтобы окончательно не сойти с ума, гипнотизирую пуговицу на его рубашке, которую вижу перед собой.

– Разве ты еще не поняла? – касание его пальцев к моему подбородку заставляет судорожно вздохнуть и поднять взгляд на него. – Карина, ты моя. И я не собираюсь тебя де-

ЛИТЬ С КЕМ-ТО ЕЩЕ.

13. Карина

Между нами ничего не происходит. Ничего предосудительного. Но даже одного касания и взгляда глаза в глаза с головой хватает, чтобы внутри все взорвалось. Я не думала... не знала, что такое вообще возможно. Сгорать не в постели. Тонуть в глазах и не мечтать о чем-то более. Есть только ты и он в данную минуту. И это наваждение держится ровно до того момента, когда начинает звонить его телефон и на дисплее отображается фото жены. Магия исчезает, разбиваясь об острые углы реальности. Делаю шаг в сторону и тем самым, выхожу из-под влияния ауры Ильи. Всего лишь шаг, а ощущение такое, будто отдираю себя от него. Обычно, слова так и остаются словами, если они не находят подтверждения в действиях. А судя по тому, как он с нежностью посмотрел на экран, слово «моя» в его понятии имеет какое-то иное значение. Которое вряд ли он как-то захочет подтверждать настолько, насколько мне это необходимо.

– Через две недели я уйду, – делаю усилия над собой, чтобы хотя бы голосом не выдать, насколько я измучена.

Со стороны можно сказать, что я полная дура. Столько времени добиваться его внимания, а когда оно оказалось в моих руках, брать и все рушить. Но я не могу иначе. С Ильей я не хочу быть просто любовницей. Это я не хочу его ни с кем делить. Это я считаю его «моим», хотя не имею на этого

ни единого права. Он нужен мне весь без остатка.

Продолжение разговора мне не требуется. Я его просто сейчас даже не осилю. Возвращаюсь в приемную, вызываю уборщиц и дальше работаю на автомате. Звонки, почта, отчеты, составление расписания на пару дней. В какой-то момент понимаю, что это не помогает. Мне надо уйти отсюда и чем скорее, тем лучше. Отправляю Илье необходимые для завершения дня документы и, пользуясь тем, что совещание все еще длится, сбегая. Да, за такое определенно можно получить выговор в личное дело. А может, даже и желаемое увольнение. Как же я надеюсь на это...

По дороге домой затариваюсь в магазине двумя бутылками вина, фруктами и прочей сладкой дрянью, которую можно использовать в качестве закуски. Конечно же, я про нее потом забуду. Потому что когда требуется анестезия в этом формате, вишенки – клубнички, как правило, скисают к утру от своей ненужности. Почему я не зову девчонок? Не хочу, чтобы они видели насколько мне плохо. Не поймут. Света, с ее низкой самооценкой и понятиями жизни сто процентов скажет, мол, зажралась. Ника постарается утешить, да я прекрасно знаю, что ей самой очень непросто. Мы разговаривали пару дней назад и то, что я услышала меня не впечатлило. Так что сильные девочки страдают в одиночестве. Хотя, нет. До того, как сделать первый глоток вина, я зачем-то заказываю пиццу. Голода нет, я просто надеюсь на случайный разговор с доставщиком. Ведь, как известно, самый лучший со-

беседник тот, кого ты не знаешь и кого затем никогда не увидишь. Включаю музыкальный канал и заваливаюсь на диван, бесцельно блуждая взглядом по потолку, подергивая ногой в такт какой-то заводной мелодии. Меня заинтересовывает сам клип и вот, я уже танцую под «Спайси» [IOWA](#). Не знаю, как это случилось, но именно в танце я выплескиваю все, что накопилось. Состояние на грани истерики, потому что мне хочется и смеяться, и плакать одновременно. Но я продолжаю танцевать и даже не слышу, как разрывается дверной звонок. А когда запыхавшаяся и раскрасневшаяся от танца открываю дверь, внутри все обрывается. На пороге и доставщик пиццы, и Илья. Первый растерянный, второй злой до чертиков.

– Спасибо, – протягиваю пареньку сумму намного больше той, что указана по чеку и забираю картонную коробку из его рук. Паренек в считанные секунды исчезает из нашего поля зрения.

– Впустишь? – Илья даже не пытается скрыть своего раздражения.

– Проходи. – Обреченно вздыхаю и отворяю дверь шире, пропуская эту гору гнева внутрь.

– Вот значит, как ты решила поступить? – С этими словами он вырывает пиццу и отшвыривает ее на пол, заставляя меня отступить назад.

– А что не так? Впервые позволила себе уйти пораньше? – Храбрюсь, а у самой руки дрожат.

– И это тоже. – Илья на ходу стягивает пиджак и бросает его на диван, а затем принимается за запонки.

– Ааа...ммм... позволь узнать, откуда у тебя мой новый адрес? – стараюсь оторвать взгляд от этого зрелища, но получается плохо. Особенно, когда он начинает расстегивать пуговицы на рубашке.

Но Илья игнорирует мои вопросы. Рубашка, кстати, отправляется туда же где лежит пиджак.

– Ты же не говорить сейчас хочешь, – его голос стал ниже и приобрел опасную хрипотцу.

– Нет, – качаю головой.

Не вижу смысла строить из себя невинную овечку, которая не знает, чего от нее хотят. Я знаю. И хочу этого наравне с Ильей.

– К черту все, – выдыхаю и стремлюсь в его объятия.

Куда и когда делась моя одежда... неважно. Потому что как только мы соприкоснулись кожа к коже, а губы слились в поцелуе, все мысли потеряли свою ценность. Хватаюсь за его сильные плечи и молюсь, чтобы эти ласки не прекращались. Илья же берет меня так, как он желает в данную минуту. Жадно, быстро. Мы будто возвращаемся в тот вечер, когда были скрыты портьерой. Я снова утыкаюсь лицом в прохладную стену, а он позади меня. Скользит своими пальцами по нежной коже бедра и скатывает трусики куда-то вниз. Шлепок по ягодице и я зажмуриваюсь от удовольствия. Но тут же вскрикиваю, когда ощущаю укус на лопатке. Он че-

редует приятное с легкой болью, заставляя меня распалаться все сильнее. И когда предоставляется возможность, сама насаживаюсь на его пальцы. У нас двоих вырывается стон.

– Ты такая, какой я тебя и представлял, – жаркий шепот опалает шею.

– Какой? – едва могу шевелить губами.

– Влажной, – палец проходится по складкам и снова погружается внутрь, – готовой.

– Да, – охаю, – да. Только для тебя. Бери... бери всю без остатка.

И да, он берет. Входит в меня на всю длину и замирает, будто сам привыкает к новым ощущениям. Но мне мало этого, поэтому я задаю темп, который Илья потом перехватывает на свой лад. Вбивается в меня до шлепков, параллельно дразня пальцами клитор. И ловлю оргазм за оргазмом, будто подарки на какой-то лотерее.

– Куда ты? – шелестит его голос, проникающий в мое затуманенное сознание. – Я еще не закончил.

Я чувствую, как меня подхватывают на руки и переносят на диван. Илья спешит занять место сверху. Тянусь к нему и целую, слизывая соленый пот с его губ. В глазах Панфилова – похоть, которую он воплощает в жизнь. Закидывает мои ноги к себе на шею и в таком положении снова врывается в меня.

– Смотри прямо мне в глаза, – командует он и накрывает ладонями мою грудь, сжимая между пальцами напряженные

соски. – Вот так.

И когда между нами устанавливается зрительный контакт, он начинает меня трахать. Не любить, не заниматься сексом. Эти определения явно не подходят под то, чем мы сейчас занимаемся. Все стоп краны сорваны, животные инстинкты по максимуму.

– Еще, – молю его, – быстрее.

Илья дьявольски улыбается и мне кажется, что сам Люцифер смотрит на меня из ада. И я кричу, как никогда в своей жизни от того, насколько сильно меня кроет. Задыхаюсь, барахтаюсь в настолько красочных ощущениях, что урывками ощущаю действительность. Только горячие капли его семени на моем животе дают понять, что Илья тоже кончил следом за мной.

14. Света

– Светлана?

Удивленно оборачиваюсь на свое имя и вижу Гришу. Он, как и я оказался сегодня в центре города. Я не знаю, совпадение или нет, но мы стали очень часто пересекаться в разных местах.

– Гриша, добрый день, – отмираю, – что... как... только не говорите, что и вам тоже надо в этот торговый центр.

– Надо, – открыто улыбается парень, – но не подумайте, что я вас преследую. Просто на одной из тренировок повредились часы и мастер только отзвонился, чтобы я их забрал.

– Ясно.

– А вы? – он ускоряет шаг и вот, мы уже вместе движемся к магазинам. – Гуляете?

– Скорее, совмещаю приятное с полезным, – и тороплюсь растолковать, – решила обновить гардероб к осени.

– Ах, вот оно что. Тогда думаю, что в этом больше приятного. Помощь нужна?

И этим вопросом он вводит меня в ступор. Как минимум, это странно, что мужчина по собственной воле предлагает такое. Федю даже двушкой пива не загонишь на рынок, когда нужны обновки детям. За торговые центры я вообще промолчу. Он считал эти места бесполезными и часто говорил, что тряпки везде одинаковые. Только в магазинах они до-

роже за счет аренды и кислых лиц консультантов, которым нужно платить зарплату.

Так почему же я сегодня здесь оказалась? Наверно, это небольшой бунт с моей стороны. Пользуясь тем, что Федя уехал на заработки, я позволила себе то, что раньше было под каким-то негласным запретом. И, знаете что? Это чудесно, когда ты воплощаешь в реальность даже самые банальные идеи. Вот как эта. Я давно мечтала взять стаканчик вкусного кофе и прогуляться по торговому центру без детей, без спешки и вечной суеты. Купить себе качественного и красивого белья, а может быть и какое-нибудь платье. Ну и пусть, что надеть мне его по большей части некуда. Но оно будет.

– Наверно, вы подумали, что я какой-то маньяк, – улыбка на лице Гриши стремительно меркнет. – Простите. Пожалуй, мне не стоило...

– Погодите, – успеваю подхватить его под локоть и сама поражаюсь несвойственной себе храбрости. – Я ведь вам еще не отказала.

– Но у вас был настолько красноречивый взгляд.

– Не спорю, – усмехаюсь, – но найти мужчину, который сам рвется пройти за покупками... Почти тоже самое, что раскопать мамонта в наше время. Не реально.

– Спорить не стану, – парень взьерошивает шевелюру своей ладонью, – но когда тебя две старших сестры, то шопинг становится привычным делом.

– Тогда вас смело можно назвать спецом в этом деле.

– Ну, до этого звания мне еще далеко, но хорошие колготки я умею выбирать.

И на этом нас двоих разбирает смех. Хохочем, как дети и даже не обращаем внимания на косые взгляды прохожих.

– Хорошо, – успокаиваюсь и вытираю уголки глаз, – но я буду просто обязана отблагодарить вас чашкой чая.

– Бросьте, я вам всего лишь составлю компанию.

– Нет, нет, я настаиваю.

– А десерт со мной разделите? – Гриша подставляет локоть и я с удовольствием просовываю руку.

– Любите сладкое?

– Еще и как!

– Просто бриллиант, а не мужчина, – притворно охаю, – не думала, что таких еще выпускают.

– Я же говорю, что вам очень повезло. – И он тянет меня в открывающиеся двери торгового центра.

Самое смешное, что мы ничего мне так и не купили. Обоюдно разнесли в пух и прах все модели платьев, которые видели в витринах. Единственное, заскочили за часами и потом, со спокойной душой отправились в кафе на первом этаже. И мне так было с Гришей легко и хорошо, что полчаса перетекли в час, а там и в два. А чашки с чаем сменились на бокалы с вином. И теперь я наконец-то поняла смысл слов Карины.

Кроме Феди у меня больше не было ни единого мужчины даже в статусе друга. Я действительно не понимала как это,

когда тобой интересуются с живой искоркой в глазах, а не на отъебись. Когда собеседник милый и обаятельный, а не угу-кающее нечто, не стесняющееся чесать свои яйца при тебе.

Не знаю, то ли от вина, то ли от опьяняющей свободы, но день быстро перетек в поздний вечер. Звонок соседке с просьбой уложить детей и вот, я сама оказалась в постели Гриши. Мы не отрывались друг от друга часа три точно. И когда он задремал, крепко прижимая меня к себе, я не выдержала и расплакалась. Потому что мне вбили в голову, что секс длиною в шесть минут – норма. Что позиция «по-собачьи» – самая оптимальная с моим весом. Это теперь я с горечью осознала, что Федя попросту не хотел видеть моего лица. А еще Гриша показал мне то, что секс может и не заканчиваться обязательным минетом. Оказывается, мужчина тоже может делать приятно женщине не членом, но и языком. А я, дура, жизнь проживала будто в каком-то другом мире, где прихоти мужа всегда на первом месте. И от этого мне стало очень горько. Мне кажется, что я и вовсе ни черта не знаю об этом мире.

15. Света

– Не понимаю, почему мы должны встречаться в этом клоповнике, а не у меня? – Карина морщит нос, усаживаясь на кухонный стул.

– А это, моя дорогая, чтобы ты видела, как живут остальные люди и начала ценить, что у тебя есть, – безо всяких обид, даже немного как мамочка, ставлю ее на место. – И мне просто не с кем оставить младшую дочку.

– А соседка куда делась? – прет, как танк Карина.

– Да мне уже неудобно ее так часто просить, – краснею и ничего не могу с этим поделать.

– Ого, – цокает она языком, – и кто это у нас такой жеребец, который тебя так загонял?

– Карин, – влезает в разговор Ника, – не все крутится вокруг секса. Может, у Светы выходов в смену добавили. Человек работает вообще-то.

– Неа, – качает та головой, – не может. У меня нюх на такие дела хорошо развит. Вот ты пашешь, как рабыня Изаура. А ее трахают. Да, Светик?

– Ты еще громче об этом скажи, – шикаю на нее и кошусь на закрытую дверь кухни, – а то не все еще в курсе.

– Да ладно, – Ника даже зависает с чашкой у рта, – серьезно?

– Ой, девочки... это просто... нет слов.

– А я тебе говорила, – смеется Карина и тут же получает в лоб салфеткой. – Да ну чего вы? Видно же по ней все. Светится вся, краситься начала. Стала хоть на человека похожа, а не на бабку с климаксом у подъезда. А это говорит только об одном. В жизни нашей Светланы появился стабильный секс. И как оно? Не так страшен черт, как его малюют?

– Не сравнивай меня с собой. У нас с Гришей все иначе. Он хотя бы не занят, так что я ничего не разрушаю.

– Свет, а насколько у вас это серьезно? – осторожно спрашивает Ника.

– Ну... мы ничего не загадываем, – вздыхаю, – просто наслаждаемся временем, которое проводим вместе.

– А Федя?

– А что Федя? – встаю с места за закипевшим чайником. – Звонил вчера опять бухой.

– Он хоть деньги вам переводит? – голос Карины не теплее льда из морозилки.

– Не то, чтобы миллионы, но на жизнь хватает. – Неохотно озвучиваю этот факт. – Зато он хотя бы работает, а не лежит на диване.

– И то верно, – соглашается Ника.

– Что-то ты совсем не веселая, – доливаю ей кипятка в чашку, – все в порядке?

– Если брать саму работу, то да. А если окружающих меня там людей, то нет.

– Почему? Снова бабка крышу не удерживает на месте –

Карина крутит в руках бублик.— Как вспомню про сон с ребенком, так вздрогну. Это ж надо было так отмочить.

— Дел не в ней, а в ее сыне. Андрей с женой собирается переехать в дом матери на время ремонта в их квартире. А меня так напрягает их присутствие. Точнее, это пока мысль. Не представляю, что будет наяву.

— Просто работай и все, — подвигаю ей кусочек торта на блюде, — не обращай внимания.

— Тебя этот Андрей достает? — Карина возвращает бублик в вазу и вонзает вилку в свой кусок.

— Мы даже не разговариваем, когда пересекаемся. Просто само его присутствие рядом... оно давит. А еще иногда он на меня так смотрит...

— Может, он на тебя запал?

— Карин, не своди все к своему примеру, — успокаиваю ее буйную фантазию.

— Вот как раз он и является доказательством, что такие властные мужчины не пот о своих чувствах на каждом углу. — Парирует она в ответ. — Иногда даже трудно понять, о чем они думают. Но когда они взрываются... держите меня семеро.

— Неужели у вас все так прекрасно? — подаюсь вперед.

— Да.

— И ничего не беспокоит?

— Ты о жене? — Карина откусывает неприлично много. —

Нет. А должно?

– Не мешало бы. – Хмыкаю.

– А ты со своим любовничком все обдумали? – Язвит она в ответ. – Он-то свободен, а вот ты нет. Мысли о Федоре не беспокоят?

– Ну ты и змея подколотная. – Хмурюсь.

Аппетит сразу же пропал после ее слов и торт стал похож на жирную массу, которую нереально прожевать.

– Не злись, – Карина касается моей руки.

– Я не злюсь, – стряхиваю ее пальцы с себя. – Я расстроена и это две разные вещи.

– Блин, ну хочешь... назови меня последней тварью или еще по хуже. Но только, если я говорю что-то не то.

– Нет, Карин, в чем-то ты права. Да, моя измена – это плохо. И не надо придумывать никаких оправданий. Но у меня нет таких амбиций, как у тебя. Я не помешана на Грише и уж тем более не хочу женить его на себе. Это просто... моя отдушина. И в моем случае нечего разбивать, понимаешь? Блин... как тебе это объяснить-то?

– Как есть, – Карина складывает руки перед собой и пристально смотрит на меня.

– Понимаешь, ситуации разные. Посмотри на нас, что ты увидишь? Семью, где муж – лентяй и любитель выпить. Где все держится на соплях и только я не даю всему рухнуть. Даже, если мы с Федей и разойдемся, не измена станет поводом для этого. А обычная заебанность. Таких семей тысячи, веришь? Люди находят что-то получше и сбегают от того, что

есть. Точнее, от того, чего у них никогда не было и не светит с конкретным человеком, с которым у тебя печать в паспорте. Твой же Илья... он иной. У таких людей все идеально. От трусов до брака. И они редко срываются и изменяют. Зачем им это? Только если из-за скуки? Тебя разве это не напрягает? Неизвестность, которой окутаны ваши отношения?

– Меня напрягает подруга, которой стоило разок сходить налево и она считает себя после этого охерительным специалистом в отношениях. – Отрезает Карина.

– Ну, извини, что я за тебя беспокоюсь. Да, я далеко не такой профи, как ты, но даже мне кажется, что здесь что-то не так.

– Девочки, прекратите, – успокаивает наш разгорающийся конфликт Ника. – Мы не одни.

И это сразу остужает мой пыл. В соседней комнате за телевизором сидит моя дочь и все эти крики явно не должны дойти до ее ушей. Точнее, их смысл.

– Потом не ной, – тычу в Карину указательным пальцем, – ясно?

– Да, мамочка, – фыркает она и встает с места, – могу ли я покинуть это нудное застолье или нравоучения еще не закончились?

– Карин, давай хоть ты...

– Нет, Ника, «не давай». – Рывкает она в ответ. – В этот раз, Света не права. Она не имеет права читать мне нотации. Это моя жизнь, что хочу, то и делаю. Слава богу, уже взрос-

лая девочка.

– Ага, а мозгов до сих пор нет, – не остаюсь в долгу.

– Света, – Ника тянет меня за край халата. – Прекрати подливать масла в огонь.

– Так возрадуйся, что появился тот, кто поможет мне в этом, – ехидно ухмыляется Карина, но в глазах бушуют грозы. – Научит жизни, укажет путь истинный.

– Ой, иди уже отсюда, – взмахиваю рукой.

– Как пожелаешь. – Хватает подруга сумку и торопливо покидает комнату, оставляя нас с Никой вдвоем.

Раздраженно перекидываю грязную посуду после нее в раковину и злюсь.

– Зря вы так. – Ника осторожно ставит блюдо на край.

– Чего это? – Кидаю на нее взгляд и тянусь за чашками на столе. – Карина сама выпросила. Ишь ты какая, не понравилось, что ее решили предостеречь. Как сама, значит, лезет в наши жизни и пытается нас построить, так ничего. А тут ты посмотри, какая цаца!

И снова берусь за мойку посуды, чтобы не брякнуть чего-то лишнего, что потом буду жалеть. Да, завтра я уже совсем иначе посмотрю на всю ситуацию, но пока, считаю Карину в корне неправой.

16. Ника

– Нет, ты ничего не понимаешь! – Слышится громкий и возмущенный голос Виктории, а следом и стук каблуков по ступенькам. – Это важная вечеринка!

– Как и прошлые три, которые оказались важными лишь для фоточек в инсте! – парирует Андрей. – Назови хотя бы три причины, чтобы я заинтересовался этим мероприятием.

– Во-первых, там буду я, – Вика останавливается по всей видимости в холл, – а во-вторых... там... там...

– Вот видишь, ты даже не в состоянии придумать даже самой примитивной версии.

– Ты хочешь сказать, что я тупая?!

– Тон сделай тише, ты не у себя дома, – спокойно реагирует Андрей.

– А кого мне стесняться? Твою мать? Так она укатила на свои процедуры. Уборщицу? А с какого мне обращать внимание на эту девку?

После услышанной фразы спешу прикрыть плотнее дверь в библиотеку и вернуться к уборке. Это уже четвертый скандал за неделю, который я застаю лично. Андрей, конечно, не подарок. Но его жена самый настоящий демон во плоти. Как только она переступила порог, только и слышатся одни недовольства. Не понимаю, как имея все, что душе угодно, можно крутить так носом? Да я бы на ее месте... а что я?

Смысл думать о том, чего быть не может.

И сама того не понимая, раз в десятый начинаю протирать одну и ту же полку. А еще вздрагиваю, когда слышу, как с грохотом захлопывается входная дверь. Благо, окна библиотеки выходили на ту часть территории, где виднелись ворота. Я вижу, как Вика бурно жестикулируя руками, марширует на выход. Даже не забывает на прощание остановиться и выставить средний палец в сторону дома. Вот тебе и элитная школа, и дорогуший университет. А воспитанием там даже не и пахнет.

Заставляю полку обратно всеми книгами и спускаюсь с этажерки. Спину ломит, низ живота потягивает. В этом месяце критические дела пошли еще болезненней, чем в предыдущем. Надо бы к врачу что ли записаться, а то когда я там была в последний раз? Через пару месяцев после родов? Да как бы уже почти четыре года прошло с того момента.

Оглядываюсь по сторонам и отмечаю то, что осталось убрать ровно половину комнаты. И чтобы ее осилить, нужно срочно выпить обезболивающее, а еще не мешало бы наведаться в туалет. Откладываю салфетки вместе с полиролью и выхожу за дверь. Любовь Андреевна попросила всего лишь об одном одолжении, которое я исправно выполняю. Дабы не вызывать ненужных вопросов и волнений, мы вместе с Аней оставляем сумки в гардеробной для прислуги и не наведываемся туда до окончания рабочего времени. Если что-то заболит, обширная аптечка этого дома в нашем распоря-

жении. Средства личной гигиены и телефон можно и нужно носить с собой. Благо очень глубокие карманы моего рабочего передника позволяли это делать. Вот и сейчас, я шагала из уборной напрямиком на кухню, где находились лекарства. Вот только я не ожидала увидеть там Андрея, хлыщущего коньяк прямо из горла. Видимо, довели его конкретно. Жаль только, что мне придется пройти мимо, ведь шкафчик с заветным содержимым находится рядом по правую руку от парня. Не особо хотелось нарушать его уединение.

– Достала зараза, – выдыхает он и с грохотом ставит полупустую бутылку на столешницу.

– Эмм... – протискиваюсь мимо, но он резко хватает меня за запястье, останавливая рядом. – Андрей?

– Неужели я действительно настолько неприятен, что от меня стоит так шарахаться? Хотя... иди.

Он отпускает меня, а все продолжаю оставаться рядом. Внутри все разрывается на две половины. Одна советует уйти и оставить парня в покое. Зачем лезть куда тебя не просят? У всех ведь бывают такие плохие дни. А другая половина хочет его чисто по-человечески пожалеть. Я только могу догадываться о том, каково ему постоянно жить в таком состоянии. Когда ты знаешь, что тебя не любят и используют, а ты никуда не можешь деться.

И я... я веду странно даже для себя самой. Подаюсь вперед и обнимаю ее со спины, готовая к тому, что он тут же меня оттолкнет. Крепкое мужское тело напрягается. Если бы

не гулко бьющееся сердце, которое я ощущаю под своими ладонями, подумала бы, что обнимаю гранитную скалу. Мне кажется, что Андрей даже перестал дышать. И вся эта ситуация становится похожей на какой-то сюр, где кролик на свой страх и риск полез в клетку с тигром. Как хорошо, что я сейчас не вижу его глаз и, возможно, осуждения в них. Зачем я так поступила? Наверно, я бы хотела, чтобы, когда мне было бы так же плохо, меня вот так же просто обняли. Без всяких посторонних мыслей. Дали молчаливую поддержку и веру в то, что впереди есть, за что бороться и не опускать руки.

Но есть и глупость в моем порыве. Андрей мне не друг и я абсолютно его не знаю. Может быть, ему это вовсе и не нужно? И как только эта мысль проскальзывает в моей голове, хочу разомкнуть свои руки у него на груди, как поверх них ложится его ладонь и не дает этого сделать. Он делает такой глубокий вдох и его тело наконец-то расслабляется. А вместе с ним и я. Не знаю, сколько мы так простояли в этой тишине, каждый погруженный в свои мысли.

– Спасибо, – тихо слышится его голос.

– Не за что, – так же тихо откликаюсь и тут же отшатываюсь в сторону, потому что входная дверь с хлопком закрывается за кем-то, кого мы выпустили из виду.

Благо, что когда Любовь Андреевна зашла на кухню, я уже находилась на другом конце комнаты и запивала таблетку. А Андрей... он, смотря матери в глаза, продолжил пить прямо из горла.

– Ника, с вами что-то случилось? – она начала с меня.

– Немного разболелась голова, – немного привираю. Ну не хочется мне перед ним рассказывать о менструальных болях. – Сейчас все пройдет.

– Точно?

– Да.

– Тогда вы не обидитесь, если я попрошу вас вернуться к уборке? Мне нужно поговорить с сыном наедине.

– Конечно, – киваю головой и, выходя, бросаю взгляд на парня. Андрей закатывает глаза и топит полуулыбку в еще одном глотке спиртного.

– Андрей, что это такое? – слышится голос его матери, когда дверь за мной закрывается. – Я встретила Вику и...

Дальше мне нет смысла слушать. Не хочу и не буду. Просто принимаюсь за работу и заканчиваю ее даже немного раньше, чем планировала. Но когда вышла за вещами, была удивлена. Любовь Андреевна о чем-то плакалась Ане, а та подливала ей вино в бокал. Было даже как-то неловко прерывать их общение, но я обещала Милке прогуляться вечером, пока было еще тепло.

– Все готово, я могу идти? – Все же обращаюсь к женщине.

– Да, – машет она рукой. – Спасибо тебе, Ника.

– Я провожу ее до остановки и заодно гляну, может, машину Андрея увижу где-то у домов.

– Да, конечно, – вздыхает Любовь Андреевна, – только не старайся затянуть его домой. Ты же знаешь, что какой у него

характер. Пусть просто придет целым и невредимым. Да, так ему и передай, если увидишь.

Как только мы выходим за ворота, я встревожено смотрю на повара:

– Ань, а что произошло?

– Да все, как обычно, – отмахивается та, приноравливаясь к моему шагу, – Любка любит морали почитать, когда этого делать не стоит. Сколько раз ее просила не лезть к молодой семье, особенно, когда у них и так все на ладан дышит. Вот Андрей и не вытерпел, уехал.

– Куда? Он же пил!

– Поверь, ему это не помеха. Я каждый раз за паршивца переживаю, как за родного. Прошу его, ну не стоит так рубить с горяча. А он... – Аня взмахивает рукой и вздыхает. – Эти истерички скоро сожрут парня. Вот предупреждаю же двоих, психанет и все, не вернут его.

И после этих слов в душе воцаряется беспокойство. Лишь бы с ним ничего не случилось.

17. Ника

Но это состояние быстро превращается в удивление, когда я вижу иномарку у нашего дома. Среди обшарпанных пятиэтажек она смотрится, как космический корабль, на который засматривались все проходящие мимо люди. Водительская дверь открыта нараспашку и я застываю напротив нее, когда подхожу мимо.

– Тебя все ищут, – смотрю на то, как он докуривает сигарету и втаптывает ее ногой в асфальт. – Каким ветром тебя сюда занесло?

– Попутным, – усмехается Андрей и делает глоток кофе из стаканчика с логотипом известной заправки.

– Странно, что он сюда подул.

– Не поверишь, сижу здесь уже час и сам думаю об этом.

– И? Какой результат? – поднимаю голову и смотрю на свои окна. Надо бы идти домой, а ноги будто приросли к месту.

– Фиговый, – пожимает он плечами. – Спешишь?

– Я дочке обещала прогулку в парке. – Честно отвечаю ему.

– Ясно, – Андрей поджимает губы и что-то есть в его взгляде. Какая-то загнанность что ли. И это толкает меня на второй за сегодня необдуманный поступок.

– Ты как себя чувствуешь? Сильно пьян?

– Нет, – он поднимает стаканчик вверх, – третий по счету и, считай, я уже как стекло.

– Как относишься к детским площадкам? – едва сдерживаю улыбку, когда вижу, как его брови ползут все выше и выше.

– А я похож на их постоянного посетителя?

– Нет. – Качаю головой. – Вот поэтому я и спрашиваю. Если тебя не испугает орда мелких варваров, которые готовы закопать тебя в песке за свою пасочку, то можешь составить нам компанию.

– Ты сейчас серьезно?

– О чем именно? – делаю шаг в сторону. – О том, что тебе придется побыть со мной и моей дочкой?

– Нет, я за их кровожадность. – Андрей выходит из машины и ставит ее на сигнализацию.

– О, да.

– Никогда бы не подумал. – Он стопорится почти у самого подъезда. – Давай, я вас здесь подожду.

– Ты чего? – не сразу понимаю. Но когда доходит, просто киваю головой.

Ведь Андрей не захотел ставить меня в неловкое положение. Иногда я со своей простотой не замечала очевидных вещей. Социальное положение между нами, как север с югом. Находятся на разных полюсах и отличаются условиями для жизни. Он прав, зачем ему видеть то, как мы живем. Да еще и мама неподготовленная к таким визитам. Хватит и тех слу-

хов, которые начнут разносить бабки у подъезда. Вон как обсмотрели Андрея с головы до ног.

Самое интересное, нам на сборы хватило минут восемь. И когда я спустилась вниз, немного была шокирована. Андрей стоял на том же месте, но только с тремя шариками и мягким мишкой в руках. Все это было можно купить в магазине за углом, но ему пришлось бы пробежаться до него, чтобы успеть за это время. Милка зачарованно смотрит то на парня, то на игрушку. Но в то же время боязливо прячется у меня за спиной.

– Держи, – Андрей протягивает ей подарки.

– Мама, а разве можно? – Милка думает, что шепчет, но ее слышно отчетливо и парень с удивлением смотрит на меня.

– Да, Мил, у этого дяди можно, – разрешаю ей.

А у самой сердце разрывается от этой картины. Настолько трогательно видеть, как дочка тянет свои ручки к подарку и, получив его, вся сияет. Я позволяю ей бежать на пару шагов впереди нас и наслаждаюсь последним теплом.

– Прикольная малая, – озвучивает вердикт Андрей. – Где отец?

– Предпочел дочери бутылку. – Вздыхаю. – И я не хотела, чтобы Милка росла в таком... Вообще, ушла с ней.

– Бил? – Его голос становится чересчур серьезным.

– Ну, – отмахиваюсь, – было пару эпизодов. Но это в прошлом, так что вспоминать не хочу. Было и было. Главное, что все уже позади, верно?

– Верно, – соглашается он со мной.

Мы доходим до первой скамейки на детской площадке и устраиваемся на ней. Милка подарки рядом и несется к стайке детворы, которая что-то увлеченно раскапывает в песке.

– Кофе будешь? – Андрей кивает в сторону небольшой машины, которая переделана под выездной кафетерий.

– Я больше чай люблю с лимоном.

– Понял.

Через минуты две у меня в руках стаканчик с дымящимся чаем, Андрей же пьет снова черный кофе.

– Так и желудок угробить недолго, – комментирую его выбор. – Ты же совсем ничего сегодня не ел.

– Это уже привычное меню. – Хмыкает парень. – Вика вообще не умеет готовить, как и мама. Спасают рестораны и стряпня Ани, когда приезжаю в гости.

– Странно.

– Не странно, а печально, – Андрей смотрит на детвору и замолкает на какое-то время.

Мы так и сидим, пьем свои напитки. Я наблюдаю за Милой, а он просто задумчиво разглядывает носки своих кед.

– Мой отец тоже поднимал руку на нас, – внезапно произносит он, – он же у нас был с погонами. Если не наорался на службе, восполнял дома. Думаешь, отчего у матери такая маниакальная тяга к порядку? Потому что отец «вбил», что дома всегда должно быть чисто и на своих местах, как в казармах.

– Почему она терпела? Ты был сильно маленький?

– Любила она его слепой любовью. Отец после каждого нравоучения на бухую голову потом на коленях ползал и божился, что все в последний раз. Но наступала новая неделя и все начиналось сначала. Я его за это возненавидел. А вот если ты спросишь мать, она ответит, что до сих пор любит его.

– Таких семей на самом деле очень много.

– Я знаю. – Он сминает пустой стаканчик. – Просто хотел, чтобы ты знала чуть больше.

– Зачем?

– Затем, что ты мне кажешься хорошим человеком. С которым мне комфортно находиться рядом.

– Я надеюсь, мой поступок у вас дома не принудил тебя к этим откровениям. Не хочу, чтобы ты думал о том, что чем-то мне обязан.

– А я и не думал ничего подобного.

– Тогда мы... друзья?

Андрей усмехается и качает головой. Ничего не могу поделать и улыбаюсь следом за ним.

– Я не умею «дружить» с девушками.

– Это просто. – Нахожу взглядом дочку. – Просто нужно соблюдать правила песочницы.

– Приходить со своей лопаткой?

– Нет, – качаю головой, – не рушить чужие замки.

Естественно, под этой метафорой у меня простой послыл. Мы не должны рушить жизни и браки. Жаль, только то, что

этот уговор продержался всего неделю и я сама переступила через ту черту, которую сама же для себя и нарисовала.

18. Карина

– Уходишь? – сколько ни старалась, все равно мой голос меня подводит.

– Да, вечером будет одно мероприятие, на котором мне нужно показаться, – Илья застегивает последнюю пуговицу на рубашке и поправляет манжеты.

– Семейное? – не удерживаюсь от вопроса и тут же поджимаю губы. Глупо спрашивать то, о чем слышать больно. Но я, как мазохистка продолжаю это делать. Наверно, от того, что изнутри меня сжирает ревность, которую я ранее никогда не испытывала. Я вообще до Ильи ничего не чувствовала из того, что ощущаю сейчас.

Каждая наша встреча – пожар. Он испепеляет меня и заставляет возрождаться вновь, как феникса. Я раскрывалась перед ним, под ним. Готова была падать на колени, но он каждый раз не давал этого сделать. И каждый его уход отдавался в груди острой болью. Маска идеальной любовницы трескалась на глазах. Я хотела бы определенности, но не могла ее требовать. Потому что знала, с Ильей такие номера не прокатят. Вот поэтому делала вид, что все чудесно. А по ночам, оставаясь в холодной постели, рыдала в подушку.

– Да, – Илья ничего не скрывает и это плюс в его карму. Он никогда не обманывает и называет вещи своими словами. – Именины свекра.

– Наверно, будет очень увлекательно.

– Не знаю, у него каждый год все проходит по-разному, в зависимости от настроения. – Он нежно проводит пальцем по моей щеке и я успеваю ухватить его губами. Глаза парня темнеют, как только я прохожусь языком по кончику и имитирую совершенно другой акт. И мне нравится то, как он реагирует. Как дергается его кадык и как учащается дыхание. Но у Ильи среди его многочисленных достоинств можно выделить одно самое главное – самообладание.

Он подавляет бесовские искорки и, вытащив палец из моего рта, распределяет влагу с подушечки по моим же губам. Усмехнувшись, он целует меня в лоб и забирает пиджак из моих рук. Мы никогда не прощаемся. Илья просто уходит, захлопнув дверь за собой. И я провожаю его взглядом до машины, оставаясь на своем месте у окна. Большого мне не положено, к сожалению.

Однако скучать долго не приходится. Телефон оживает и я поражаюсь имени на дисплее. Этот номер был вбит уже давно и мы пару раз даже созванивались, когда Инге срочно нужно было найти мужа. Однако сейчас этот звонок был крайне странным. Но и я не привыкла пасовать перед трудностями.

– Слушаю, – подношу телефон к уху.

– Надеюсь, мой муж уже уехал? – Доносится ее спокойный голос. – Не хотелось бы опоздать к отцу, он этого не любит.

– Я...

– Давай не будем играть в эту игру. Я знаю, что Илья спит с тобой. – Вздыхает она. – Он сам мне об этом сказал.

– Воу, – только и могу ответить. – Вот это честность.

– Ты же знаешь, Илья не любит неясностей. – Инга на кого-то отвлекается и приглушенно отвечает. – Прости, решаю последние организационные вопросы, связанные с днем рождения.

– Ничего страшного, – закусываю ноготь на большом пальце руки.

– Я бы хотела с тобой встретиться. Думаю, в этом же нет ничего страшного?

– Когда?

– Завтра заеду за тобой в твой обеденный перерыв.

– А...

– Илье об этом знать не обязательно. Договорились?

– Да, без проблем.

– Тогда до завтра. – Инга даже не удосуживается дождаться ответного прощания и отключается.

Сказать, что ночь после этого звонка прошла сладко... что ж, я фактически не сомкнула глаз. И утром пришлось мобилизовать все силы, чтобы выглядеть на все сто и выполнять работу на тысячу процентов. Как хорошо, что Илья тоже был занят разъездами по объектам. Иначе с его проницательностью все пропало бы. Бесплезно отрицать, что я нервничала перед предстоящей встречей. Зачем они? Наговорить друг другу гадости? Плеснуть кофе в лицо погорячее? Пока-

зять, кто тут главный, а кто «унитаз», куда мужчины сливают свои потребности?

К тому времени, как Инга подъехала к зданию, у меня в голове назрело огромное количество странных и страшных предположений. В основном они были основаны на разборках ток-шоу, которые я иногда любила посмотреть. Других источников, увы, у меня не было. Как-то раньше складывалось, что очной ставки с женами моих мужчин у меня не случалось.

– Так, ты справишься, – шепчу себе под нос, спускаясь вниз. – Ты девочка умная, смелая и не в такой заднице бывавшая.

Мантра вроде бы действует и к Инге я выхожу уже уверенной походкой. Она ожидает меня у машины и естественно, не скрывает оценивающего взгляда. Прикусывая дужку очков и о чем-то думающая, она выглядела... шикарно. Страницы социальных сетей не передавали и десятой части того шарма, которым обладала эта женщина. Если бы Илья имел женский вариант себя, то он стоит передо мной прямо сейчас. У них даже повадки и движения рук вместе с мимикой очень похожи.

– Прогуляемся? – предлагает она мне, отталкиваясь от капота.

– Я думала, мы пойдем обедать.

– Не хочу, там слишком много ушей. А для нашего разговора так тем более. К тому же, прогулки полезны. Илья

за здоровый дух в здоровом теле. Он тебе еще абонемент в спортзал не вручил?

– Нет.

– Тогда все еще впереди. – Она указывает рукой на свою фигуру. – И следит он за этим тщательно, поверь мне.

– Ну... это же хорошо?

– Хорошо? – переспрашивает она и усмехается. – Давай пока сойдемся и на этом. Питаешься хорошо?

– Не жалею. – Хмурюсь.

– А как по мне, тебе бы не мешало налечь на витамины. И, конечно же, походить к нормальному косметологу. Я вышлю тебе контакты своей девочки. Через десять сеансов, клянусь, ты себя в зеркале не узнаешь.

– Надеюсь, выписки от гинеколога не потребуются?

– А что, вы этот вопрос еще не решили? – Инга как будто реально удивлена. – Илья до сих использует презервативы?

– Стоп. – Останавливаюсь на месте. – Я нихера не понимаю в происходящем.

– Присядем? – она указывает на лавочку и первая же там оказывается. – Да ты не бойся, я не Илья. Я не кусаюсь.

После этих слов меня прошибает током и начинает печь спина. И именно в тех местах, где после бурной ночи у меня теперь красуются четыре хороших укуса с покрасневшей кожей, где зубы Ильи отпечатались сильнее всего.

– Что? – она прищуривается. – Это уже началось? Ну, Карин, стоит к такому привыкнуть. Он может сделать так, что

ты кончишь от одного поглаживания. А может сделать больно. Но ты же не против? Иначе бы здесь тебя сейчас не было.

– Это что, – оглядываюсь по сторонам, – какая-то проверка? Где-то стоит скрытая камера? Что за хрень?

– Мой психолог называет это не «хренью», а высокими отношениями.

– Вы что, из тех пар, которые спят не только друг с другом, но и еще с кем-то?

– Почти угадала. – Вот теперь на ее лице появилось немного грустное выражение. – Но эта привилегия только у Ильи. Лично меня не тянет на других мужчин.

– Почему?

– Неважно. – Отмахивается женщина. – Я не жаловаться к тебе приехала. Мне нужно было оценить тебя и превратить все минусы в плюсы. Я хочу, чтобы Илья был максимально тобой доволен во всех смыслах.

– Я не понимаю, зачем тебе это? Почему ты ведешь со мной так, будто я не любовница мужа, а твоя подружка? Разве тебе не полагается быть в ярости?

– Карина, ты думаешь, что первая и единственная? – Инга достает тонкую сигарету и подкуривает ее. – Нет. Просто не все выдерживает напора моего мужа. Да и не от всех у него так глаза светятся. Ты поражена, я знаю. Но не всегда любовницы приносят горе в семью. Сама как думаешь, потянешь эту ношу?

– Я люблю Илью, – отчеканиваю, смотря прямо в ее глаза

и, совершенно не вижу никакой злости. Какую-то усталость только.

– Ммм, как громко сказано, – делает она глубокую затяжку, – но это хорошо, если так. Позволишь дать тебе один единственный совет?

– Давай.

– Не сгори быстро. – Она выкидывает окурок и встает с места. – Не прощаемся, Карина.

19. Карина

– Она так и сказала? – Ника в шоке. – Seriously? Вот прямо так, в лоб?

– Ага, – киваю и кладу в рот кусок сыра.

– Странная семейка.

– Я бы сказала, что прогрессивная.

– А ты?

– А что «я»?

– Тебя это не смутило? Тебя же как лошадь перед покупкой осмотрели и оценили.

– И? – пожимаю плечами. – Если их устраивает все, то почему я должна быть против? К тому же, в моей практике это в новинку. Кстати, Инга весьма интересная барышня. Ей даже в чем-то можно позавидовать. Не каждая может вот так сделать, как она.

– Еще скажи, что вы подружитесь. – Ника делает глоток вина.

– А чем черт шутит? – Смеюсь. – В нашем мире все возможно. Может быть, дорастем когда-нибудь и до тройничка.

– Фу, – кривится подруга, – ты как всегда в своем репертуаре.

– Ой, не строй из себя такую правильную девочку. Светка, святоша наша, и то с рогами под шевелюрой оказалась. Кстати, она до сих пор на меня дуется? Трубку вон не берет.

– Да она и на меня не поднимает, – Ника тянется к нарезке. – Занятая стала слишком.

– Ну да, ну да, куда нам там. Ты этого Гришу в глаза хоть видела? Что там за секс-гигант такой?

– Ну, парень спортивный и с обычной внешностью. Больше ничего не разглядела, они так быстро скрылись. Мы ж столкнулись у логопеда, которого Светка же и посоветовала.

– Она б его еще под подъезд привезла, чтоб уж точно все узнали. Никакой осторожности. Вот как была душой, так ею и осталась. Совсем головой не думает!

– Открой курсы по разврату, – хихикает Ника, – бабло рубить будешь.

– Оно у меня и так есть.

– Ну, тогда дело будешь доброе делать. Учить уму-разуму и ставить всех правильных баб на неправильный путь.

– Ха-ха, – язвительно отзываюсь и доливаю вина. – И начну с тебя, пожалуй. А то ты так вокруг своего Андрейки еще год ходить будешь.

– Он не мой, – Ника тут же становится серьезной.

– Это потому что ты тупишь.

– Карин, у него есть семья.

– Жена, – поправляю ее, – и еще ты сама говорила, что они живут, как кошка с собакой. Можно было бы освободить бедного паренька из этой залупы.

– У него обязательства, ты это понимаешь?

– Перед кем? Перед шизонутой мамашей? Или чокнутой

женушкой? Не выдумывай. Родная, вся это чушь про дружбу, которую ты придумала, всего лишь отсрочка от постели. В которой, попомни мои слова, вы все равно окажетесь. – Усмехаюсь и залпом осушаю свой бокал. – Это лишь вопрос времени.

– Я не хочу с тобой разговаривать на эту тему, – Ника продолжает «брыкаться». – И вообще, пятница, а ты еще дома. Что-то случилось?

– А я вот решила, что раз у нас с Ильей все хорошо, то можно и дома посидеть. – Делаю вид, что меня интересуют мои ногти на руках.

– Ты заболела? – подруга даже в шутку прикладывает ладонь к моему лобу. – Раньше наличие мужика не останавливало тебя от гулянок.

– Да иди ты, – в шутку отбиваюсь. – Просто мужики были не те.

– А этот прям «тот».

– Да.

– Завтра, наверно, град пойдет. Или засуха наступит. Короче, какой-то катаклизм точно будет. Наша Карина, как правильная девушка коротает свои вечера без парня дома. Может, тебе в следующий раз журналы по вязанию привезти? Или кулинарные? Того и гляди, скоро оладушками и пельмешками своего Илюшу баловать начнешь.

– Я его и так балую. – Ухмыляюсь и перевожу все в ту плоскость, от которой у Ники точно дернется глаз. – Своим

пельмешиком в стрингах.

– Меня сейчас стошнит, – она подносит два пальца ко рту. – Фу. Да почему же тебя вечно тянет в эту плоскость?

– Потому что это самая важная составляющая всех отношений. Одними разговорами сыт не будешь. Вон, даже Светка и то поняла, что к чему.

– У Светы обычное помешательство. – Ника скептически хмыкает. – Нагуливает то, что пропустила. А потом будет носиться с квадратными глазами «спасите-помогите-муж вернулся».

– Так это ж не твои заботы будут. Думай лучше о себе.

– Вот я и думаю, что пока ты снова не завела заезженную пластинку, я поеду уже домой.

– Слабачка.

– Да-да, думай что хочешь. – Ника действительно поднимается с дивана и я следом за ней.

– Такси вызвать?

– Да я еще прогуляюсь.– Она целует меня в щеку на прощание.

– Передай привет своей «прогулке».

– Да блин, мы просто друзья!

– Ага, попалась! – Смеюсь. – Значит, твой «просто друг» приехал за тобой? Надо же, какой благородный. Наверно, переживает, чтобы ты сама нигде не шлялась?

– Как и твой Илья, – ехидничает Ника, – блюдит, чтобы его пельмень сидел в четырех стенах и ожидал его команды

«раздеваться».

– Сучка.

– Взаимно. – Подруга исчезает за дверью.

А я остаюсь с каким-то странным чувством внутри. Да ну. Нет. Никакой команды мне не нужно. Я принадлежу только Илье и это я решила сама, никто не устанавливал мне рамок. Он всего лишь попросил быть уверенной в своих дальнейших решениях. И я не хочу его огорчать. Разве это плохо?

20. Света

Настроение сегодня было как-то не очень. Люди бесили своими глупыми комментариями и хотелось их послать куда подальше, да нельзя. Вот и приходилось через зубы улыбаться и продолжать работать. А у самой мысли совершенно в другом месте. Федю погнали с работы за пьянство, через неделю он снова будет дома. А я не хочу. Уже настолько привыкла к жизни без него, что представляя вновь вернувшиеся будни, где я пашу, а он лежит на диване... становилось противно. Еще больше я не представляла себе, каково это будет, когда придется лечь с ним в постель. Кроме Гриши я ведь больше ни с кем себя не видела. За этот маленький промежуток времени, он познал меня настолько, насколько собственный муж не удосужился за года совместной жизни. Мое тело привыкло только к его рукам и безумно за ними скучало. Потому что вот уже неделю, как Гришка уехал на соревнования и я не находила себе места. Без него все стало каким-то хмурым и неинтересным. Даже дети подметили, что хожу мрачнее грозовой тучи. Пришлось снова врать, что на работе завал. Не скажу же я им правду, где их мамочка тоскует по молодому любовнику? Нет. Вот и приходится терпеть, проводя вечера и дни в каком-то отрешенном состоянии. Вроде бы я была здесь и сейчас, но мысли... летели все дальше и дальше.

– Девушка, я просила большой пакет, а вы что мне дали? – слышится раздражающий голос и я вскидываю голову на звук.

Передо мной типичная фифа. Вся в мехах, брюликах. Накладные ресницы едва дают глазам открыться. Губы перекачены и выглядят так, будто ее искусал рой пчел. Ноги – когти, килограмм штукатурки на лице. Сияет так, как будто она упала в ведро хайлайтера.

– Я вам и дала большой пакет, – стараюсь держать себя в руках.

– Я вам что, дура что ли? Я что, не могу отличить, где больше, а где меньше?

– Ну, по всей вероятности, что да.

– Да кто тебя такую хабалку сюда посадил, а?! Живо мне администратора сюда! – мгновенно реагирует эта краля.

Твою ж мать. Из-за этой истерички мне влепят выговор и лишат премии. А у меня на нее были приличные планы. Новое белье для Гриши купить, детям что-то. Блин, ну чем же я думала! Надо было промолчать и что-то сказать, чтобы хоть как-то сгладить ситуацию. Но... стоп. Почему я должна терпеть это хамское отношение? Неужели я не человек, раз работаю кассиром?

– Да без проблем, – встаю со стула и ставлю табличку на кассу.

Естественно, половина персонала уже поблизости. Этому никак не удивляешься, ведь кто пропустит такой бесплатный

цирк? Девочки с других касс понимающе смотрят на меня, охранники молча качают головами. А вот наш администратор Аня выглядит недовольной. Я ее прекрасно понимаю, это же ей сейчас придется выслушивать визги этой истерички да еще и улаживать конфликт так, чтобы не дошло до высшего руководства.

– Нет, вы видели! – слышатся крики, но уже за моей спиной.

Прохожу мимо охранника Ваньки и киваю в сторону служебного выхода. Он понимает меня без слов и следует за мной. Оказавшись на улице, молча протягивает сигарету и помогает ее подкурить. Курю я редко, когда нервы на пределе. Но что-то в последнее время у меня постоянно такое состояние.

– Да не ссы, – мужик ободряюще похлопывает меня по плечу, – Анька все разрулит.

– Да я не парюсь, просто осадочек остался.

– Забей, сколько тут таких ходит, а? Если на каждого распыхаться, то нервов не хватит. Ты на нее посмотри, она ж тяжелее члена ничего в руках не держала.

– Ты знаешь, есть у меня подруга, тоже из таких, – выдыхаю сизый дым, – но она хотя бы не хамло.

– А откуда ты знаешь? – Ваня сплевывает на землю. – Ты ж ее только и видишь, как подругу. А какая она за пределами вашего общения, это надо еще посмотреть.

– Да не, – уверенно качаю головой, – я Карину знаю с дет-

ства, так что это не про нее.

– Эх, Светка... – усмехается он.

– Света! – гаркает рядом появившаяся Аня. – Это что еще за приколы?

– Ань, я ничего плохого не сказала. Я ее даже никуда не послала.

– Еще этого не хватало! – Сердится админ. – Я и так закрываю глаза на то, что на тебя жалуются сотрудники за твою невнимательность. Но это...

– У меня сложный период в жизни, – тушу бычок, – муж в отъезде, все на мне. Возможно, я не справляюсь с чем-то.

– Свет, у меня тоже муж постоянно в разъездах, но я же себе такого не позволяю.

– Ты замужем? – скольжу взглядом по ее рукам, но не захожу кольца.

– У нас гражданский брак, но смысл от этого не меняется, – фыркает она в ответ и отвлекается на телефонный звонок. – Да? Нет, тебе придется заехать за мной. Солнце, сколько можно увиливать? Нет, я не доберусь сама, у меня тяжелые сумки. Все, ничего не знаю, буду ждать тебя к семи и точка.

– Мда, проблемы, как у настоящей семьи. – Не удерживаюсь от комментария.

– А мы и есть настоящая семья, просто не стремимся к штампу в паспорте. – Отрезает Аня. – А ты, чтоб взяла себя в руки. Иначе штрафом не обойдешься, ясно?

– Вполне.

– Тогда бегом на свое рабочее время. – Она открывает дверь и пропускает меня вперед. – И чтоб я слышала от тебя сегодня только «Спасибо», «Пожалуйста» и «Приходите еще».

– Слушаюсь, – шутливо отдаю ей честь, на что Аня закатывает глаза.

В принципе, день дальше проходил нормально. Я старательно выполняла свою работу и безумно хотела домой. Да только рабочее время превратилось в резину и никак не хотело быстро подходить к концу. И как только стрелки часов подошли к заветным цифрам, чуть ли не бегом сдавала смену.

На улице я вышла параллельно с Аней, которая реально была нагружена, как верблюд.

– Тебе помочь? – Киваю на сумки. – Может, такси вызвать?

– Да нет, сейчас главный помощник прибудет.

– Точно?

– Да, не беспокойся. – Она прищуривается. – А вон и он подъезжает. Слушай, без обид, я бы предложила тебя подбросить, но мы живем в разных районах. Плюс, у нас сегодня мероприятие намечается. Спешу безумно.

– Да какие проблемы? Я все равно хотела заскочить в еще пару мест по дороге домой. – Отмахиваюсь.

– Ну и славно, – Аня спешит к подъезжающей машине. –

Гриш, ну чего так долго?

На этом имени меня знатно перетряхивает и я оборачиваюсь. Совпадение или чья-то злая шутка? Ведь я вижу, как «мой» Гриша со стеклянным взглядом и каменным лицом помогает своей жене с пакетами и даже не смотрит в мою сторону.

21. Света

Вместо того чтобы разобраться во всей этой ситуации, я позорно пячусь назад. А потом и вовсе быстрым шагом удаляюсь из их поля зрения. Все планы позабыты, ноги сами несут меня домой. И в голове всего один вопрос.

Как так-то?

На автомате что-то отвечаю детям, когда оказываюсь в квартире. Кушать разогреваю тоже на автомате. Как будто кто-то внутри меня дал установку не сломиться на виду у всех. Кажется, я даже разрешаю детворе посидеть в телефонах дольше, чем обычно и все ради того, чтобы побыстрее закрыться в ванной. А затем, включив воду погромче и скатившись на пол, зарыдать.

Я не знаю, как это расценивать. Можно ли считать это предательством? Тогда, кто кого предал? Гриша тем, что скрыл гражданскую жену? Или я, будучи реально замужней женщиной, прыгнула к нему в койку и позабыла о муже. Или же это обман? Но тогда мы оба в этом дерьме по горло.

Не нахожу себя места почти до утра, мечусь в постели и чувствую, как голова начинает раскалываться от боли. А ведь к девяти нужно вести дочку на занятия. Как мне смотреть в глаза Грише? И что он будет делать? Может быть сделать вид, что меня это не тревожит? Тогда выходит, что я трусливая курица и вторая половина меня с этим не соглас-

на. Она хочет разобраться и поставить все точки над «и». Я ведь заслуживаю этого, не так ли?

Но боевой запал иссякает, толком даже не разгоревшись. Ноги предательски дрожат при виде Гриши. Прохожу мимо и молюсь, чтобы он ничего не говорил. Но парень будто специально встает у нас на пути:

– Доброе утро, – приветствует он сначала дочь, а потом смотрит на меня и тихо добавляет, – нам надо поговорить.

– Угу, – только и могу выдохнуть в ответ.

– Подожди меня в моем кабинете, я раздам указания и вернусь к тебе. Пожалуйста, только не уходи. Хорошо?

И что-то в его голосе надломило мою непоколебимость. Гриша вложил столько искренности в свою просьбу, что я беспрекословно последовала туда, куда он сказал. Заняла место перед столом и стала ждать. Парня не было минут пятнадцать. А когда он появился вновь, то создалось впечатление, будто он бежал. Дыхание прерывистое и это видно по резко вздымающейся груди. Мне кажется, что он волнуется не меньше моего. Но кому-то из нас надо начать этот сложный разговор.

– Значит... – делаю вдох поглубже, – вы с Аней вместе?

– Да.

– Давно?

– Давно.

– Почему не сказал? – гипнотизирую взглядом бляшку сумочки, в которую сама же и вцепилась.

– Ну, – откашливается Гриша, – она была против того, чтобы я ехал в вашу секцию на замену. У меня вообще должен был быть отпуск и Анька строила грандиозные планы. А тут предложили подработать, но район противоположный от дома. Да и волокиты бумажной больше, а значит и снова задержки допоздна на работе.

– Отчего же согласился?

– Наверно, – он присаживается на край стола возле меня, – захотелось отдохнуть от Ани. Ей же так важно, чтобы все было идеально и правильно. И иногда на этой почве она становилась чересчур нахрапистой. Особенно, когда разговор касался свадьбы.

– Погоди, вчера она сама мне лично сказала, что штамп в паспорте ей не важен. – Поднимаю глаза и встречаюсь с его взглядом.

– Поверь, это мнение у нее недавно. – Гриша грустно усмехается. – Она пересмотрела свои взгляды после того, как я психанул и после очередного выноса мозга уехал на съемную квартиру поближе к временной работе.

– А тут оказалась «временная» я.

– Я действительно не хотел ничего начинать с тобой. – Парень вздыхает. – Мне просто нужно было время, чтобы подумать над будущим. Разобраться в себе и решить, чего я хочу дальше.

– Но ты начал флиртовать со мной с первых дней.

– Свет, ну это чисто мужские инстинкты. Я же вижу перед

собой привлекательную девушку, которая сама подает мне ответные знаки внимания. Я не предполагал, что это зайдет настолько далеко. Думал, что остановимся на общении. Но мне так легко с тобой, как никогда и ни с кем. Ты обаятельная, веселая и зажигательная. Я не слышал от тебя нравоучений, претензий и возмущений на тему дальнейшей жизни вместе. Ты просто наслаждалась мной, а я тобой.

– Конечно, – передергиваю плечами, – ведь для всего негатива у меня есть муж. Хотя спорить не стану, я с тобой тоже «отдыхала» от быта и рутины. Но, знаешь, Гриш, уж лучше бы ты сказал раньше, что не свободен.

– Тогда бы ничего не было между нами. И чтобы ты знала, я ничуть не жалею о наших отношениях. – Спешит заверить он меня.

– А смысл в них? Я вот теперь не знаю, что делать дальше. Кстати, а знаешь, о чем я думала до всего этого?

– О чем?

– О разводе, Гриш.

Смотрю на его реакцию и вижу, что новость дается ему тяжело. Парень бледнеет и судорожно сглатывает.

– Неожиданно, – звучивает он свой вердикт.

– Отчего же?

– Я думал...

– Ты думал, что все так и будет продолжаться в таком ключе? – Прищуриваюсь – То есть я должна разрываться между детьми и тобой, постоянно ломать голову и все ради чего?

Ради ночи, признаюсь, хорошего секса?

– А тебе не кажется, что ставить условия слишком поздно? – Ершится Гриша. – И твое радикальное решение тоже опрометчиво. Если ты и решишься на развод, то только из-за неудачного брака. Счастливые же жены налево не ходят.

После этих слов даже больно делать новый вдох. Я просто сижу и лупаю глазами, не в силах ничего ответить. Только сейчас понимаю, что тот рай, который я себе выдумала, стал приобретать реальные черты болота. В котором я, как идиотка, счастливо барахтаюсь, принимая грязь за сладкий сироп.

– погоди, – Гриша пытается меня остановить, когда я встаю с мест. – Я реально вспылел, прости. Но это то, о чем я тебе говорил. Ты давишь на меня, как Аня. Но зачем?

– Может быть, я хочу стабильности? – выдергиваю свою руку и его захвата. – Не только в постели, но и в остальных сферах нашего общения?

– Еще скажи, что я должен стать папой для твоих детей. – Кривится он. – Я миллион раз говорил Ане и скажу тебе: я не готов к этому.

– Тогда ты дважды скотина, – отталкиваю его от себя, – надо об этом думать прежде, чем заводить отношение с мамой двоих детей. Это подло, Гриша. Это мерзко даже слышать. Лучше бы ты молчал. Если не хочешь получить по морде, лучше дай мне уйти отсюда.

– Зря ты так, – он выглядит немного рассерженным, – мы могли бы продолжать наши встречи. Я же закрыл глаза на

то, что ты замужем. Почему бы и тебе не поступить так же? Зачем все рушить?

Он обхватывает мое лицо ладонями и умоляюще смотрит на меня. Мое тело предательски тянется к нему и мозг плывет. А ведь действительно, может быть все оставить как есть? Гриша будет моей отдушиной, а я его.

– А у меня муж на днях возвращается, – шепчу.

– И что? – он тоже вслед за мной переходит на шепот.

– Ты к Ане вернулся, – продолжаю.

– Ни к кому я еще не возвращался.

– Но вернешься же. И будем мы ложиться в постель к другим, изредка выбираясь друг к другу. Обманывать будет и себя, и их.

– Какая разница, если нам хорошо вместе? – губы Гриши так близко, что я едва могу дышать.

Но стоит мне прикрыть глаза, как возникает образ Карины. Подруга в свойственной ей манере закатывает глаза и начинает аплодировать. И это отрезвляет. В долю секунды от поцелуя, я отстраняюсь и выдыхаю:

– Гриш, иди на хуй.

– Что?? – шарахается он в сторону.

– Меня подруги считают глупой и наивной. И, знаешь, они почти всегда правы. Но я устала быть такой. Однажды, я уже поверила одному сказочнику. И что в итоге? Несчастливая жизнь в долгах и кредитах с двумя детьми. Так что в этот раз, пожалуй, я – пас.

22. Ника

– Мама, а этот смешной дядя еще придет? – Мила жметя к медведю, которого подарил ей Андрей и смотрит на то, как я развожу ей лекарство в стаканчике. Естественно, это она говорит как раз о нем.

Удивительный факт. Они видели друг друга всего три раза. И у них за такой маленький промежуток времени образовалась какая-то странная и только им понятная связь. В такие моменты я даже чувствовала себя неловко, потому что явно была там третьей лишней. Но даже тогда не находила себе места не поэтому. Ведь кто такой Андрей? Случайный человек в нашей жизни. Рано или поздно наши пути разойдутся и я не хотела бы, чтобы Миле от этого было больно. Но и сказать твердое «нет» не могла, когда видела их вместе. Знаете, это как примерная картинка того, чего у нас не было. Полноценной семьи, где есть папа. Если бы Андрей вел иначе, я бы с легкостью прервала бы общение и не давала им сближаться. Но... рядом с Милой он становился совсем другим. Идеальным мужчиной. Хорошим отцом. Но не в нашей истории.

– Мам? – дочка кривится, когда выпивает лекарство. – Так он придет? Он обещал.

– Ну, раз обещал, значит, должен.

– И мы пойдем гулять в парк?

– Не знаю, это же вы без меня договариваетесь, – прищуриваюсь, – и мне это не очень нравится.

– Почему?– Милка непонимающе смотрит на меня. – Ты же с нами.

– Зайка, – присаживаюсь на край ее постели, – понимаешь, у Андрея есть своя семья...

– Но я же не прошу стать его моим папой, – выпячивает она нижнюю губку и опускает взгляд вниз. – Он просто мой друг и большой защитник. Он сам так сказал.

– А что еще он говорил?

– Что если Колька снова будет драться, он научит давать меня сдачи.

–Мил, мы никого не бьем.

– А сдачу можно давать не только кулаками, как этот противный Колька. И вообще, Андрей придет и сам с ним разберется. По-мужски. Вот.

–Господи, только этого не хватало, – закатываю глаза.

И ведь правда, по нашему квадрату уже начинают ползти слушки. Хорошо, хоть мама пока вопросов не задавала. Зато Ирка отличилась на днях.

– Слышала, ты мажорика завела, – ехидно комментирует сестра, когда я захожу утром на кухню, – заживем скоро, как в шоколаде.

– Закатай губу обратно.

– Тебе жалко что ли? Глядишь, я себе тоже кого-то из

его дружков подцеплю.

– Себе? – сыплю растворимый кофе в чашку и даже не смотрю на Иру. – Или для своих дружков – алкашей толстый бумажник на двух ножках ищешь?

– Мое окружение тебя не касается, – тут же огрызается она в ответ.

– Ну да, совсем забыла, что ты у нас самостоятельная барышня, – вздыхаю, – так может, сама о своем будущем беспокоиться будешь?

– Неужели ты настолько быстро зажралась? – Ира встает на моем пути и не дает пройти обратно в комнату. – Что, даже не поможешь выбраться своей сестренке из этого гадюшника?

– Если бы тебе здесь было не по душе, ты бы прикладывала все усилия, чтобы выбраться из этого, как ты выразилась «гадюшника». А так, Ир, прикрой рот и имей хоть каплю благодарности. Мы с мамой тебя тянем, кормим и поим. Забила на меня, так хоть о ее чувствах подумай! И не забывай, что рядом с тобой растет еще и маленькая племянница, которая тебя уже начала бояться, когда являешься в невменяемом состоянии!

– Да я смотрю, Никуся, ты ссучилась капитально.

– Ровно в тот же момент, когда ты, Ируся, окончательно и добровольно ушла на дно. – Не остаюсь в долгу. – Думаешь, я не в курсе, чем ты там промышляешь? Это ты маму можешь обманывать, чтоб она спала спокойно. А меня не

смей.

– Да пошла ты, Ника! – толкает меня в грудь Ира и я больно ударяюсь лопатками об стенку. Чашка с кофе вылетает из рук и разбивается на полу, заливая ноги горячей жижей.

– А ну, стоять, – успеваю схватить ее за волосы и дернуть на себя.

Признаюсь, наша последняя драка была в возрасте моих шестнадцати лет. Тогда Ира разбила мои любимые и трудно заработанные духи. Я собирала на них очень долго, не отказываясь от любой подработки. Мыть подъезды? Конечно. Выносить мусор из рядом находящихся магазинов? Отлично. Посидеть с соседским пацаненком пару часов? Да зовите меня еще!

Ира же всегда ленилась и считала, что все ей должны приносить желаемое на блюдце. Духам она, естественно, позавидовала. И когда я отказалась с ней делиться, она взяла и разбила их об стену. Мама нас тогда еле расцепила.

Но сегодня ее не было дома, как и Милы. Так что Ирку на этот раз от хорошей взбучки спасти было некому. Я не собиралась наказывать ее физически даже потому, что она была слабее меня из-за своих пагубных привычек. Просто тяну за волосы так, что она оказывается на коленях и жалобно скулит от боли, попутно пытаясь дотянуться и расцарапать мне руки.

– А теперь, моя дорогая младшая сестра, слушай внима-

тельно, – наклоняюсь к ней, – больше терпеть твои выходы я не намерена. Еще раз увижу тебя в обдолбанном виде или не дай бог, ты вытянешь из квартиры технику, я своими руками запихну тебя в больницу на очень долгое время. Поняла?!

– Да, – пищит она в ответ.

И когда я выпускаю ее жиденький пучок волос из рук, она стремительно несется на выход. Я не была в восторге от своих действий, но и терпеть уже не было сил.

С того конфликта прошла почти неделя. Именно столько же Иры не наблюдалось в квартире. Часть меня переживала за нее, не смотря на то, что она творила. А вторая взяла и с облегчением выдохнула. Потому что Ира была еще одним пунктиком, из-за которого я не хотела впускать в свою жизнь Андрея.

23. Ника

Беда пришла оттуда, откуда ее совсем не ожидали.

Шла вторая неделя Иркиного отсутствия. Дома не появлялась, телефон отключен. Мама себе места не находила, да и у меня тоже появлялись весьма неприятные мысли. После работы приходилось оставлять Милу на маму и искать сестру по предполагаемым точкам, где она могла быть. Старалась делать все по дню и за пару часов проходила две-три квартиры. Ну как квартиры, притоны. Как хорошо, что мама не видела, что там творится и кто мне временами открывал двери. Не все могли стоять на ногах, кто-то едва шевелил языком. И всего несколько человек опознали Иру по фотографии и худо-бедно могли направить меня в следующую халупу, где она могла оказаться. Сегодня был еще один день таких поисков, вот только затруднился он тем, что выйдя из подъезда, я увидела Андрея. Сердце моментально ухнуло куда-то вниз от его серьезного взгляда.

– Привет, – беру себя в руки и даже удается улыбнуться, – прости, ты сегодня не очень вовремя.

– Ты говоришь мне об этом уже не в первый раз, – он прищуривается, – по дружбе расскажешь, что происходит?

– О, не заморачивайся, – машу рукой, – ерунда.

– Настолько, что на тебе лица нет который день?

– Андрей, есть вещи, которые тебя не касаются даже как

друга, – нетерпеливо посматриваю на часы. – И вообще-то ты должен быть на встрече. Разве не по этому поводу Вика сегодня снова возмущалась в обед?

– Если ты еще не поняла, то у нее такое состояние – обычное дело. – Парень отталкивается от машины. – Вижу, ты спешишь? Подвезти?

– А? Нет, не надо, тут рядом, – отчасти вру.

– Точно моя помощь не нужна?

– Да что ты пристал, как банный лист? У тебя совсем своих дел нет, которые надо решать? – начинаю нервничать от того, что не могу от него отделаться.

– Вообще-то, я заехал передать Милке игрушку. И еще купил ее любимые конфеты, которые она просила.

– Ты балуешь ее. – Строго подмечаю факт.

– Мне нравится это делать. – Андрей даже бровью не ведет на этот выпад. – Прикольный ребенок.

Не знаю, наверно, это все нервы. Которые скопились за все это время. Они скрутились с переживаниями в плотный ком и теперь опасно, словно снежная лавина, были готовы обрушиться на ничего не подозревающего парня.

– Андрей, ты же понимаешь, что она не питомец? – Скрещиваю руки. – С которым ты поиграешься и забудешь? Она – ребенок. Который, кстати, к тебе начал привыкать.

– А что плохого в том, что я забочусь о ней? – отзеркаливает он мои действия и мы застываем друг напротив друга.

– Рано или поздно ты обидишь ее.

– Чем же это?

– Тем, что уйдешь из ее жизни, – выпаливаю то, что меня мучило последнее время. – У вас с Викою когда-нибудь появятся собственные дети. Да и я не всегда буду работать на твою маму. Теперь до тебя дошло, что я хочу сказать?

– Я бы посоветовал тебе не совершать ту же ошибку, что и вся моя родня, – цедит он в ответ, – не решай вместо меня, что для меня будет лучше.

– Андрей, я действительно немного спешу, – тру переносицу, – давай мы перенесем этот разговор на попозже? Просто подумай над тем, что я сказала.

Больше не говорю ни слова и обхожу его с другой стороны. Да, за такой короткий промежуток времени, я немного изучила Андрея. И прекрасно знала, что он не последует за мной. Это не в его стиле, а мне это было как раз на руку.

Через двадцать минут пешего хода я наконец-то оказываюсь у злополучного дома, откуда из открытых окон слышались маты вперемешку с песнями. Толкаю ногой ветхое подобие калитки и прохожу во двор, который больше напоминал одну огромную помойку. На самой нижней ступеньке не то спал, не то лежал в отключке какой-то тип. И пока я думала, как его аккуратно обойти, дверь распахивается и на улицу вываливается толпа таких же угашенных типов.

– Опа, какая краля, – впивается в меня мутным взглядом один из них. – Ты че, заблудилась, милая?

– Ирка здесь? – без лишних отступлений задаю вопрос.

– Эта та, которая «дырка»? – скалится он.

– Мне плевать, как вы ее называете в своем кругу. Я спрашиваю, здесь ли она и хочу услышать внятный ответ.

– А ты кто такая будешь, чтоб тут что-то требовать?

– Сестра ее. – Сжимаю спрятанные в карманы ладони в кулаки.

– Ааа, – он толкает в бок дружбана, – ты гляди, борзая явилась. Эта та, которая ее погнала из дома. А теперь, смотри, переживать изволили.

Меня отвлекает пьяный смех, который звучит из приоткрытой двери. И этот смех я знаю, как свой собственный. Не знаю, видимо злость придала мне храбрости, что я иду напролом и, растолкнув компашку на пути, оказываюсь внутри. Вижу белокурую голову сестры чуть ли не под столом у колен такого же в хлам угашенного типа и выдергиваю ее полуголое тело оттуда к себе. Ира едва может сфокусировать взгляд, а когда делает это, то замахивается. Но у нее нет сил устоять на ногах, не говоря уже о каких-то других действиях.

– Мать изводится каждый день, а ты вон как развлекаешься, – волоку ее на выход, но он оказывается перекрыт теми же типами, с которыми мне посчастливилось встретиться вначале. – Дайте пройти.

– А хер тебе, она нам бабок должна.

– Сколько.

– Двадцатку.

– Сколько? – Охаю. – За неделю?

– А наша курочка любит пожить с ништяками. Так что либо она отдает долг, либо отработывает. А хочешь, подмоги сестренке. Ты поди почище будешь, сладенькая.

– Только тронь пальцем, – отступаю на шаг назад и при этом удерживаю слабо брыкающуюся Ирку.

– И че? Цыпа, оглянись, ты не в том положении, чтобы выбирать. – Сплевывает он на пол. – Раздевайся.

Только сейчас я поняла, что мое положение незавидное. Даже если и стану сопротивляться, то это не спасет меня. Их здесь с десятков обдолбанных типов. А я одна. Даже если Ирку брошу, то не успею добежать до двери...

– Типа целку строишь, а? Щаз поможем, если стесняешься.

Следом я сначала чувствую боль в скуле и только потом понимаю, что это был удар. В глазах прыгают черные точки и я теряю равновесие. Когда от второго удара падаю на колени, рот наполняется кровью. В этот момент у меня напрочь отключаются все чувства, кроме инстинкта выжить. Ради дочки. И когда меня тянут за волосы вверх, умудряюсь вывернуться и вцепиться зубами в руку. За что тут же получаю еще раз по лицу. После этого удара я уже едва могу встать. Лежу на спину и закашливаюсь от крови и слез. Зрение плывет и накатывает чернота. С трудом понимаю, что меня больше не трогают. Вместо этого слышны звуки борьбы и хруст сломанных костей.

Кое-как получается подняться на четвереньки, но пол рас-

качивается из стороны в сторону. Машу головой и зажмуриваюсь от боли в висках. А затем вскрикиваю, когда передо мной падает чье-то тело. Еще сильнее кричу, когда чьи-то крепкие руки подхватывают меня за талию.

– Тише, – слышится голос рядом.

– А... Андрей?

– А кого ты ожидала здесь еще увидеть?

– Вот тебя точно не ожидала. – Всхлипываю, вцепляясь в его рубашку и замечаю, что она вся в крови. – Господи...

Его красивое лицо пострадало. Бровь, губа, нос – все разбито. И в глазах такой страх, что с опозданием понимаю, что выгляжу не лучше.

– Идти можешь? – Он не дает коснуться своего лица и морщится от ноющих ссадин.

– Да. – Принимаю этот жест на свой счет и прекрасно его понимаю. Он пострадал по моей вине. Андрей имеет право злиться.

– Точно?

Киваю и поворачиваю голову, чтобы осмотреться. Обидчики повержены и стонут по углам, кто-то вообще без сознания. Ирка забилась на кровати и испуганно таращится оттуда, попутно икая.

– Домой, – бросаю ей всего одно слово.

– Ну, уж нет, – встречает Андрей, – сначала больница. Без возражений, ясно?!

Остается лишь согласиться, так как понимаю, что там ме-

ня приведут в порядок. Домой я вернусь «красивая», но хотя бы не в крови. Хотя надо же как-то маму набрать и объяснить, что случилось, чтобы она не грохнулась в обморок еще в прихожке.

Когда оказываемся на улице, у калитки тормозит милицкий бобик и скорая.

– Андрей? – непонимающе смотрю на него.

– Вызвал сразу же, как только подъехал к дому. – Он помогает мне выйти к машинам. – Опоздал совсем на немного... ты уже кричала.

– Зачем ты вообще поехал следом?

– Это вместо «спасибо»?

– Спасибо, – спешу подтвердить благодарность. – Но все же?

– Потому что ты мне небезразлична, – он отворачивается на долю секунды. – Надеюсь, это тебя не расстроит?

Меня переполняет такая какофония чувств, что не передать словами. Когда страх отступает, я чувствую, что меня начинает знатно потряхивать. И Андрей это тоже чувствует.

– Давай, едь с сестрой в больницу, – мягко подталкивает он меня.

– А ты?

– А мне еще здесь надо решить пару вопросов, – он кивает в сторону одного из сотрудников полиции.

– Андрей...

– Что? – Он снова поворачивается ко мне.

И я не удерживаюсь, преодолевая расстояние обратно к нему, целую. Разбитые губы кровоточат и него, и у меня. Но на этот раз, боль слаще. Поцелуй длится пару секунд, не больше.

– Иди, – он отстраняется первым.

И мне кажется, что я совершила ошибку, когда полезла целоваться к женатому мужчине. Небезразличие ведь тоже может быть дружеским и не более. Ведь так?

24. Карина

Пальцы Ильи требовательно тянут меня за подбородок и заставляют смотреть прямо ему в глаза. В этот момент он делает еще один толчок и заполняет мой рот спермой до краев. Ему нравится контроль, а мне... та небольшая боль, которую он мне доставляет. Мое тело отныне хранило все его отметки, как и его мои. Царапины, укусы, связанные руки... все это заводило нас, распалаяло страсть в считанные секунды. Неудобное положение? Пофиг. Странные места типа лифта или уборной в музее? Да раз плюнуть. Теперь, когда мой статус обрел границы мы могли наслаждаться друг другом в любое время и в любом месте. Нам не нужно было ничего скрывать и прятаться, паролить телефоны или еле слышно разговаривать. Наши отношения идеальны настолько, насколько это возможно это возможно между женатым мужчиной и официальной любовницей. Возможно, если бы Илья давал мне время, я бы от скуки задумалась над тем, что в этом есть капля неправильности. Ведь какая жена будет так спокойно относиться к изменам? И чередовать постель со мной?

Но, как я уже сказала, времени у меня не было. Илья не давал мне продохнуть ни на работе, ни после нее. Иногда мне даже казалось, что моя жизнь никогда еще прежде не была такой насыщенной. Выставки, конференции, арт-презентации, ночные киномарафоны. И те редкие ночи, которые

я проводила без Ильи... я не помнила. Вырубалась без сил и спала беспробудно до самого утра. Но я не жаловалась и даже кайфовала от этого.

До поры, до времени.

Как сейчас.

После бурного секса и второго захода в виде минета, Илья не остался в постели рядом со мной. Он изучал мой гардероб и беспощадно выкидывал оттуда то, что ему казалось неприемлемым. По поводу одежды у нас уже возникали разногласия и тогда, мне казалось это чем-то милым. Мужчины так печется над внешним видом своей женщины, ревнует, когда видит в каком-то только ему кажущемся «неправильном» наряде.

– Любимый, – останавливаюсь в проеме гардеробной, – что ты делаешь?

– То, что ты обещала сделать еще месяц назад, – спокойно отвечает он, когда рассматривает очередную кофточку с ажурным вырезом в районе груди, – перебираю вещи.

– И это стоит делать прямо *сейчас*? – делаю акцент на последнем слове. – Половина второго ночи на дворе. Я бы занялась этим с утра.

– Нет, не занялась. – Илья хмыкает и откидывает кофту в грудку вещей на полу. – С утра у тебя запись в спа-салон.

– Ты что-то путаешь, ведь я не записывалась. Вообще-то у меня завтра намечена встреча с подругами.

– Они могут подождать.

– Нет, не могут. – Скрещиваю руки на груди и недовольно хмурюсь. – Илья, я не могу им отказать. Да и в честь чего? Похода в салон?

– И не только. – Он все так же остается стоять ко мне спиной и орудовать на полках. – После салона у тебя йога.

– О которой, я так же не зала. – Закипаю. – Нет, спасибо тебе огромное, что ты печешься о моем внешнем виде и о том, чтобы я была просветленной во всех сферах. Но тебе не кажется, что это как-то слишком? Все планы нужно согласовывать со мной.

– Зачем?– Илья поворачивается и усмехается. – Ты же все равно окажешься там, где я сказал.

– Не поняла, – часто моргаю и никак не могу считать его настроение, – это шутка? Если да, то она абсурдна. У моей подруги с сестрой случилась беда и я не могу проигнорировать это.

– Тем более тебе не стоит пачкать свои руки в чужом дерьме, – парень переключается с моих вещей на меня. – Проблемы третьих лиц должны оставаться только их головной болью. Я же хочу, чтобы твоя прекрасная головка думала только обо мне.

– Я и так думаю.

– Слишком мало, раз тебя тревожат твои подружки.

– Илья...

– Тссс, – он прижимает свой палец к моим губам и заставляет умолкнуть, – ты даже сейчас тратишь время не на то,

что нужно.

Поцелуй от Ильи – это всегда смахивает на завоевание. Как будто мало того, что я уже и так вся его. Этот мужчина ненасытен, он берет все и сразу. Нет никаких предисловий или ласк. Секс с ним, как борьба, где он постоянно выигрывает. Выбивает из меня хриплые крики и нечленораздельные мольбы о пощаде. Заставляет забыть о том, что я на что-то злилась или была недовольна. Когда ноги меня не держат, он просто надавливает на поясницу и я оказываюсь на животе, а Илья даже при этом не выходит из меня. Я теряюсь в чувствах и не совсем уверена, что завтра смогу ходить. И только далеко-далеко, где-то на задворках затуманенного сознания мелькает мысль, что сегодня Илья меня не просто трахает. Он меня наказывает. Показывает, что боль может быть не очень приятной.

Когда я просыпаюсь, то реально чувствую, как низ живота отзывается тянущими ощущениями. Сходить в туалет по-маленькому тоже стало дискомфортным занятием. Благо, что на кухонной стойке Илья заботливо приготовил обезболивающее и стакан воды. А еще записку, где сообщал, что все планы на сегодня отменены.

– Надо же, какая забота, – снова хмурюсь.

От строчек, написанных уверенной рукой веяло не нежностью... а приказом. Он снова решил все вместо меня и вряд ли это продиктовано мыслями о моем самочувствии. Меня гложило неприятное чувство и я не могла от него из-

бавиться ни в душе, ни за чашкой утреннего кофе. Только когда я застыла перед гардеробной, чтобы сменить полотенце на одежду и отправиться к девчонка, то поняла причину этого странного ощущения.

Одежды там не было.

Там вообще ничего не было, не считая аксессуаров в виде ремней, сумочек и украшений.

– Какого... – охаю и хватаюсь руками за косяк.

В голове не укладывается, как Илья смог вынести все это и, причем настолько бесшумно. Когда я переезжала в квартиру, у меня было ящика четыре с одеждой. Плюс я успела затарить гардероб новыми вещами. Хватаю телефон и нажимаю на заветную иконку. Гудки идут, а абонент не спешит ответить.

– Илья! – гаркаю сразу же, как только экран оживает бегущими цифрами, оповещающими о начале разговора. – Что это значит? Где мои вещи?!

– Я решил полностью обновить их. – Спокойно отзывается он. – Завтра приеду с новыми.

– Я ослышалась или ты сказал «завтра»?

– Нет, все верно.

– Но у меня сегодня дела.

– У тебя нет никаких дел. – Отрезает он. – Отдыхай, пока есть возможность. Следующая неделя выдастся тяжелой.

– Уже и это распланировал, – обреченно вздыхаю.

– Но ведь это удобно, – он на кого-то отвлекается, а затем

договаривает, – когда кто-то решает за тебя все вопросы.

– Я не просила делать это.– Цежу сквозь зубы. – Меня все устраивало. Особенно, мои вещи. Ты понимаешь, что у каждого человека должно быть что-то «свое». Угол, зубная щетка, мысли... То, что у него никто не посмеет забрать. А ты взял и...

– Карина, – голос Ильи становится строже. Именно таким тоном он обычно отчитывает нерадивых работников, – разве ты еще не поняла? Ты – моя. А это означает, что как отдельного существа, тебя больше нет. Мы единый организм, запомни это, пожалуйста.

– То есть, – сглатываю, – я могу точно так же явиться к тебе домой и навести порядки так, как я посчитаю это нужным?

– Ну, – слышится неизменный смешок, – для этого тебе нужна одежда, которой у тебя сейчас нет. Но мне нравится твое настроение. Сохрани этот запал до завтра.

– Да пошел ты к черту, Панфилов, – едва сдерживаюсь, чтобы не расколоть телефон об стену.

Ох, как он меня взбесил...

– Думаешь, победил? – возмущаюсь на всю квартиру, правда, уже самой себе.– Да как бы не так!

Да, одежды не нашлось даже в стиральной машинке, хотя я точно помнила, что бросала туда спортивный костюм. Итого: ни белья, ни обуви, ни-че-го, кроме короткого полотенца на мне. Но разве меня это могло остановить, особенно, когда

я была в гневе?

– Алло, такси? – пугаю девушку – диспетчера своим тоном. – Мне бы машинку! Адрес? Да-да, который в базе. Ага, спущусь через пять минут. Водитель у вас не сильно впечатлительный? Нет? Отлично. Что вы, у меня нет никаких проблем. Спасибо!

А ведь действительно, какие могут быть проблемы у девушки, которая впрыгивает в подъехавшую машину босиком и в одном полотенце? Разве что она осознавала тот факт, что вляпалась. Правда, неизвестно насколько глубоко.

25.Карина

– Вы посмотрите, кто это у нас появился на пороге моего клоповника, – лицо Светки буквально светится от злорадства. Но это ровно до того момента, как ее взгляд не опускается ниже на полотенце, а затем и на босые ноги. – Это еще что такое?

– Может, вступишь и потом продолжишь ехидно скалиться?

– Блин, прости, – она отходит в сторону, – но ты тоже хороша. Могла бы хоть морально меня подготовить к такому зрелищу. Что произошло?

– Свет, ну что ты с вопросами лезешь, а? Дай хоть ноги помыть для начала.

– Так чего ты сама стоишь на месте? Знаешь же где ванная. Вперед и с песней, а я пока что-то из одежды тебе посмотрю. – Подруга пропускает меня вперед, а сама разворачивается к спальне.

– Мелкие где? – перекрикиваю шум воды и натираю по второму кругу ступни мылом.

– Так сегодня воскресенье, они у мамы.

– А ты чего дома? – раздумываю минуты две, а затем и вовсе вся залезаю в ванную под душ. – Почему не со своим Гришечкой?

– Потому что, – угрюмо отвечает Света. Судя по близко

звучащему голосу, она уже в ванной с вещами.

– Злишься на меня? – выглядываю из-за шторки.

– Если бы я так делала каждый раз, когда ты бесишь меня, мы бы перестали общаться еще в школе.

– По ходу у меня абонемент на твою доброту.

– Но это не повод для наглости.

– Так что случилось? – не стесняясь своего голого тела, шагаю за бортик чугунной ванны.

– Господи, Карин, что это? – Света как будто не слышит моего вопроса и пялится на меня. – Он что, бьет тебя?

– Что? – непонимающе переспрашиваю ее и только опустив взгляд на живот, понимаю, в чем дело. – А, это просто заигрались.

– Карина, это гематомы!

– Это просто синяки, не преувеличивай. – Нервно дергаю приготовленный халат на себя и стараюсь быстрее в него закутаться. – Неужели вы со своим Гришей никогда таким не баловались?

– Ты имеешь в виду «калечили»? – Света следует за мной по пятам до самой кухни. – Нет.

– Скучный и банальный секс в темноте?

– Любовь, а не игрища на выживание, – поправляет она меня.

– Я же говорю, что скукота смертная, – отмахиваюсь, – вот была бы изюминка в ваших отношениях, вы бы не разбежались.

– О, у нас она выплыла, правда, в виде гражданской жены и в лице моего администратора. А еще Грише было вполне комфортно в таком четырехугольнике, где есть Аня и мой Федя. Как тебе такая изюминка? – Подруга ставит чайник на плиту. – Но дело сейчас не во мне. Там ты права, все скучно и банально по сравнению с тобой. Может быть, перестанешь играть свою роль всезнающей львицы и расскажешь мне правду?

Чего Светке не отнимать, так это упорства в поисках правды. Ей вечно надо, чтобы всем воздавалось по заслугам. Она из тех людей, которые в жизни не возьмут чего-то лишнего и не своего. А этот Григорий... сбой в системе, не иначе. Была подруга чуток с придурью, теперь снова в святоши подалась. Но кое в чем она была сегодня права. Маска притворства на моем лице трескалась и расплзающиеся по сторонам кусочки все труднее становилось удерживать.

– Мне кажется, он меня не любит, – выдыхаю и отворачиваюсь к окну, чтобы не видеть ее лица и реакции на нем.

– Это я уже заметила, – слышится ее голос вперемешку со звоном посуды, – когда любят, то боль не причиняют.

– Я не за отметины говорю. Раньше казалось, что у нас все... идеально. И что чувства у нас обоюдные. Я радовалась, что смогла заполучить такого мужчину.

– А сейчас?

– Не знаю... – прикусываю губу. – Его рамки сужаются и душат меня. Сегодня, допустим, я проснулась без одежды.

Он просто взял и все обчистил... говорит, что меняет мой гардероб. Планы эти еще чертовы. Он распоряжается моим временем без моего на то согласие. Перекраивает мою жизнь так, как ему это хочется.

– Так почему ты не противишься этому? Почему ты его не бросишь?

– Потому что одна дебильная половина меня, Света, его любит. – Рассержено констатирую этот факт и хватаюсь за горячую чашку, которую она поставила передо мной. – И надеется, что все будет хорошо. Представляешь, я и на такое способна.

– Это не любовь. – Качает она головой.

– А что тогда?

– Зависимость.

– Да ну, бред какой-то.

– Да? – Подруга хмыкает. – Так поступает только преданный пес по отношению к хозяину. Человек лупит его, а он терпит. Тот дает ему косточку и пес считает, что это высшая степень похвалы.

– Мне не нравится это сравнение.

– Наверно, это потому что оно правдиво. Уж прости, но со стороны оно так и выглядит. А теперь задумайся над тем, почему его жена так легко приняла тебя в ваш треугольник.

Ее слова окончательно выбивают мне почву из-под ног. В них не крупица, в них прямо горища того, чего я не хотела понимать и замечать. Уже тянусь за телефоном, чтобы на-

братъ Ингу и прояснить кое-какие моменты, как он оживает сам. И на экране ее имя.

– О, легка на помине. – Светка хмурится.

– Да? – машу рукой, чтобы она затихла, а сама нажимаю на сенсор, принимая звонок.

– Карина, мне казалось, ты довольно сообразительная де-вушка, – слышится усталый голос из динамиков.

– Я такой и остаюсь даже на данный момент. Чем обязана, Инга?

– Тебя не оказалось дома.

– Что-то не припомню, чтобы мы договаривались о встрече.

– Мне нет надобности видеться с тобой, а вот Илья попросил проконтролировать тебя дома.

– А ты не нашла меня там, – договариваю и чувствую, как внутри все начинает потряхивать.

– Да. Ты представляешь, как его это расстроит?

– Могу только представить. – Сглатываю. – Но что он мне сделает? Прикует к постели? Не имеет права. Ровно, как и запрещать мне куда-то выходить.

– И это доказывает, что ты его еще очень плохо знаешь. Но давай сделаем так, я ему ничего не расскажу о сегодняшнем побеге. Но тебе лучше спуститься вниз и поехать со мной обратно. Он может набрать меня в любую минуту.

– Откуда ты знаешь, где я? – подкрадываюсь к окну и смотрю вниз на знакомую машину во дворе.

– О, у меня есть вся информация о тебе и твоём окружении. У первой подружки тебя не оказалось и я приехала сюда. Видишь, не прогадала.

– Хорошая интуиция. Меня ведь могло здесь и не быть.

– Да нет, Карин, куда бы ты делась в полотенце? – Инга выдает смешок. – Только к подружке, чтобы поплакаться. Выходи, я уже завожу машину.

Разговор обрывается и снизу слышится гудок клаксона. А я стою и не могу сделать и шага в сторону.

– Не иди, – Светка становится у меня на пути. – Ты правильно сказала, они ничего не могут тебе сделать.

– Мне надо хотя бы все узнать.

– Да что узнать? Что они психопаты? Да это и так ясно!

– Мне нужна правда, Свет. А еще ключи от моей квартиры.

– Мне страшно за тебя. Я боюсь, что ты до нее даже не доедешь.

– Не накручивай, – вяло улыбаюсь, – все будет в порядке. Передай Нике, что я наберу ее на днях.

– Ну уж нет, – решительно заявляет подруга, – если ты не объявишься сегодня вечером, я сама к тебе приеду. Ясно?

– Успокойся ты, я ж и не таких на место ставила.

– Да, но тогда ты была просто меркантильной сучкой. А сейчас тебя тянет к этому уроду и ты можешь сделать неверный выбор.

– Светка, не делай из меня страдальцу на подобии тебя.

Угомонись и дай мне пройти.

– Я жду от тебя звонка! – слышится мне в спину, когда я спешу на выход.

– Всенепременно! – подмигиваю ей на прощание и захлопываю за собой дверь.

26.Карина

Инга окатывает меня презрительным взглядом, когда я в светкинском халате и резиновых тапках опускаюсь на кожаное сиденье ее авто класса люкс. Но превосходство в ее глазах быстро сменяется на какое-то веселье.

– Да, у меня в свое время духу не хватило на такой поступок. – Она отдает указания водителю и нажимает на кнопку в двери, отделяя нас от него перегородкой. – Стоит отдать тебе должное, в тебе очень много пороку. Теперь я понимаю, почему Илья стал так на тебе зациклен. Но не брыкайся сверх меры, иначе ты его разозлишь. А нам этого не надо.

– «Нам»? – скрещиваю руки на груди. – Тебе-то что в таком случае? И вообще, Инга, я не понимаю твоего поведения. Разве тебе не больно? Разве ты не ревнуешь? Да я бы с ума сошла...

– А я радуюсь, – ошарашивает меня Инга своим ответом. – Потому что пока он горит тобой, я наслаждаюсь той толикой свободы, которая у меня появилась. Контроль Ильи иногда не знает границ и ты только начинаешь познавать эти истины. Кое-что тебе покажется странным, но уверяю, это он так проявляет свою заботу. Ты же знаешь, что насколько он отдает свою любовь, настолько же он ее и требует обратно. У Ильи нет полумер, если он выбирает человека, то он становится его полностью.

– С тобой так же было? – мне почему-то важно услышать ее историю. – Как со мной?

– О, нет. Моя роль всегда была на первом плане. Идеальная жена с такой же идеальной родословной и связями в высших кругах общества. Он увидел меня на одном из светских мероприятий и, подойдя к моему отцу, в лоб озвучил свои планы на меня.

– И? – хмурюсь. – Тебя так просто выдали замуж за незнакомца?

– А чего ты удивляешься? У нас это не редкость, когда интересами детей пренебрегают во благо семьи. Моему отцу посчастливилось оказаться в нужное время и в нужном месте. Благодаря браку с Ильей, я посодействовала бизнесу отца и укрепила его положение. Все остались довольны.

– А ты сама хотела этого?

– Ну, я была юна и глупа. – Горько усмехается Инга. – Мне казалось, что Илья меня любит так же сильно, как и я его. Но знаешь в чем минус иллюзии? Она рано или поздно рассеивается, обнажая не совсем приятную правду. Илья завоевывает вершины в бизнесе и берет от жизни то, что ему заблагорассудится. А иногда это не вещи, а люди. Он как – то в шутку сказал о себе, что он будто коллекционер. Собирает все самое лучшее на этой планете. Только по истечению нескольких лет, я понимаю, что он тогда не шутил.

– Почему ты не уйдешь от него? Развелась бы и дело с концом. Зачем терпеть и строить из себя мученицу?

– Если бы все так было просто.

– А что сложного? Объясни мне, пожалуйста, а то чего-то явно не догоняю. Вот если мне надоест что-то, я сама оборву все концы.

– Кому ты врешь?– мои последние слова вызывают у нее искренний смех. – Ты же сама кайфуешь от происходящего. Тебе нравятся ваши кошки-мышки. И в глубине души, ты желаешь, чтобы Илья тебя догнал и наказал. Ему это тоже нравится, я вижу. Только еще раз предупреждаю, чтобы ты не заигрывалась. Он может быть жестоким и такой Илья тебе вряд ли понравится.

– Инга, что это? Акт доброты? Предостережения? Или ты таким образом избавляешься от всех конкуренток, а?

– Ох, и глупая же ты, Карина. Но, ничего, все приходит с опытом.

Машина тормозит у моего дома и Инга при этом отворачивается к окну, показывая, что говорить больше не намерена.

Уже будучи дома, я так до конца и не понимаю, что это было. Что она хотела сказать? Почему мои отношения с Ильей для нее являются свободой? Странно все это... Но, наверное, уж лучше поговорить с самим Ильей, чтобы не было каких-то пробелов в понимании происходящего.

Вот только он не торопится брать трубку на входящие звонки от меня. Ровно, как и появляться в моей квартире. И я понимаю, что он просто маринует меня. Как заправский

повар, добавляет специй в мой внутренний жгучий коктейль. Так что да, когда он все-таки оказывается передо мной, я дошла до готовности.

Он позволяет вlepить ему пощечину и лишь сверкает глазами, потирая покрасневшую кожу. Я же гордо вздергиваю подбородок вверх и показываю, что не намерена сдаваться.

– Интересный прикид, – он кивает на мой халат. – Что-то не припомню такого у тебя в гардеробе.

– Было припасено на черный день.

– Значит, выходила куда-то?

– Выходила, – прищуриваюсь, – а что? Думал, я сдрейфлю? Чтоб ты знал, Илья, я и не с такими кадрами имела дело. И пугать меня не нужно. Кстати, спасибо за полотенце, оно значительно упростило мне задачу. Иначе бы беодолага таксист не доехал бы до места назначения, плясая на мою грудь.

Судя по тому, как он шумно втянул в себя воздух и опустил взгляд на только что указанную точку, мне бы вести себя чуть осторожней. Да вот только я тоже могу быть без тормозов. И все мысленные указания, что нужно держать себя в руках летят к чертям. Потому что это я и Илья. И у нас никогда и ничего не может быть «просто». Кто-то постоянно выступает в роли зажигалки, которая подпаливает все вокруг.

Я не представляю себе, как они могли сойтись с Ингой. Она ведь такая сдержанная и холодная, что совсем не подходит для него. Не эта женщина должна быть рядом с ним. Те-

перь, будучи так близко, я все больше ловила себя на мысли, что Инга на самом деле испугана. И все ее действия и мнимое спокойствие – фальшь. Пусть даже и хорошо отыгранная. Только самая настоящая дура будет раскидываться такими мужиками. Но я не она. Я умею играть так, чтобы всем нравилось. Я знаю, как удержать желаемое рядом. Именно поэтому, я плавно стягиваю с себя цветастую тряпку и остаюсь перед ним нагой. Наслаждаюсь тем, как он с жадностью скользит по мне взглядом.

– Нравится? – шепчу и скольжу пальцами сначала по шее, а затем медленно опускаюсь к ореолам сосков. Чуть скручиваю их, добиваясь того, чтобы они затвердели и устремляюсь еще ниже.

Илья облизывает нижнюю губу и, качая головой, усмехается.

– Чертовка, – хрипло отзывается он в ответ.

– Но твоя же?

– Моя, – тут же подтверждает он. – А с чего это вдруг такие мысли?

Наша с ним игра выходит снова на новый уровень. Илья не бросается на меня, а отходит к креслу и усаживается в него.

– Ну, я ни разу не услышала, чтобы ты сказал мне что-то о любви, – тоже присаживаюсь в кресло напротив него и бесстыдно расставляю ноги. Думаю, что скромница Инга вряд ли способна на такое. – А ведь все девушки любят такие речи.

– Пф, – фыркает он, расстегивая манжеты и закатывая рукава повыше, – я не любитель слов. Они – пустышка. Они как ветер, которые бестолково всколыхивают цветок, но не приносят при этом пользы. Я предпочитаю действовать, чтобы мои сады не вяли. Возможно, я то солнце, к которому они должны тянуться.

– Но, если засадить один участок разными цветами, то есть вариант того, что кто-то кого-то затмит. Отберет солнце и будет купаться в его лучах, а все остальные зачахнут. Или же... – с этими словами я резко и плотно сжимаю ноги обратно, – найдут участок, где все внимание будет принадлежать только им. Найдут другое солнце, что будет их согревать.

– Даже так? – Илья при этом не выглядит удивленным. Будто он ожидал нечто подобное. – И чего *ты* хочешь, *Карина*?

– Разведись с Ингой. Она тебе не ровня. Она не дает тебе того, чего ты хочешь.

– А ты дашь?

– Да. – Уверенно киваю головой. – Я виделась с ней и прекрасно понимаю, что превосхожу ее по многим параметрам. Некогда прекрасный цветок превратился в сорняк. Пора бы прополоть твой сад и посадить там новый. Я стану главным бриллиантом твоей коллекции.

– Посмотрим, – он наконец-то встает с места и движется ко мне.

Грубо расталкивает мои колени в стороны и вклинивается

между ними. А я едва могу сдержать победную улыбку. Ведь сам Илья Панфилов сейчас стоит у моих ног. Да еще и опустился на колени передо мной. И я не сомневалась в своей победе. Так что, прости, Инга, твой план, где ты выставишь Илью монстром, не прокатил со мной. Да даже если у него и есть какие-то замашки, я смогу приручить его внутреннего зверя.

27. Света

– Привет, – перед глазами сначала возникает огромный букет цветов, а затем и его владелец. – А это тебе.

– Эм... Гриша, не стоило, – торопливо обхожу его стороной. – И я спешу.

– Куда? – он не сдастся и подстраивается под мой шаг.

– У меня сегодня вторая смена, а мне еще надо скупиться и приготовить детям покушать на вечер.

– А что ты делаешь после работы?

И вот тут его вопрос абсолютно выбивает меня из колеи. Даже не так. У меня возникает чувство дежавю и я никак не могу от него отделаться. Мы это уже проходили в начале наших отношений. Только сейчас я знаю о нем намного больше и от этого мне, к сожалению, не легче. Сердце трепыхается в груди, когда я смотрю на его лицо. Разум, эдакая скотина, подсовывает совсем ненужные воспоминания. А Гриша будто чувствует, как меня разрывает изнутри мучительными мыслями и становится на моем пути, заставляя остановиться.

– Давай я тебя подвезу.

– Зачем? – скрещиваю руки.

– Затем, что это обычный жест вежливости.

– И все?

– Все, – кивает он головой.

Мне бы быть поумнее, как Ника, чтобы просчитывать ситуацию наперед. Или хорошо разбираться в мужчинах, как Карина, чтобы увидеть его истинные намерения. Но сколько бы я ни старалась строить из себя такую женщину, все равно оставалась все той же доверчивой лохушкой. И, признаюсь, я соскучилась и до безумия хотела побыть с ним хотя бы пару минут.

– Анька не заругает, если услышит запах чужих духов? – задаю вопрос, когда сажусь в машину.

– Нет, – он поворачивает ключ в зажигании, – мы с ней... вообще, я теперь свободен, Свет.

Эта новость для меня словно пролетающая комета при свете дня. Настолько же диковинная, что поверить в это сложно.

– Почему?

– Потому что после тебя очень сложно вернуть все обратно. – Вздыхает Гриша, выруливая на дорогу. – Аня меркла по сравнению с тобой.

– Мне жаль это слышать.

– А мне жаль осознавать, что я проворонил такую женщину, как ты.

– Гриш...останови, – прошу его, хотя мы проехали всего несколько метров.

– Нет, Свет, ты должна об этом знать. Я поступил как настоящий гад и прошу у тебя прощения. Моим словам и действиям нет никаких оправданий. Да, я очень непростой че-

ловек и тараканов в моей голове не счесть. Я очень амбициозен и самоуверен. Но это все было до тебя. А ты стала тем разделителем, который поделил мою жизнь на «до» и «после».

– Гриша, прошу, высади меня на остановке, – я даже зажимаю уши ладонями, чтобы ничего не слышать. Ибо знала, что еще чуть-чуть и будет беда.

Хорошо, что он заворачивает в какую-то подворотню, но выйти мне не удастся, так как двери заблокированы.

– Я люблю тебя, Света. Хочу быть с тобой. Хочу стать твоим детям другом, а может быть и кем-то большим... Пожалуйста, дай мне еще шанс.

– Нет, – машу головой.

– Прошу, не отворачивайся от меня. – Его голос совсем близко от моего лица и я чувствую теплое дыхание на щеке. – Света... мы будем счастливы...

И это ломает все мои барьеры. Я разворачиваюсь и мы сливаемся в поцелуе. Мне кажется, что мы оба ведем себя, как изголодавшиеся путники. Которые наконец-то получили глоток воды. И плевать, что мы в машине. Забираюсь сверху и слышу, как Гриша молниеносно рвет мне колготки. Наши движения торопливы, словно мы боимся передумать. Точнее, я боюсь передумать. Но когда Гриша входит в меня, от мыслей не остается и следа. Только он может дарить такое чувство наполненности. Насаживаюсь на него так рьяно, что из меня вырывается дикие стоны. Да и Гришка от меня не

отстает. Шепчет мое имя, придерживая за зад, который ходит вверх-вниз, когда скольжу по его члену.

– Да... да... да!!! – Вскрикиваем одновременно и я обесилено падаю ему на грудь.

Это дико. Это не свойственно для меня. Секс посреди дня в подворотне да еще и в машине... Раньше мне казались такие поступки аморальными. А сейчас в крови разбушевался адреналин и мне плевать даже на собственные мысли.

– Это означает «да»? – выдыхает Гриша и не торопится пересадить меня на соседнее место.

– Не знаю. – Откидываю голову назад и смотрю ему в глаза. – У меня еще есть муж, если ты не забыл.

– Порви с ним и дело с концом.

– Думаешь, это так легко? – Все-таки возвращаюсь на место и достаю влажные салфетки из сумки, чтобы вытереть бедра.

– Да. – Гриша застегивает ширинку и снова берется за ключи. – Особенно, когда тебя поддерживают в этом.

Естественно, за покупками в таком виде я уже не пошла. Он подвез меня обратно до дома и я вприпрыжку понеслась к подъезду, чтобы не нарваться на соседей. Там-то я уже действительно задумалась над его предложением. А ведь почему бы и нет? Жизнь с Федей стала похожа на каторгу. Бухает, живет с мыслями только о себе. А с Гришей я на ноги встану, он мне поможет. Дети... а что дети? Поймут, когда подрастут. Если останусь с мужем и буду дальше терпеть его

пофигизм к жизни, буду несчастлива. А какие могут расти дети у такой женщины? Тоже несчастные.

Об этом я думаю и когда варю из остатков продуктов суп на скорую руку. И когда прихожу на работу. Смена проходит будто в каком-то полусне. Лишь вяло отмечаю то, что Ани нет на месте уже вторую неделю. На перерыве краем уха слышу, как девчонки с соседних отделов бурно что-то обсуждают. Ну а кто ж сплетни-то не любит? Вот и подсев к ним, понимаю, что разговор как раз именно о нашем администраторе. Поэтому вклиниваюсь, чтобы разузнать побольше.

– Вы же видели, какая она ходила грустная в последнее время? – задаю им наводящий вопрос. – Может, у нее что-то серьезное произошло? А то ее как-то давно не видно здесь.

– Я слышала, – понижает голос Ленка с колбасного отдела, – как она со своим хахалем по телефону ругалась. А потом наша уборщица, Галька, рассказала, что мыла полы и подслушала ее разговор с начальником. Короче, уволилась она.

– Да ладно, – не скрываю шока.

– Ага, – Ленка надкусывает бутерброд. – Так что пахать нашей Любе без выходных, пока второго админа не найдут.

– Вот это новости. Интересно, что у них там произошло?

– Мне, честно, пофиг. Главное, чтоб человек пришел нормальный, а не такая мегера, как Анька.

– Да она злая была, потому что ее хмырь замуж не звал, – говорит Машка из кондитерского. – Тоже слышала их ругню

по этому поводу и не раз.

– Довела видать пацана...

Дальше уже не слушаю и, наскоро поблагодарив девчонок за посиделки, окрыленная несусь на рабочее места. Но и тут меня поджидал сюрприз. Федя собственно персоной. Заросший, небритый, видно только с вокзала. В руках вырванный цветок с клумбы нашего магазина, на роже дебильная ухмылка. Меня аж передернуло от вида мужа.

– Светка, козочка моя, – он улыбается и я замечаю, что ему еще и выбили зуб.

– Твою ж мать, – вырывается у меня. – Не здесь.

– Понял, – он продолжает ухмыляться, – ну я тогда тебя у заднего прохода подожду.

А мне остается лишь закатить глаза на его вшивые шуточки о нашем закутке, который находился позади магазина.

– Я сейчас, – киваю охраннику и прошу вторую кассиршу пока занять свое место. Естественно, не бесплатно. Потом придется что-то купить ей за то, что она тратит свой обеденный перерыв на меня.

– Светка, родная, как я скучал! – восклицает муж при виде меня и уже распахивает объятия, как я успеваю выставить руки вперед и он останавливается на месте.

– Тебя где носило? – шиплю.

– Дык работал я.

– Ммм, смотрю миллионы заработал и домой?

– Свет, каюсь и скрывать ничего не буду. Поставил все

деньги на рискованный проект и прогорел. Но пошел я на это лишь ради своей семьи.

– Да неужели?!

– Вот те крест, Светка, хотел заработать побольше. А получилось, что снова оказался в проигрыше. Еле хватило денег на обратную дорогу домой. Даже вот с вокзала уже пешком к тебе шел. Займешь денег на автобус?

– Знаешь, Федь, а займу. – Яростно вытряхиваю мелочь из заднего кармана джинсов и бросаю к его ногам. – Но только чтоб так: пришел домой, собрал монетки и свалил оттуда к херам собачьим!

– Да ты чего? Да блин, Светусь, да я найду, где подработать, – Федя даже побелел лицом от моего выпада. – Да ты не парься...

– А я уже привыкла. Всю жизнь с тобой живу и парюсь: что поесть, как детей одеть, когда отложить на коммуналку. Все! Надоело! Развода хочу!

– Больно ты храбрая стала, – щурится он, – неужто нашла кого-то?

– А нашла, да! И чтоб тебе стыдно было, он мне сегодня букетище подарил, а не вшивый цветок. И в кино водил. И детей готов принять. Он жизнь нам готов дать хорошую. Так что будь добр, сваливай и освободи мне место счастья.

Мы стоим и смотрим друг на друга. Накал страстей снижается в этой тишине. А когда Федя, поджав губы, начинает собирать мелочь с асфальта, то чувствую себя дрянью. Не по-

человечески как-то вышло все... Смотрю на то, как он ссутулившись бредет от меня, сердце сжимается. Но я не позволяю себе дать задний ход. Что случилось, то случилось.

28. Света

Время тянется, как резина. Бросаю взгляд на часы, а там как была половина восьмого, так и оставалось. А, нет, семь тридцать одна. Как же пережить оставшиеся полтора часа до конца смены? Особенно, когда твоя жизнь так кардинально поменялась за один день. В голове сумбур. Неужели все происходит наяву? Я действительно решила и выгнала Федю? И мы скоро будем вместе с Гришей? Не могу больше усидеть на месте и ставлю табличку на ленту кассы.

– Соня, подмени меня, я в туалет.

Не обращаю внимания на ее недовольное лицо и спешу в подсобку. Мне хочется позвонить Грише и обрадовать его, но абонент не отвечает. Тогда я решаю достучаться до него через другие мессенджеры. Стоит подключиться к вай-фаю, как телефон оживает от пиликанья оповещений. Сидки магазинов, кто-то добавился в друзья, новые истории в инстаграмме.

– Наверно, Каринка ожила, – бормочу себе под нос и захожу в инсту.

К сожалению, подругу мы теряли прямо на глазах и это уже не было пустыми разговорами. Она будто свихнулась на своем Илье. Но теперь я ее отчасти понимала, ведь на что ни пойдешь ради любимого человека.

Но это не она. Это Аня. Я уже не помнила, когда мы друг

на друга подписались. Да и раньше я как-то пролистывала ее новости. Но сейчас мне как никогда стало интересно. Уж лучше бы я не открывала это приложение... От увиденного холодеет душа. Последняя публикация повторяет один и тот же кадр и на нем, рука Ани то сжимается, то разжимается. А внутри, на ладони, тест с двумя полосками.

Перед глазами все кружится. Оседаю прямо на крышку унитаза и невидяще пялюсь в одну точку. Что за...как... это просто не может быть.

Нет, может.

И счастливый смайл рядом с надписью «Я скоро стану мамой» – тому верное подтверждение. Телефон вибрирует входящим звонком. А вот и тот, к кому у меня теперь всего один вопрос.

– Я увидела пост у Ани в сети, – без приветствия будто прыгаю с обрыва. – Это правда?

– Черт, – слышится ответ Гриши, – Свет...

– Это правда???

Но он молчит. Я слышу лишь тяжелое сопение.

– Отвечай! – вскрикиваю.

– Правда. – Наконец-то оживает Гриша.

– Ты отец?

– Я.

– Ты поэтому с ней разошелся?

– Чуть раньше, где-то за неделю. А потом Аня позвонила и огорошила новостью.

– Она носит твоего ребенка под сердцем, – хриплю от бессилия, – а ты выбрал меня и моих детей. Почему?

– Свет, все эти пеленки, зубы, горшки, колики, – он хмыкает, – у тебя это все в прошлом и меня это полностью устраивает. Я не люблю младенцев и всю суету, которую они разводят. Плюс, я видел, как мои женатые друзья воют от того, что все внимание принадлежит не им, а орущему свертку. Секса в семьях нет, жены страшные. С тобой такого уже не произойдет.

– Знаешь, – офигиваю, – я еще не слышала такого откровенного бреда. Ты поступаешь, как самый подлый человек на свете. Ты обрекаешь женщину на муки материнства в одиночестве. Но хуже всего, ты обрекаешь своего еще не родившегося ребенка на жизнь без отца. Или, как со мной, подождешь, пока Аня разгребет все сама, а ты явишься лет через пять-десять?

– Не лезь не в свое дело.

– А оно стало моим ровно с того момента, как ты снова появился на моем пути. Господи, как я могла повестись на такого урода?

– Ой, не начинай.

– А я не начинаю, Гриша, я заканчиваю. И этот разговор будет у нас последним. Не желаю тебя видеть рядом ни с собой, ни с кем-то из моей родни. Хватит! А если ты вдруг решишь меня послушаться, я тебя урою. Ясно?!

– Ясно, ясно, Свет. Нет, я конечно считал тебя тупорылой,

но не настолько.

– Ох, надо же, как мы заговорили... А буквально с утра ты мне в уши пел совсем другое.

– Тогда я еще думал, что с тобой прокатит. Из всех вариантов, ты была более-менее без геморроя. А сейчас, какой смысл прикидываться. Знаешь, почему я остановился на тебе? Потому что ты удобная. Не красавица, без амбиций. Ты из тех, кому бросишь хорошую палку, а они в ответ как собаки тебе в глаза смотрят и преданно виляют хвостом. Правда, в постели ты не айс. А так, на троечку с плюсом. Хотя утром ты меня удивила, я подумал, что есть с чем еще поработать. Но и этот шанс ты проебала. Так что, не ты точку ставишь, а я. Жди своего муженька и живите с ним долго и счастливо у разбитого корыта Ах, да, ты ж из этого корыта и не выползала.

Это мурло бросает трубку и не могу поверить в то, что сейчас услышала. Не знаю, плакать мне от обиды. Или от радости, что эта тварь меня бросила. Но еще я ловлю себя на мысли, что Ане повезло в какой-то степени. Как и мне. Улучше быть одной, чем с ним. Гриша ведь паразит, который меняет «хозяина», когда он ему надоедает и взять больше нечего. Я уверена, что ему без труда удастся захомутать очередную дурру, которая будет готова ради него бросить все на свете. А потом он и ее бросит. Жаль, что осознание этого далось такой ценой. Разбитому сердцу больно, заплеванной душе гадко.

– Эй, Свет, ты там уснула что ли? Кто работать будет, а? – тарабанят мне в дверь.

– Нет... я сейчас. – Вытираю слезы, которые все-таки незаметно для меня проступили на глазах и выхожу.

Дорабатываю кое-как и спешу домой. А там... сумки в коридоре и испуганные дети, выбегающие навстречу.

– Мам, а папка снова куда-то едет. Только он нам ничего не рассказывает. – Они смотрят мне в глаза и я снова едва могу сдержать слезы.

Из ванной выходит Федя. Вымыт, побрит, выглядит опрятно. Но в глаза не смотрит.

– Дети, идите в комнату. – Хрипло прошу их и подталкиваю в нужную сторону.

– Мам, – сын смотрит то на меня, то на мужа. – Все хорошо?

– Да, нам с папой просто нужно поговорить.

Ждем пока они закроют за собой дверь, я даже успеваю снять обувь и забросить сумки на пуфик.

– Я тут это, самое, ничего не говорил. Ты как все порешаешь, потом согласуем... наверно... – Федя аккуратно вкладывает бритвенные принадлежности в сумку.

– Федь.... – всхлипываю, – прости, я такая дура...

Он замирает и нерешительно смотрит на меня. А я несусь к нему навстречу и утыкаюсь носом в грудь. Слезы уже не остановить.

– Прости, прости, – повторяю, – не уходи. Я была права.

– А этого... не любишь?

– Не люблю, – мотаю головой. – Была ослеплена неверным чувством, но глаза открылись. Не хочу ничего рушить. Хочу, чтобы все у нас было, как раньше.

Я не знаю, сколько мы так простояли. Но все время я то и делала, что просила прощения. Хотя понимала, что сделала ему больно и, возможно, своим предательством все разрушила до основания. До последнего кирпичика.

– А знаешь, мне эта встряска тоже помогла кое-что увидеть, – он отстраняет меня от себя, – понял, почему ты позарилась на другого. Я виноват, Светка. От хороших мужиков ведь бабы не гуляют.

– Федь... разбирай сумки.

– Не, я уже все решил. Поеду снова на заработки, но в этот раз точно вернусь с деньгами. Хочу, чтобы ты смотрела на меня не как на бомжа какого-то, а как на нормального человека. Который в состоянии содержать свою семью.

– Ты вернешься? – у меня опускаются руки.

– Светка, ты же не смотря на все, вернулась же? – он грустно улыбается. – Ну вот, я тоже вернусь. Мы ж семья, елы-палы.

– Семья, – подтверждаю.

– Значит, не ссы. – Федя смотрит на дверь в основную комнату. – Дети, а ну харэ подслушивать и идите сюда. Папка список подарков собирать будет. Че кому купить?

И я смотрю на все это, думая, что чуть не потеряла по сво-

ей вине самое ценное. Повелась на красивые речи и картинные жесты. Думала, что решаю все сама. А по факту оказалось, что была ведомой. Уж лучше все вернется на свои круги. Долги, жизнь в однушке, но зато такой уже привычной жизнью. Не хочу больше ничего менять.

29. Ника

Отек на лице давно спал. Об инциденте в том доме напоминал лишь пожелтевший синяк на скуле да редкие новости из больницы, куда мы уехали Ирку на лечение. Да и то, это больше заслуга Андрея. Первые дни после случившегося напоминали ад. Пришлось взять отпуск за свой счет и быть дома, чтобы не пугать окружающих своим внешним видом. Мама все это время не отходила от меня ни на шаг и постоянно держала в руках то телефон, то капли для сердца. Я понимала ее состояние, ведь одна дочь пострадала по вине другой. Но разве она могла кого-то наказать? Как бы ни было ей горько, она единственная, кто держал связь с врачом, который докладывал о процедурах и реакции на них убитого в хлам организма сестры. Я же... строго настрого приказала больше ничего мне не рассказывать о ней. После того ужаса, которого я натерпелась в том доме, видеть и слышать что либо о сестре больше не хотелось. Возможно, я когда-нибудь ее прощу. Но не сейчас. Выходка Иры слишком дорого мне обошлась. Отвожу взгляд от зеркала и устремляю его в окно, за которым растянулось пасмурное небо. Мысли сами по себе уносят меня в день, когда мне стало сначала радостно, а затем больно.

– Ника, к тебе гости, – мама с перепуганным лицом заглядывает в нашу с Милкой комнату.

– Девочки? – приподнимаюсь на локтях и тру сонные глаза. Что-то, а после сотрясения постоянно хотелось спать.

– Нет, – она качает головой, – это... тот парень.

Пока до меня доходит, кто именно ко мне пришел, Андрей аккуратно оттесняет маму в сторону и проходит внутрь. И мне становится не по себе. Ведь вид у меня еще тот: уродливый синяк по всей скуле, линялый домашний костюм и вся эта обстановка вокруг... Но Андрей будто не видит ничего из этого. Присаживается на край постели и всматривается в мое лицо.

– Я... пожалуй... чайник поставлю, – мама неловко пятится назад и прикрывает за собой дверь.

– Андрей, я хочу попросить прощения, – мне удается сесть на кровати и наши лица теперь на одном уровне.

– Не надо.

– Нет, надо, – морщусь, когда слишком резко качаю головой, – мы доставили тебе слишком много проблем.

– Я пошел за тобой по своей воле. – Он кладет руку у моих ног и подается вперед. – В отличие от тебя, я знал, что меня может ожидать. А вот чем ты думала, для меня остается открытым вопросом.

– Ну, человек с выбросом адреналина еще и не на такое способен, – отвожжу взгляд, – и чтоб ты знал, тот поцелуй...

– Ника, – тихо зовет он меня по имени, – знаешь, сколько раз я хотел тебя поцеловать?

– Что? – мне кажется, что даже время замерло от его

признания.

– Неужели ты не видела, как я смотрел на тебя все это время?

– Я думала, что раздражаю тебя своим присутствием.

– Ну, мне было тяжело держать себя в руках. – Он усмехается и поправляет выбившуюся прядку мне за ухо. – Знаешь, это очень трудно, когда ты испытываешь чувства к человеку, но не можешь даже показать этого. Иногда агрессия в твою сторону спасала, но потом я чувствовал себя последним мудаком. А ты, как назло, еще и дружбу еще предложила.

– Зачем же ты согласился?

– Затем, что это был единственный шанс быть рядом и не вызывать у тебя никаких подозрений. – Пальцы Андрея очерчивают здоровую скулу и тормозят на подбородке. – Если бы я хоть как-то намекнул тебе о своих чувствах, ты бы тут же меня отшила. Я видел это по тебе и убедился по твоим мышлениям. И я не говорю, что это неправильно. Я сам долго метался, пока разбирался в своих ощущениях. Знаешь, ведь очень легко ошибиться и подтолкнуть человека в ненужном направлении. А мне нужно было убедиться в правильности всего происходящего. Время шло и я понял, что это не просто интерес к тебе, как к той, что умеет огрызаться и постоять за себя. И это не просто привязанность, которая зародилась в нашем общении. Я не чувствую к Вике и десятой доли того, что у меня происходит внут-

ри, когда я смотрю на тебя. Но мои моральные принципы, ровно, как и твои, не позволяют мне обещать тебе что-то большее, пока я состою в браке. Я не хочу видеть тебя в любовницах.

– И... – сглатываю, – что дальше?

– Я хочу подать на развод. – Его лицо сразу становится серьезным.

– В этом есть моя вина?

– Наш брак с Викой был обречен с самого начала. Твое появление в моей жизни лишь подтвердило этот факт. Как только я улажу все моменты, хочу забрать тебя к себе вместе с Милой.

Мне кажется, что я оказалась в какой-то сказке. Или сне. Или бреду. Если бы не теплые пальцы парня, которые осторожно сдвинулись вверх к моим губам, подумала, что тихо схожу с ума в своем мирке. Прикрываю глаза и выдыхаю. Здравомыслие орет внутри, что вроде бы все правильно. Но какой-то мерзкий голосок подсказывает, что все не так просто.

– Ты готова подождать меня немного? – слышится голос Андрея и я просто киваю в ответ.

А вслед за этим следует осторожный и мягкий поцелуй. Но и этого хватило, чтобы распалить искры между нами. Скользю ладонью по его затылку и легонько тяну за волосы и он хрипло делает вдох.

– Не сейчас, – он отстраняет меня от себя и мне едва

хватает сил сдерживать недовольный стон. – Тебе нельзя.

– Спасибо, – краснею и готова провалиться под землю. Вот что делает с девушками долгое отсутствие мужчины в ее жизни. Хвала Андрею и его благоразумию.

– Я позвоню вечером, – он подмигивает, когда встает с постели. – Поправляйся.

Но жизнь часто делает такие повороты, какие ей самой захочется. И ей плевать на все твои пожелания. Окрыленный человек возносится к солнцу и по неосторожности сжигает свои крылья к чертям. Как в той легенде. Да, именно так я себя и чувствовала, когда Андрей не позвонил ни вечером, ни на следующий день. Он перестал выходить на связь и у меня начало зарождаться плохое предчувствие. Я поняла, что не ошиблась, когда в парке, где играла Мила, ко мне под села сама Любовь Андреевна.

– Здравствуй, Ника, как ты? – она ставит между нами свою сумку, как барьер. – Все хорошо?

– В порядке, – киваю головой. – Как вы узнали, что мы здесь?

– Твоя мама подсказала.

– Ясно.

– Ника, я здесь не просто так. – Женщина достает конверт и протягивает мне его. – Это от Андрея.

– Что там? – немного боязливо кошусь на него.

– Тебе лучше самой его открыть.

С опаской заглядываю внутрь и тут же бросаю его об-

ратно на скамейку. На глазах выступают слезы и я отворачиваюсь.

– Это не от него. Это от вас.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что Андрей никогда бы не откупился от меня деньгами. Так что заберите их обратно.

– Не принимай все так в штыки. Считай, что это моральная компенсация.

– В честь чего?

– В честь не сбывшихся надежд. – Любовь Андреевна даже не смотрит на меня. – Мой сын очень умен, я знаю. Но даже он иногда может ошибиться.

– Я вам неровня, я знаю. – Сухо обозначаю понимание того, куда она клонит.

– Дело даже не в этом, – она отмахивается, – у Андрея есть обязательства перед семьей, под которыми он лично подписался.

– А у него вообще был выбор, – перевозжу взгляд на дочку, которая каталась на качели. – Или его будущее предопределили вы?

– Я не изверг своему ребенку, – некогда добродушная женщина сейчас смахивала на строгую и властную особу. – Все делалось для его блага. Ника, даже если я сейчас скажу, что жалею о некоторых решениях, это ничего не изменит. Развода не будет, иначе он многое потеряет. Разве ты хочешь, чтобы Андрей потерпел крах?

– Нет. Я хотела бы...

– Мы не всегда получаем желаемое. – Она перебивает меня и встает со скамьи. – И если ты действительно что-то к нему чувствуешь, сделай доброе дело. Не подталкивай Андрея к этому. Не появляйся у него на пути. Не тревожь его душу. Поверь, вы пройдете через это. Да, будет больно. Куда без этого? Но уж лучше достойно уступить и отпустить, чем разрушить столько жизней.

Она уходит, оставляя после себя и этого разговора горечь. Опаленные обрубки вместо крыльев заставляют меня пикировать вниз. Я закрываю глаза, чтобы скрыть нарастающую боль. И только смех дочери удерживает меня от ощущения того, что я разлетаюсь на фрагменты.

30. Ника

Эти слова до сих пор со мной, как и мое решение. Жалею ли я об этом? Есть такое дело. Как считаешь форумы, так и везде и всюду трубят о том, что за свою любовь нужно бороться. Но одно дело, когда для этого у тебя есть все необходимое. А другое, когда всё в этом мире против тебя. Нет ни инструментов, чтобы открылись заветные двери на твоём пути. Ты можешь сколько угодно расшибать об них свой лоб, но с той стороны все равно останется тишина. Поэтому, оставалось лишь смирение. К тому же, ситуация Светки стала прямым доказательством того, что иногда не стоит пытаться перепрыгнуть выше собственной головы. Вот попробовала она свою жизнь перекроить и что из этого вышло? Слезы, едва не испорченные судьбы нескольких людей и ничего хорошего. Я же нашла в себе силы остановиться в шаге от подобного.

Моя жизнь почти вернулась в прежнее русло. Естественно, о работе в доме Андрея больше не шло речи. Я снова взялась за фриланс и репетиторство. Хотя той суммы в конверте вполне хватило бы на нормальную жизнь еще бы на год. Но у меня рука не поднималась их тратить. Да, взять-то взяла, но не трогала. Отложила. С какой-то стороны это стало некой финансовой подушкой безопасности для меня. А моя дочка, мама и девочки – моей отдушиной.

И если с первыми было все в порядке, то у подруг шло не все так ладно, как хотелось бы. Точнее, меня волновала одна. Карина. Мне не нравилась ее одержимость этим Ильей. Она выходила за все допустимые рамки. Карина уволилась с работы, чтобы не привлекать к себе чужое внимание. И это была «просьба» ее любимого. Затем последовали редкие звонки от нее, в которые она пыталась впихнуть как можно больше информации. Но и она была вся сплошь какая-то фальшивая. Что-то мне подсказывало, что за той идеальной картинкой, которую преподносила нам Карина, прячется что-то страшное. Ведь после всего, подруга и вовсе перестала выходить на связь. И сегодня мы со Светой и, на всякий случай Федькой, решили ее навестить.

– Она нам хоть откроет? – Федор гипнотизирует дверь, пока я вдавливаю кнопку звонка до предела.

– Если что, выбьем двери, – кошусь на Светку и та, согласно кивает. – Но будем стоять до последнего. Карина, открывай! Я знаю, что ты дома, а твой благоверный улетел на сделку! Или нам вызвать МЧС?!

После этой фразы и где-то десяти ударов моей ноги по деревянной поверхности, замок щелкает и перед нами предстает наша подруга. И мы ее не узнаем.

– Это... – ахает Светка.

– Нихуя себе, – добавляет Федя.

– Живо все внутрь, – командуя я и, отталкивая Карину со своего пути, протискиваюсь в квартиру.

И только оказавшись внутри, я едва удерживаюсь от вскрика. Некогда красивая девушка превратилась в тень со следами заживающих ссадин и синяков. Ее гордость со времен института, волосы, теперь неровным каре болтались по обеим сторонам исхудавшего лица. Тянусь, чтобы коснуться ее, но она запуганно отшатывается в сторону.

– Не надо, – и натягивает халат почти по самые уши.

– Я даже и не стану просить тебя снять его, – качаю головой, – там ведь зрелище еще хуже? Это он тебя так? И даже не смей врать, что стала неуклюжей.

– Слышь, Карин, я тебя недолюбливал, конечно, – Федя чешет переносицу, – но это, блин, слишком. Может, с ним побазарить по-мужски?

– Не надо! – слишком быстро вскрикивает она.

И я не понимаю, как Илье удалось сломить некогда сильную духом девушку. Карина бы до последнего огрызалась и царапалась. Здесь что-то не так.

– Он на что-то тебя подсадил? – Теперь более внимательно всматриваюсь в ее лицо.

– Нет.

– Он тебе угрожает чем-то?

– Нет.

– Черт, Карин, да что с тобой тогда произошло? Почему ты позволила с собой это сотворить? – Не выдерживает Света.

– Я так сама захотела. – Следует ответ.

– Вот это вот? – Ахаю. – Сама?

– Сама, – подруга кивает головой и слабо усмехается. – И вот это все, что вы видите, моих рук дело. Илья даже пальцем меня не тронул.

– Как это? Ты... то есть...

– Девочки, спасибо за заботу, но вы лезете не в свое дело, – в ее голосе прорезываются нотки былой Карины. – И вам тут делать нечего. Уходите.

– Да щаз, – Федя фыркает. – Мы еще и ментов сюда позовем.

– Если вы так сделаете, то я буду вынуждена сказать, что это вы меня так оприходовали.

– Для этой клеветы, моя дорогая подруга, у тебя нет доказательств, – никак не могу унять дрожь в голосе.

– Когда у тебя полно связей, то это уже не так важно. – Как-то отрешенно говорит Карина. – Ничего уже не важно. Так что проваливайте и не звоните мне больше. Я хочу избавиться от вас, неудачников, как от балласта.

– Не смей, – грожу ей пальцем. – Не смей так поступать. Мы ведь поможем, только скажи, что нам делать. Дай хоть знак.

– Уходите. – Твердо стоит она на своем.

– Пойдем, – тянет меня за руку Света, – мы опоздали.

– Нет, – выворачиваюсь. – Карин, ну пожалуйста...

Я пытаюсь достучаться до нее, но бесполезно. Карина не хочет даже и слышать моих слов. На ее губах гуляет странная

улыбка, когда она смотрит на меня. Точнее, сквозь меня, как будто я стала пустым местом. И тогда я понимаю, что Света права. Мы слишком поздно кинулись и нашей Карины здесь больше не было. Существовала ее другая оболочка, которая «от» и «до» принадлежала теперь Илье. Но я так просто это не оставлю. Всегда существовала причина и следствие. И я все выясню, мне просто нужно немного времени. Лишь только поэтому я даю вывести себя из квартиры.

– Вы же понимаете, что здесь что-то не так? – задаю вопрос, когда мы оказываемся на улице.

– По ходу у нее башня совсем слетела, – откликается Федя.

– Очень на то похоже, – поддакивает ему Света.

– Ты серьезно? – даже останавливаюсь, чтобы посмотреть ей в глаза.

– Ну, этого следовало ожидать. Богатый мужик вскружил голову и поставил ей условия, типа почисти свое окружение. Мы же явно не вписываемся в богатые слои общества. Что не ясно-то? Только можно сказать это все нормально, а не устраивать весь этот цирк.

– А синяки? Это тоже нормально?

– А когда Карина у нас не любила экстрима? Ей же подавай все, как в порнухе, где то душат, то плетками фигачат. Может, этот Илья такой же извращенец. Не удивлюсь, что в угоду ему она себя и изувечила.

– Не веди себя так.

– Как? – Светка удивлена.

– Как «моя хата с краю – ничего не знаю».

– А я буду. Да, Ник, буду. И не смотри на меня так. У каждой из нас есть своя башка на плечах. Она же видела, во что ввязывается? Видела. Но нет же, била себя в грудь, мол, приручу и будет моим. Вот, распишитесь, пожалуйста.

– Неужели я только что услышала нотки злорадства? – Прищуриваюсь. – Свет, ты всегда возмущалась поведением Карины. Но чтоб так реагировать... я поражена.

– Ник, не будь дурой. Дружба дружбой, но нужно в первую очередь всегда думать о себе. – Рубит Светлана спокойным голосом. – Тебе же сказали не лезть, вот и не лезь. Не создавай себе проблем и не нагружай свою голову чужими. И да, это звучит грубо. Но у меня только все наладилось и я не хочу портить себе жизнь из-за того, что Карина вовремя не притормозила. Ты же слышала ее? О том, что есть связи? Ну и на кой оно мне надо? Пусть выпутывается сама. К тому же, почти все наше общение я только и слышала, что вечные издевки с ее стороны. Так что нет, Ник, не проси меня. Я помочь тебе в этом не стану.

Она пожимает плечами и, поджав губы, ускоряет шаг, чтобы догнать впереди идущего мужа. А я так и остаюсь стоять на месте. Вроде бы мне и лет уже много, и по жизни тоже достаточно повидала. А в людях, видимо, так и не научилась разбираться. А может, это дурная привычка верить в хорошее до последнего. И она настолько сильная, что ты иногда

не хочешь видеть настоящие лица окружающих. И ты к тому же тебя начинают мучить вопросы, о которых ты раньше даже и не задумывался.

А существовала ли эта дружба на самом деле? Или это было просто сотрудничество, у которого истек срок действия?

Похоже, что в нашем случае, некогда крепкий треугольник стал распадаться. Стороны не выдержали проверки временем. Увы...

31. Карина

Больно. Я смотрю на то, как подруги спорят и, даже не слыша их голосов, прекрасно понимаю суть. Вижу, как Никак разрывается, а Света позорно сбегает. И мне больно в двойне. Я не хотела, чтобы все так получилось. Я думала, что справлюсь. Но как же чертовски при этом облажалась. Нельзя быть настолько самонадеянной. Нельзя считать всех вокруг слепыми глупцами. Ведь всегда найдется тот, кто будет сильнее тебя. И хитрее.

Запрокидываю голову назад, но это не останавливает слезы. И тут же вздрагиваю от звонка телефона.

– Да, – нажимаю на зеленую иконку.

– Зачем они приходили? – на заднем фоне слышатся голоса и легкая музыка. Значит Илья уже на деловом обеде.

– Поставить точку, – сглатываю, – как ты и просил.

– И ты поставила, любимая?

– Да. Надеюсь, ты теперь доволен?

– Карин, тебе без них будет лучше, поверь мне на слово, – и Илья как ни в чем ни бывало переключается на совершенно другое, – что тебе привезти? Духи, сумочку?

– Свободу? – стеклянным взглядом провожаю Нику до поворота и затем она исчезает из поля моего зрения.

– А разве ее у тебя нет?

– Нет! – срываюсь. – Из-за этих чертовых камер, которые

ты понатыкал по моей квартире, я не могу и шага ступить без твоего ведома!

– Я просто переживаю и беспокоюсь о тебе. Естественно, мне бы было спокойней, если бы ты передумала и переехала в мой дом, который намного больше...

– Это не дом, а клетка чуть большего размера. – Поправляю его.

– И в ней бы ты была в большей безопасности, чем в своем скворечнике. Ты сама отказалась и вогнала себя в такое положение. Знаешь ведь, что я никогда в жизни тебе не наврежу.

– Почему я должна в это поверить?

– Потому что я питаю к тебе сильные чувства.

– Замолчи...

– Разве ты не этого хотела?

– Я любви хотела, Илья!!

– И ты ее получаешь сполна, – отрезает он, – поговорим дома.

Сползаю на пол и зарываюсь лицом в ладони. Только потом осознаю, что не плачу, а вою. Как так вышло?

Ведь все было идеально в начале. Я строила хитрый план и считала, что Илья в моих руках. Надо было лишь кое-где прогнуться, чтобы он ощутил себя главным. И у меня это вроде бы как получилось. Так отчего я не чувствую себя победительницей? Я не знаю. Но точкой невозврата можно назвать тот момент, когда я добилась того, что он отправил

свою жену далеко за границу. Не развелся, но такая ссылка меня полностью устроила. Я даже наблюдала из машины за тем, как он провожает ее в аэропорт и не понимала, почему на ее лице нет горя. Инга наоборот светилась от счастья. Но в тот момент я не хотела разбираться в причине такого поведения, я почти праздновала свою победу над ней. Упивалась своим новым положением. Даже не замечала первых звоночков, которые проявились фактически сразу же после этого. Мне казалось милым, что Илья настолько захотел участвовать в моей жизни. Но вскоре, все это стало смахивать на тотальный контроль всего, что я делаю.

Каждый выход в магазин, спа, встреча с подругами, все это должно было согласовываться с Ильей. Даже заказ еды на дом и то, он просматривал и одобрял те позиции, которые считал полезными. Я уже промолчу про мой телефон и ноутбук, которые он стал удаленно мониторить. Откуда я это знаю? Он исключил в соцсетях из друзей всех, кого посчитал неприемлемым для моего общения. Многие сообщения были задолго прочитаны, но не мной. Конечно же, мое сопротивление Илья встретил с усмешкой. Его это забавляло, а меня злило еще больше. Разговоры ни к чему толковому не приводили. Илья занял главенствующее положение не только в наших отношениях, но в моей жизни в целом. С опозданием, но до меня дошло, что он меня не любит. Точнее, не так. Его любовь была странной и не такой, какой все привыкли считать. И тут я вспомнила слова Инги о том, что он

коллекционер. Ему больше нравилась сама мысль того, что он завоевал очередной трофеей. Да и то, как завоевал... я сама прыгнула ему в руки. «Бриллиант» в его понимании нуждался в небольшой огранке, которую Илья с удовольствием и проводил. Спрашивал он моего мнения? Нет. Учитывал пожелания? Нет. Страсть, которая ослепила меня, наконец-то сошла на нет и я увидела насколько в ужасном положении находилась. Хотя, признаюсь, до последнего верила в лучшее. Но все чаще разговоры не клеились, а ночи страсти превращались в пытки. Любить в одностороннем порядке становилось все сложнее. Но уйти не получалось. Документы, ключи – все отобрано. И тогда я начала молиться, чтобы он обратил внимание на кого-нибудь еще, лишь бы забыл о моем существовании. Но и это не помогало, Илья как будто не замечал больше никого вокруг. И снова Инга всплывала в моем мозгу все чаще и чаще. Теперь я понимала ее, как никто. Перебирала все ее фразы в голове и искала зацепки. Но все было тщетно.

Я сказала девочкам правду, он и пальцем меня не тронул. Все синяки на мне – моих рук дело. Илья лишь стал катализатором для всего этого. Он восхищался моим телом и я подумала, что если сделаю его хотя бы чуточку некрасивым, он остынет ко мне. Но нет, его это позабавило и только. Даже не было никакого сочувствия. Попробовала бойкотировать другие его просьбы, меня лишали всех благ цивилизаций. А в довершении всего, за отказ переехать в его дом, он

напичкал мою квартиру камерами. Жизнь с ним стала адом, из которого я не видела выхода. Но, что самое печальное... крохотная часть меня, ебанутая на всю голову, продолжала ждать его прихода и звонка. Я, как чертова наркоманка, под села на Илью. Мне кажется, что я тотально сошла с ума.

32. Карина

– Карина, где ты? – слышится голос Ильи из коридора.

Куда бы он ни уезжал или улетал, он старался быстрее оказаться дома. Словно он действительно любящий семьянин. Выхожу из комнаты и застываю в коридоре. В его руках неизменный букет из кроваво-красных роз.

– Безумно соскучился, – Илья за пару шагов преодолевает расстояние между нами и свободной рукой притягивает за талию к себе. Как бы я ни старалась отвернуться, все равно целует.

– Нам надо поговорить, – делаю тысячную попытку позвать его к диалогу.

– Хорошо, – он впервые соглашается без каких-либо пререканий. И это напрягает.

Мы проходим на кухню, где парень скидывает пиджак и моет руки. Я пока занимаюсь цветами и старательно прячу за этим тот факт, что у меня безумно трясутся руки.

– Вина?

– Не откажусь. – Тянусь к верхнему шкафчику и достаю пару бокалов в то время, как Илья уходит снова в коридор и возвращается оттуда с бумажным пакетом. Достает оттуда бутылку красного, фрукты и сырную нарезку. Молча разливает вино по бокалам и протягивает один из них мне.

– Спасибо. – Принимаю его и присаживаюсь на стул. Он

повторяет следом за мной. Делаем по первому глотку в таком же молчании.

– Начинай, – дает отмашку Илья и расстегивает первые две пуговицы на рубашке.

– Твоими заслугами я осталась совершенно одна. – Кручу бокал за тонкую ножку и поднимаю глаза на парня. – Ради чего?

– Ты расстроилась так из-за своих подружек?

– Не только. Моих родителей ты тоже не жалуешь.

– Но ты с ними видишься?

– Вижусь.

– Значит твои обвинения слишком кричащие и беспочвенные.

– Но я не понимаю, почему с семьей ты не ограничил общения, а девочек заставил буквально вычеркнуть из жизни. Как и работу. Как и остальные увлечения. Как будто кроме тебя в моей жизни больше ничего не должно существовать!

– Сядь! – повышает он голос, а я даже не заметила, что в порыве гнева уже стою на ногах. – Давай разберем все по порядку, если тебе так этого хочется. Работа? Что ж, ты работала далеко не потому, что нуждалась в деньгах. Внимание – вот твое основное требование. Ты его получаешь от меня сполна, как я уже тебе говорил. И я не вижу каких-либо других причин, чтобы ты там находилась. Если ты считаешь, что чужие взгляды таких же чужих мужчин как-то разнообразят или подольют огонька в наши отношения, то я тебя тут же

огорчу. Я не устраиваю сцен, тем более на рабочем месте. Меня вообще мало волнует то, что они на тебя смотрят. А вот что меня конкретно удручает, так это то, что ТЫ это позволяешь. Карина, ты любишь остроту? Нравится ходить по краю? Но ты же понимаешь, что края могут быть скользкими и с них можно запросто соскользнуть вниз? А падать... это так больно.

– Не пугай меня, мне все равно не страшно. – Вздыхаю. – Но в одном ты прав, работала я там только ради тебя.

– Видишь, теперь там тебе делать нечего. – Илья не сводит с меня глаз. – Я уже рядом с тобой. Теперь о семье и твоих девочках. Это странно, что с отцом и матерью у тебя отношения хуже, чем с этими двумя подружками. Чтобы у вас ни произошло, ты сделала неверный акцент. Ты думаешь, что я изверг. Но, нет. Я приучаю тебя к тому, что семья – это главное. Это твоя опора. А все подружки – грязь. Взять эту Свету. Муж – алкоголик, отсутствие денежных средств, жизнь на грани. Ты привыкла в ней видеть бедную одноклассницу, но это не так. Это маска, за которой она удачно прячет свою сущность. Ты для нее не более, чем удобная кормушка. И пока она полная и что-то дает, твоя Света будет пастись рядом. Но, заметь, где она оказалась, как только ты отдалилась? Звонила она тебе? Волновалась? Какой была ее реакция, когда она тебя сегодня увидела? И насколько быстро она отреклась после твоих слов? Готов поспорить, что как только вышла за порог.

Слышать это неприятно, но и ответить нечего. Илья констатирует неприятную, но правду. Которую я знала, но почему-то не хотела принимать.

– А тебе было удобно, – Илья делает глоток вина, – чтобы тебя окружали такие люди. Которые нуждаются в тебе. Которым бы ты была больше за покровительницу. Согласись, их проблемы были пустяковыми и почти все решались деньгами, которые есть у тебя, а у них нет. Поэтому они и были такими преданными. Ты их покупала. Точнее, предана была тебе всего одна. Ника, кажется. Но ты же понимаешь, что это просто отдельный вид благодарности. Ничего иного она тебе дать не может. Но девочка, признаюсь, умная. Многого не требует. Знает свое место в иерархической цепочке.

– Мда, – теперь моя очередь осушить бокал до дна, – разложил все предельно ясно.

– Моя дорогая Карина, не надо. – Он качает головой. – Тебе удобно делать из меня монстра лишь потому, что так ты отвлекаешься от мыслей о себе. Ты ведь такая же, как и я. Просто стержень в тебе еще не до конца окреп. Твое сопротивление до ужаса смешно. Ну, зачем ты это делаешь?

– Окей, действительно, хрен с этими девочкам, – вино ударяет в голову, – я просто пытаюсь отвоевать обратно свою свободу. Ты душишь меня, Илья. Камеры по квартире, тотальный контроль. Я не могу иногда выйти из квартиры и уж тем более кому-то позвонить без твоего ведома.

– Да неужели? – вскидывает он брови в притворном удив-

лении. – А то ты не знаешь, где лежат твои запасные ключи. Которыми ты могла пользоваться в любое удобное время. Камеры? Ты ведь не глупая девочка и прекрасно знаешь, где щиток с основным блоком питания. Перестань притворяться, Карина, тебе не идет роль жертвы. Тебе наоборот нравилось все это. Особенно, заниматься самоудовлетворением на камеру. И в те моменты тебя ничего не смущало. Ты пока еще не владеешь мастерством игры на высшем уровне. Заигрываешься и сама же оставляешь себя в дураках. Но мы подошли к самому главному. Я люблю тебя так, как умею и считаю нужным это делать. Пусть даже это не вписывается в канонические рамки. Я могу дать тебе ту жизнь, которая тебе требуется. И при этом, научу не прятать свои истинные желания. Я докажу тебе, что подавлять себя настоящую очень плохо. Но принуждать ни к чему не буду. Если тебя что-то не устраивает, то мы разойдемся прямо здесь и сейчас. И больше ты меня не увидишь. Но выбор ты должна сделать сама. Я буду ждать твоего решения в машине и пойму, если ты захочешь остаться здесь. Если нет, то много вещей можешь не брать в свою новую жизнь. Научись оставлять все старье в прошлом.

И он действительно поднимается со стула, берет пиджак и уверенно выходит из квартиры. А я... смотрю на это все и не понимаю, что мне делать. Глупо отнекиваться от того, что каждое слово Ильи было абсолютной правдой. Я вот сейчас смотрю на эту квартиру и понимаю, что до сих пор ее не

обживала. Будто она принадлежала мне только на бумагах, а вот душой я ее так и не приняла. Подруги? Что ж... что-то всегда меняется и не в лучшую сторону. Тянуть их вечно за собой я не могла, а бросить было страшно. Но лишь до этого момента. Когда ты понимаешь, что друзей может быть в жизни еще очень много. И они могут быть лучше, чем те, что есть. Я в какой-то степени устала отдавать. Я хочу и получать. И не вечное нытье и жалобы, а что-то новое. Хочу увидеть мир в других красках. И это не предательство. Нужно двигаться дальше туда, где мои амбиции получают новый глоток воздуха. Да, роль жертвы мне не удалась. Но я побывала благотворительницей, жилеткой в которую плакали, подругой- снобом и удобной девочкой, которая была не против потрахаться взамен на что-то. Нет смысла больше прятаться. Теперь я хочу большего...

33. Год спустя

Ника

-Беги, – целую и подталкиваю дочку к остальной детворе, которую вокруг себя собирали аниматоры.

Наблюдаю за тем, как Мила смущенно отдает подарок имениннику и вливается в группу друзей из сада. Теперь у меня был час свободного времени, пока детвора веселилась в детской комнате. Но далеко уходить не хотелось, поэтому мой выбор пал на фуд-корт напротив, где можно было купить кофе на вынос и посидеть за пластиковым столиком. Кстати, оттуда открывался хороший обзор на комнату с детьми.

Горячий напиток немного обжигает, когда делаю глоток. Но это помогает немного согреться. Все-таки зима выдалась холоднее, чем в прошлом году.

– Ника?

Поднимаю глаза и встречаюсь взглядом со Светкой. Она изменилась и это очень бросается в глаза. Особенно округлившийся животик, который она демонстративно наглаживает.

– Надо же, – подбираю слова, – вот это да. Поздравляю!

– Спасибо, – ее лицо озаряется улыбкой и Света расценивает это в свойственной ей манере. Без спросу отодвигает стул и присаживается напротив. – Как вы поживаете? Как

малая?

– Да ничего, все в порядке. Милка, вон, на дне рождения. А вы? Как это решились на третьего?

– Ой, да как, – она смеется и взмахивает ладонью, – решились на продажу однушки, влезли в ипотеку и, вот, «отметили» переселение на более широкую жилплощадь. Решили, что уж если двоих подняли, то и третьего потянем.

– Значит, у вас все хорошо? – делаю еще один глоток и прячу в стаканчике усмешку. И эта усмешка не совсем выходит доброй.

– Ну, не без проблем, конечно, – хмыкает она, – но они есть у каждого. Верно же?

– Ты сейчас так пытаешься узнать есть ли они у меня? Или ты пытаешься себя убедить, что у тебя не все так плохо? – Ставлю бумажный стаканчик на стол. Кофе резко стал невкусным. Горьким и холодным. Ровно таким же, как и наше общение.

– Зачем ты так? – Света делает вид, будто не понимает меня. – Мы же подруги.

– Надо же, – не сдерживаюсь от сарказма, – и где же ты была весь прошлый год, «подруга»? Пропала, ни звонков, ни ответов.

– Мне нужно было время, чтобы привести свою жизнь в порядок. К тому же ты там была занята проблемами Карины. Разве не так?

– Да, все так. Я вела себя так, как положено друзьям. Быть

в радости и горести, подставлять плечо, когда трудно. И, главное, не бросать. Особенно, когда человек в тебе нуждается, но не может об этом сказать. – Фыркаю.

– Ой, ну ты тоже сейчас расскажешь такое, – девушка передергивает плечами, – как послушать, так какой-то остро-сюжетный фильм получается.

– Была бы ты рядом, все увидела бы своими глазами.

– Я уверена, что вы со всем справились, девочки. Теперь же все хорошо? Волноваться нет смысла?

– Свет, вот честно, не понимаю твоих вопросов. – Откидываюсь на спинку пластикового стула и скрещиваю руки на груди. – Чего паришься? Тебя не касались ни мои, ни ее проблемы тогда, то и не зачем тебе знать что-либо сейчас. Волнения в твоём положении противопоказаны.

– Но ты уже меня расстроила. Ведешь себя так, как будто я сделала что-то страшное! Подумаешь, включила голову и не стала вляпываться в ненужное дерьмо. Это нормально, Ника, когда ты ограждаешь себя и свою семью. Не все такие на голову отломанные, как ты. Кидаешься и в огонь, и в воду, даже не спрашивая у людей, а оно им надо? Нет, оно понятно, что жизнь с такой сестрой, как твоя Ирка сделала тебя такой...

– Какой, Свет? – заставляю ее на мгновение остановиться.

– Сердобольной. – Вздыхает она. – Не умеешь ты останавливаться, когда надо. Я на сто процентов уверена, что Карина тебе при этом даже спасибо не сказала. Да? А ты видела,

как она теперь живет? Катается в шоколаде, бизнес леди наша. Обрубила все концы, избавилась от нас, как будто считала грязь с подошвы ботинок. Позабыла свои корни и то, как мы... как я...

– Света, остановись, – встаю со стула и подхожу ближе. – Не надо начинать истерику прилюдно. Тебя это в выгодном свете все равно не покажет.

– Все так же заступаешься за нее? Ника, я не пойму, ты совсем идиоткой стала?

– Я ни за кого не заступаюсь, а реально смотрю на вещи. Ни я, ни ты ничего Карине не давали и дать не могли. Мы просто скрашивали определенный промежуток ее жизни. Мы всегда были из разных миров и ее пребывание среди нас носило временный характер. А ты просто бесишься, что она наконец-то зажила так, как ей положено. А ты так и осталась на своем месте.

– Ой, ли, как ты заговорила. Но ты, подруга, не далеко-то от меня ушла, если на то пошло. Принц твой прекрасный соскочил и не вернулся, да? Оставил тебя прозябать у разбитого корыта, да?

– Мое корыто уж получше твоего будет. Света, ты думаешь, я не в курсе твоего реального положения? У меня одна из садиковских мам работает в ломбарде, куда твой любимый Федя сносит все золото, которое тебе так любезно когда-то отдавала Карина.

– У меня просто пальцы отекают и я его не ношу.

– Да ты что? А что скажешь по поводу того, что Федя по синьке стоял в том ломбарде и жаловался, что жена заставляет его работать. И ребенка вы заделали лишь из-за материнского капитала, который пустите на ипотеку. Ведь вы ее совсем не тянете!

Я не планировала устраивать ругню посреди торгового центра. Но тот яд, который Света незаслуженно выплескивала на меня... стало финишной чертой для моего терпения.

– Откуда ты... – хватает воздух ртом Света и белеет на глазах.

– Оттуда, что была в тот момент в ломбарде. Зашла с Милой в туалет и весьма удачно. Света, смирись с тем, где и как ты живешь. Иначе ты рано или поздно захлебнешься своей завистью.

– А ты, Ника, все согласна проглатывать.

– Да, – киваю головой, – если это поможет мне жить спокойно. Чего и тебе советую.

– Да иди ты со своими советами, – с этими словами она отворачивается, – я думала, что ты будешь на моей стороне.

– Знаешь, чему меня и научила вся ситуация с Кариной, так это то, что нужно думать о себе в первую очередь. Надеяться ни на кого больше нельзя. Потому что все, даже родные, как моя Ира, могут тебя очень круто подвести. А ты Света и подавно. Спасибо, уже могла в этом убедиться. И больше не желаю видеть такую «подругу» в своем окружении. Всего наилучшего тебе и твоим детям.

Отталкиваюсь от стола и иду к игровой. Я думала, что после разговора мне будет тяжело на душе. А вышло совсем иначе. Я чувствую облегчение. Как будто доделала генеральную уборку и очистилась до конца. Почему теперь все так? Потому что моя жизнь и в правду изменилась. Во многом и фактически сразу. И все началось с Карины.

Пусть Света думает, что я была занята Кариной. Но на самом деле это не так. Потому что когда нет человека, то и нет тех пресловутых проблем. Я и правда сначала пыталась найти ее, но Карина просто взяла и испарилась. Тогда я связалась с ее родителями и узнала, что с ними она связь изредка, но поддерживала. Вся ситуация стала для меня совсем запутанной и непонятной. И оставалась таковой ровно до того момента, когда на пороге квартиры вдруг появился курьер с увесистым конвертом. А в нем я нашла документы на мое имя и письмо, написанное от руки. Где Карина в свойственной ей манере все и объяснила. Не могу сказать, что полностью ее поддерживала, но частично понимала причину ее поступка. И даже в какой-то степени была рада за нее. Да, наши дороги разошлись и она просила сильно не проклинать ее за этот выбор. Но у нее появился шанс на что-то большее, а с нами она себя уже исчерпала. Да, грубо. Но зато честно. Карина желала и мне того же, чтобы я обрела свободу и перестала тяготить себя чужими проблемами. А еще настоятельно просила хорошенько присмотреться к Свете. Но этот совет был с опозданием. Гнилая натура второй подруги откры-

лась сама по себе. Особенно было неприятно то, что Света посмела растрепать обо мне и Андрее почти половине народа. И как она это делала... мол, посмотрите, из нас троих, она самая удачливая. И муж при ней, и дети. А что у них? Одна нога продолжает раздвигать не бесплатно, а вторая вернулась к матери, так как ей не повезло захомутать богатенького мальчика. Ничего нового, но так обидно. Мир ведь круглый и все эти слухи все равно нашли своего адресата. И если я сначала не понимала их причину, то теперь все стало на свои места. Света так самоутверждалась. Поливала всех говном, чтобы на нашем фоне выглядеть в более выгодном свете. И все из-за банальной зависти, чтоб ее!

Но больше всего меня поразило «последний жест, как от подруги», как написала сама Карина. Подписанные документы были на ее квартиру, владелицей которой теперь значилась я.

«Ты верный человек, Ника. У тебя должно быть все хорошо. Воспользуйся этим с умом»

В тот же вечер мы с Милой переехали на новое место. Мама не захотела оставлять свою квартиру и Иру. А я не захотела забирать сестру с собой. Вера в Ирину так и не восстановилась. Настаивать я не стала, ведь мама... она так и будет носиться с сестрой не смотря на ее грехи. Мне же хотелось начать жизнь с чистого листа, раз судьба сама подкинула мне эту возможность. Отнекиваться и отказываться от такого я больше не желала. Деньги Андрея стали хорошим

подспорьем в первое время и это того стоило. Я впервые почувствовала уверенность в завтрашнем дне.

Но Свете об этом знать не обязательно. Злость, зависть, жадность. Все это сделало ее совсем невыносимым человеком с чувством того, что ей все поголовно что-то обязаны. И этот разговор стал еще одним подтверждением моим мыслям.

– Мама, – Милка, вся красная и запыхавшаяся от бега, обнимает меня, – я так тебя люблю!

– И я тебя, солнышко, – обнимаю ее в ответ, – еще побудешь на дне рождении или домой?

– Еще побуду.

– Ну, тогда беги.

Сама присаживаюсь на диванчик к остальным родителям, чьи дети резвились в игровой комнате. В кармане вибрирует телефон и улыбка на моем лице становится чуть тусклее.

Подожди меня еще немного.

Номер адресата не высвечивается, но я и так знаю, что это Андрей. Вопреки всему, он все же начал бракоразводный процесс. И он был очень болезненным для него. Мне так хотелось увидеть его и поддержать, но наши встречи могли сильно ударить по репутации парня. Но он в свою очередь, не смотря ни на что, остался верен своему слову. И раз в месяц я получала такие краткие сообщения. Да, из них я мало что узнавала об истинном положении вещей, но они поддерживали крохотный огонек надежды внутри меня.

Я верила, что у меня все будет хорошо. Как будет хорошо и у Карины, которая будто «оживла» судя по ее инстаграмму. Даже Свете я тоже желала познать немного счастья. Просто всему нужно свое время. И свое место.

Конец